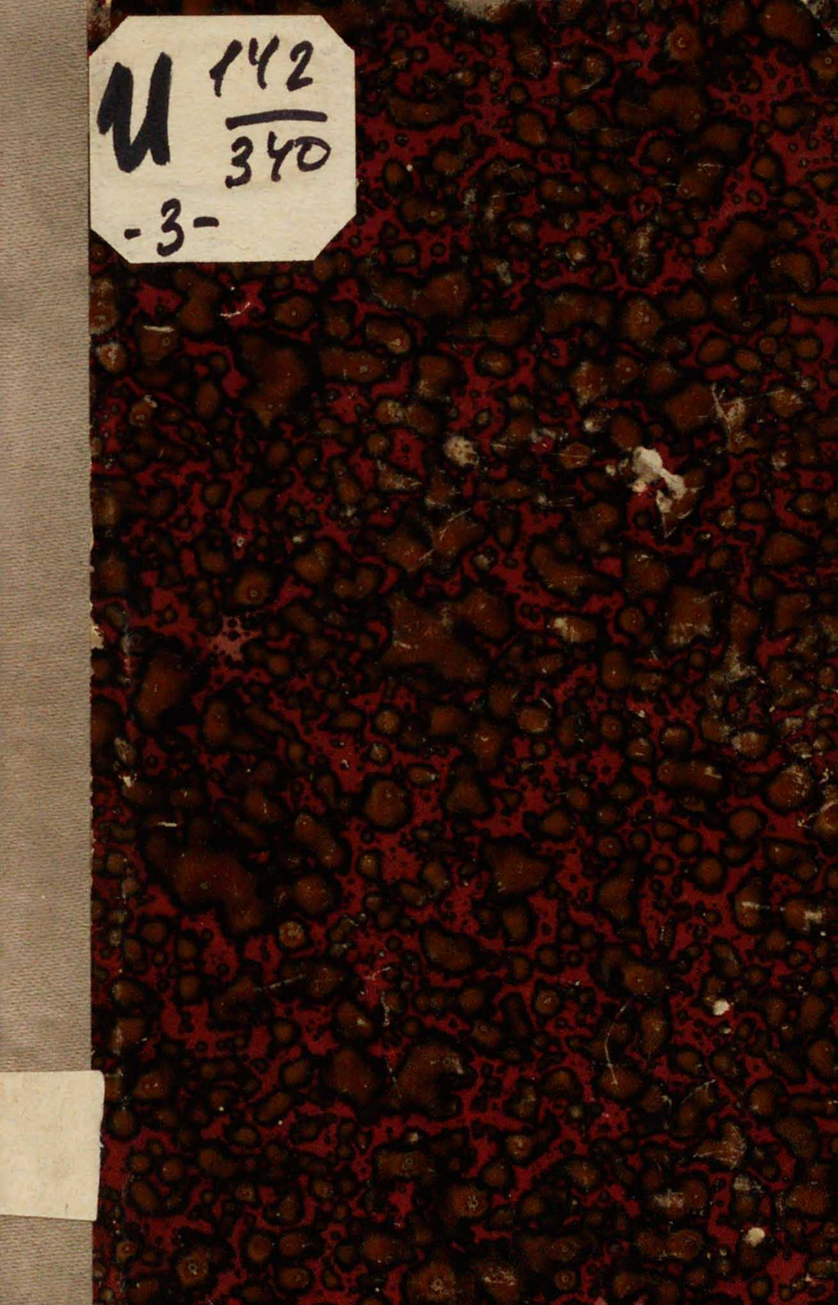

И 142/340
-3-

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

ИЗДАНІЕ

Д. Ѳ. САМАРИНА.

III.

Цѣна каждой части въ переплетѣ одинъ рубль.

ДѢДУШКИ ИРИНЕЯ

(Князя В. Ѳ. Одоевскаго)

СКАЗКИ И СОЧИНЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СЪ 14 КАРТИНКАМИ, РИСОВАННЫМИ В. Е. МАКОВСКИМЪ И ГРАВИРОВАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ Ю. Э. КОНДЕНОМЪ.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°.
Большая Дмитровка, № 7.
1871.

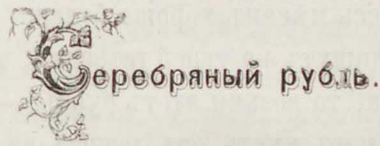

Дозволено цензурою. Москва, Апрѣля 27 дня 1871 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СЕРЕБРЯНЫЙ РУБЛЬ.

Серебряный рубль.

Дѣдушка Ириней очень любитъ маленькихъ дѣтей, т. е. такихъ дѣтей, которыя умны, слушаютъ когда имъ что говорятъ, не зѣваютъ по сторонамъ и не глядятъ въ окошко, когда маменька имъ показываетъ книжку. Дѣдушка Ириней любитъ особенно маленькую Лидиньку, и когда Лидинька умна, дѣдушка даритъ ей куклу, конфетку, а иногда пятачекъ, гривенникъ, пятиалтынный, двугривенный, четвертакъ, полтинникъ. Вы, умныя дѣти, вѣрно знаете, какія это деньги?

Однажды дѣдушка Ириней собрался ѣхать въ дорогу на цѣлый мѣсяцъ; вы знаете, я чаю, сколько дней въ мѣсяцѣ и сколько дней въ недѣлѣ? Когда дѣдушка Ириней собрался въ дорогу, Лидинька

очень плакала и считала по пальцамъ, сколько дней она не увидитъ дѣдушку.

Дѣдушка утѣшалъ Лидиньку и говорилъ ей, что если она будетъ умна, то онъ пріѣдетъ скорѣе, нежели она думаетъ; «а на память», сказалъ дѣдушка, «я оставляю тебѣ серебряный рубль, и «положу его вотъ здѣсь на столъ, передъ зеркаломъ. «Если ты весь мѣсяцъ хорошо будешь учиться и «учители запишутъ на твоей тетрадкѣ, что ты была прилежна, то возьми этотъ рубль,—онъ твой; «а до тѣхъ поръ пусть онъ лежитъ на столѣ; не «трогай его, а только смотри; а смотря на него, «вспоминай о томъ, что̀ я тебѣ говорилъ». Съ этими словами дѣдушка положилъ на столъ, передъ зеркаломъ, прекрасный, новенькій рубль.

Дѣдушка уѣхалъ. Лидинька поплакала, погоревала, а потомъ, какъ умная дѣвочка, стала думать о томъ, какъ бы дѣдушкѣ угодить и хорошенько учиться.

Подошла она и къ столу полюбоваться на свѣтленькій, серебряный рубль; подошла, смотритъ и видитъ, что вмѣсто одного рубля, лежатъ два.

— Ахъ, какой же дѣдушка добрый! сказала Лидинька. Онъ говорилъ, что положитъ на столъ только одинъ рубль, а вмѣсто того положилъ два.

Долго любовалась Лидинька, смотря на свои

серебряные рублики; тогда же свѣтило солнышко въ окошки прямо на рублики, и они горѣли, какъ въ огнѣ.

Надобно правду сказать, что Лидинька очень хорошо училась, во время ученья забывала о своихъ рубляхъ, а слушала только то, что̀ ей говорилъ учитель. Но когда вечеромъ она легла въ постельку, то не могла не подумать о томъ, что она теперь очень богата, что у нея цѣлыхъ два серебряныхъ рубля; а какъ Лидинька прилежно училась считать, то она тотчасъ сочла, что у ней въ двухъ рубляхъ 20 гривенниковъ; никогда еще у нея не бывало такого богатства. Куда дѣвать цѣлыхъ два рубля? Что купить на нихъ? Тутъ Лидинька вспомнила, что видѣла она въ лавкѣ прехорошенькую куклу; только просили за нее очень дорого—цѣлыхъ полтора серебряныхъ рубля, то есть рубль съ полтиною. Да вспомнила она также, что ей понравился маленькій наперстокъ, за который просили 40 коп. серебромъ; да вспомнила еще, что она обѣщала бѣдному хромому, который стоитъ у церкви, цѣлый гривенникъ, когда онъ у нея будетъ, за то, что Лидинька, выходя изъ церкви, уронила платокъ и не замѣтила этого, а бѣдный хроменькій поднялъ платокъ и, не смотря на то, что ему ходить на костыляхъ очень

было трудно, догналъ Лидиньку и отдалъ ей платокъ. Но тутъ Лидинька подумала, что ужь цѣлая недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ она обѣщала хроменькому гривенникъ и что теперь очень бы хорошо было дать хроменькому два гривенника, вмѣсто одного, за долгое жданье. Но если хроменькому дать два гривенника, то тогда не достанетъ денегъ на куклу и наперстокъ; а наперстокъ былъ Лидинькѣ очень нуженъ, потому что она была большая рукодѣльница и сама шила платья для своихъ куколъ. Подумавъ немножко, Лидинька разсудила, что у нея и старая кукла еще очень хороша, а что только нужно ей купить кроватку, за которую просили рубль серебряный. Лидинька и разсчитала, что если она заплатитъ за кроватку рубль, за наперстокъ сорокъ копѣекъ, да нищенкому дастъ два гривенника, то еще денегъ у нея останется. А много ли у Лидиньки останется денегъ? Сочтите-ка дѣти?

Между тѣмъ Лидинька думала, думала, да и заночивала, и во снѣ ей все снилась лавка съ игрушками, и казалось ей, что кукла ложилась въ кроватку и присѣдала, благодаря Лидиньку за такую хорошую кроватку; и снилось ей, что наперсточекъ бѣгалъ по столу и самъ вскаки-

И во снѣ Лидинькѣ казалось, что кукла ложилась въ кроватку и присядала благодаря ее за такую хорошую кроватку, что хроменькой прыгалъ отъ радости, что Лидинька дала ему два гривенника.

валъ къ ней на пальчикъ, и что съ нимъ и хроменькій прыгалъ отъ радости, что Лидинька дала ему два гривенника.

По утру Лидинька проснулась и стала просить горничную:

— Дашинька, голубушка, сходи въ гостиную, тамъ дѣдушка на столъ положилъ для меня два рубля серебряныхъ. Они такіе хорошенькіе, новенькіе, свѣтленькіе. Принеси мнѣ на нихъ полюбоваться.

Даша послушалась, пошла въ гостиную и принесла оттуда рубль, который дѣдушка положилъ на столѣ.

Лидинька взяла рубль.

— Хорошо, сказала она, ну а другой-то гдѣ-жь? Принеси и другой: мнѣ хочется послушать, какъ они звѣнятъ другъ объ друга.

Даша отвѣчала, что на столѣ лежалъ только одинъ рубль, а что другой вѣрно украли.

— Да кто же укралъ? спросила Лидинька.

Даша засмѣялась.

— Воры ночью приходили, да и украли его, отвѣчала она.

Лидинька расплакалась и побѣжала къ маменькѣ разсказывать про свое горе, какъ дѣдушка положилъ для нея два рубля на столъ и какъ Даша

говоритъ, что ночью воры приходили и одинъ рубль украли.

Маменька позвала Дашу. О чемъ она говорила съ Дашей, Лидинька не могла хорошенько понять, но однакожь замѣтила, что маменька говорила очень строго и винила Дашу, какъ будто Даша сама взяла. Отъ этихъ словъ Даша расплакалась.

Лидинька не знала, что̀ и придумать.

Между тѣмъ пришелъ учитель; Лидинька должна была отереть слезы и приняться за ученіе; но она была очень грустна.

Между тѣмъ рубль положила опять на то же мѣсто, гдѣ положилъ его дѣдушка.

Когда кончилось ученіе, Лидинька печально подошла къ столу полюбоваться на свой оставшійся рубликъ, и подумать, какъ растянуть его, чтобъ достало его на наперстокъ, хроменькому и на маленькую тяжелую подушку, на которую бы можно было прикалывать работу, которая также очень нужна была для Лидиньки.

Лидинька подошла къ столу и вскрикнула отъ радости,—передъ ней опять были оба рублика.

— Маменька, маменька! закричала она. Даша не виновата, мои оба рублика цѣлы.

Маменька подошла къ столу.

— Какая же ты глупая дѣвочка, сказала она.

Развѣ ты не видишь, что одинъ рубликъ настоящій, а другой ты видишь въ зеркалѣ, какъ ты видишь себя, меня и все, что̀ есть въ комнатѣ. Ты не подумала объ этомъ, а я тебѣ повѣрила и винила Дашу, что она украла.

Лидинька снова въ слезы; побѣжала скорѣе къ Дашѣ, бросилась къ ней на шею и говорила ей:

— Даша, голубушка, я виновата, прости меня, я глупая дѣвочка, наговорила маменькѣ вздоръ и подвела тебя подъ гнѣвъ. Прости меня, сдѣлай милость.

Съ тѣхъ поръ Лидинька не думала больше о рублѣ, а старалась прилежно учиться. Когда же встрѣчалась съ Дашею, то краснѣла отъ стыда.

Черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ и дѣдушка и спросилъ:

— А что, Лидинька, заработала ли ты рубль?

Лидинька ничего не отвѣчала и потупила глазки, а маменька разсказала дѣдушкѣ все, что̀ случилось съ его рублемъ.

Дѣдушка сказалъ:

— Ты хорошо училась и заработала свой рубль, онъ твой, бери его; а вотъ тебѣ и другой, который ты видѣла въ зеркалѣ.

— Нѣтъ, отвѣчала Лидинька, я этого рубля не стою: я этимъ рублемъ обидѣла бѣдную Дашу.

— Все равно, отвѣчалъ дѣдушка, и этотъ рубль твой.

Лидинька немножко подумала.

— Хорошо, сказала она запинаясь, если рубль мой, то позвольте мнѣ...

— Что? сказалъ дѣдушка.

— Отдать его Дашѣ, отвѣчала Лидинька.

Дѣдушка поцѣловалъ Лидиньку, а она опрометью побѣжала къ Дашѣ, отдала ей рубль и попросила размѣнять другой, чтобы снести два гривенника къ бѣдному хромому.

ШАРМАНЩИКЪ.

Шарманщикъ.

Какъ вы счастливы, любезныя дѣти! У васъ есть маменьки, которыя о васъ заботятся: чего бы вы ни захотѣли, что̀ бы ни задумали, — все готово для васъ. Нѣсколько глазъ смотрятъ за каждымъ вашимъ шагомъ. Подойдете близко къ столу, — нѣсколько голосовъ вамъ кричатъ: берегись!... не ушибися!.. Вы занемогли, — маменька въ безпокойствѣ, весь домъ въ хлопотахъ: являются и родные, и докторъ, и лѣкарства; маменька не спитъ ночью надъ вами, заслоняетъ васъ отъ вѣтра, а когда вы заснете въ своей мягкой постелькѣ, тогда никто въ домѣ не смѣй пошевелиться. Едва вы проснетесь, — и маменька улыбается вамъ, и при-

носитъ вамъ игрушкии, разсказываетъ сказочки, и показываетъ книжки съ картинками. Какъ вы счастливы, милыя дѣти! Вамъ и въ голову не приходитъ, что есть на свѣтѣ другія дѣти, у которыхъ нѣтъ ни маменьки, ни папеньки, ни мягкой постельки, ни игрушекъ, ни книжекъ съ картинками. Я разскажу вамъ повѣсть объ одномъ изъ такихъ дитятей.

Ваня, сынъ бѣднаго органнаго музыканта (одного изъ тѣхъ, которыхъ вы часто встрѣчаете на улицѣ съ органами, или которые входятъ во дворъ, останавливаются на морозѣ и забавляютъ васъ своею музыкою), Ваня шелъ рано поутру съ Васильевскаго острова въ Петропавловскую школу. Не бездѣлица была ему, бѣдному, поспѣвать каждый день къ назначенному времени. Отецъ его жилъ далеко, очень далеко, въ Чекушахъ. Ваня въ этотъ день вышелъ особенно рано; ночью слегка морозило, льдинки хрустѣли подъ ногами бѣднаго Вани, который въ одной курточкѣ перепрыгивалъ съ камешка на камешекъ, чтобъ лучше согрѣться. Не смотря на то, онъ былъ веселъ, прикусывалъ хлѣбъ, который мать положила ему въ сумку, повторялъ урокъ, который надобно ему было сказать въ классѣ, и радовался, что знаетъ его хорошо,—радовался, что въ это воскресенье не оставятъ его въ школѣ

за наказанье, какъ то случилось на прошедшей недѣлѣ; больше у него ничего не было въ мысляхъ. Ужъ онъ перешелъ черезъ Синій мостъ, прошелъ Красный и быстро бѣжалъ по гранитному тротуару Мойки, какъ вдругъ Ваня за что-то запнулся, смотритъ, — передъ нимъ лежитъ маленькій ребенокъ, закутанный въ лохмотья. Ребенокъ уже не кричалъ; губки его были сини; ручки, высунувшіяся изъ лохмотьевъ, окостенѣли. Ваня очень былъ удивленъ такой находкой; онъ посмотрѣлъ вокругъ себя, думая, что мать ребенка оставила его тутъ только на время, но на улицѣ никого не было. Ваня бросился къ ребенку, поднялъ его и, не зная, что̀ дѣлать, сталъ было цѣловать его, но испугался, — ему показалось, что онъ цѣлуетъ мертваго. Наконецъ ребенокъ вскрикнулъ. Ваня очень этому обрадовался, и первая мысль его была—отнести его къ себѣ домой; но, прошедши нѣсколько шаговъ, онъ почувствовалъ, что эта ноша была для него слишкомъ тяжела, и сверхъ того онъ замѣтилъ, что его найденышъ дрожалъ и едва дышалъ отъ холода. Ваня былъ въ отчаяніи. Онъ скинулъ съ себя курточку, накинулъ ее на младенца, теръ у него руки; но все было напрасно: ребенокъ кричалъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Посмотрѣвъ снова вокругъ себя съ безпокойствомъ,

онъ увидѣлъ стоявшаго близъ дома сторожа, который хладнокровно смотрѣлъ на эту сцену. Ваня тотчасъ подошелъ къ нему съ своею ношею. «Дядюшка, сказалъ онъ, пригрѣй ребенка». Но сторожъ, чухонецъ, не понималъ словъ его и только качалъ головою. Ваня сказалъ ему то же по-нѣмецки; Маймистъ опять его не понялъ. Ваня не зналъ, что дѣлать; онъ видѣлъ, что минуты были дороги, что одна скорая помощь могла спасти оледенѣлаго ребенка. Въ это время изъ дома вышелъ какой-то господинъ и, увидѣвъ Ваню, спросилъ его:

— Чего ты хочешь, мальчикъ?

— Я прошу, отвѣчалъ Ваня, чтобъ взяли и согрѣли этого ребенка, пока я сбѣгаю за батюшкой.

— Да гдѣ ты взялъ этого ребенка? спросилъ незнакомецъ.

— Здѣсь на тротуарѣ, отвѣчалъ Ваня.

Господинъ взялъ ребенка на руки и далъ знакъ Ванѣ, чтобъ онъ за нимъ слѣдовалъ. Они вошли въ домъ. Незнакомецъ спросилъ у Вани:

— Для чего ты хочешь идти за своимъ отцомъ?

— Для того, отвѣчалъ Ваня, что мнѣ одному не донести до дому этого ребенка.

— Да кто ты?

— Я сынъ органнаго музыканта.

— Такъ твой отецъ долженъ быть очень бѣденъ?

— Да, отвѣчалъ Ваня, мы очень бѣдны. Батюшка ходитъ по городу съ органомъ, матушка учитъ собачекъ плясать; тѣмъ мы и кормимся.

— Ну такъ гдѣ же ему содержать еще ребенка! Оставь его здѣсь.—Ваня былъ въ недоумѣніи. Незнакомецъ, замѣтивъ это, сказалъ:—Говорю тебѣ, оставь его здѣсь; ему здѣсь будетъ хорошо.

Между тѣмъ какъ они говорили, вошедшая въ комнату женщина раздѣла ребенка, вытерла его сукномъ и начала кормить грудью. Ваня видѣлъ, какъ заботились о его найденышѣ; онъ понималъ, что незнакомецъ говорилъ ему правду и что отцу его невозможно будетъ содержать новаго питомца; но все ему жаль было съ нимъ разстаться.

— Позвольте мнѣ, сказалъ онъ сквозь слезы, хоть иногда навѣщать его?

— Съ радостію, отвѣчалъ ему незнакомецъ; и я тебѣ дамъ средство узнавать его между другими.

— Какъ между другими? спросилъ Ваня.

— Да, отвѣчалъ незнакомецъ, такихъ дѣтей здѣсь много; пойдемъ, я тебѣ ихъ покажу. Незнакомецъ отворилъ дверь, и Ваня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ увидѣлъ предъ собою рядъ большихъ комнатъ, гдѣ множество кормилицъ носились съ

младенцами: иныя кормили ихъ грудью, другія завертывали въ пеленки, третьи укладывали въ постельку. Это былъ Воспитательный Домъ—благодѣтельное заведеніе, основанное Императрицею Екатериною II. Я называю ее, любезныя дѣти, чтобъ это имя врѣзалось въ сердцѣ вашемъ. Въ послѣдствіи, учась Исторіи, вы узнаете много славныхъ дѣлъ въ ея жизни; но ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться съ тѣмъ высокимъ христіянскимъ чувствомъ, которое внушило ей быть матерью сиротъ безпомощныхъ. До нея несчастныя дѣти, брошенныя бѣдными или жестокосердыми родителями, погибали безъ призрѣнія. Она призрѣла ихъ и назвала себя ихъ матерью.

Когда Ваня съ незнакомцемъ возвратились снова въ прежнюю комнату, Ваня увидѣлъ, что его найденышъ былъ уже и обмытъ, и обвитъ чистыми пеленками.

— Что? Найдено ли что въ лохмотьяхъ? сказалъ незнакомецъ кормилицѣ.

— Ничего, отвѣчала кормилица.

Тогда незнакомецъ велѣлъ принести крестъ съ нумеромъ и написалъ на особенномъ листкѣ: «№ 2332 младенца, принесеннаго 7 ноября 18.. года сыномъ органнаго музыканта, Карла Лихтен-

штейна, Иваномъ, въ С.-Петербургскій Воспитательный Домъ и проч.»

И долго еще послѣ того Ваня навѣщалъ своего найденыша, которому дали имя Алексѣя. Алексѣй скоро привыкъ узнавать Ваню и, когда Ваня входилъ, протягивалъ къ нему свои ручонки.

Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ. Надобно вамъ сказать, что отецъ Вани въ молодости былъ музыкальнымъ учителемъ; онъ давалъ уроки на фортепіано и на скрыпкѣ и тѣмъ добывалъ для себя и для семейства безнужное содержаніе. Продолжительная болѣзнь лишила его учениковъ; когда онъ нѣсколько выздоровѣлъ, мѣсто его во всѣхъ домахъ было уже занято другими учителями; новыхъ учениковъ онъ не находилъ, а если и находилъ, то не надолго, ибо возобновлявшіеся припадки принуждали его опаздывать, а часто и совсѣмъ не приходить къ урокамъ. Мало по малу Лихтенштейнъ впадалъ въ нищету, мало по малу все его небольшое имущество распродано было для того, чтобъ достать денегъ на хлѣбъ, и наконецъ, онъ принужденъ былъ приняться за ремесло уличныхъ музыкантовъ. Года четыре спустя послѣ разсказаннаго нами происшествія съ Ваней, отецъ

его, думая больше выручить денегъ по разнымъ городамъ, нежели въ Петербургѣ, отправился въ путь вмѣстѣ съ своею женою и Ванею. Они ѣздили по ярмаркамъ; отецъ съ сыномъ показывали маріонетки, мать вертѣла органъ. Иногда же на долю Вани доставалось вертѣть органъ; тогда мать играла на арфѣ, а отецъ на скрыпкѣ. Переходъ отъ безнужнаго состоянія къ крайней нищетѣ въ конецъ разстроилъ здоровье стариковъ.

Въ послѣдствіи, отъ трудовъ ли, отъ того ли, что часто принужденъ былъ отказывать себѣ во всемъ нужномъ, отъ недостатка ли въ пищѣ, въ одеждѣ, — отецъ Вани такъ занемогъ, что не былъ болѣе въ состояніи даже вертѣть органъ. Ваня съ матерью на послѣднія деньги купили лошадь съ телѣгою и на ней перевозили изъ города въ городъ больнаго Лихтенштейна; ибо, когда они долго оставались въ одномъ городѣ, то скоро сборъ ихъ прекращался, и они принуждены были выѣзжать въ другое мѣсто; что̀ они получали, то употребляли себѣ на пищу. Какъ часто Ваня, оставляя отца своего безъ куска хлѣба, самъ голодный, дрожа отъ стужи, промоченный до костей, сквозь слезы заставлялъ куколъ своихъ хохотать или, показывая китайскія тѣни, разсказывалъ забавныя исторіи и тѣшилъ ими своихъ маленькихъ

Иногда же не долго Вани доставалось вертеть органъ; тогда мать играла на арфѣ, а отецъ на скрыпкѣ.

зрителей; а часто случалось, что зрители были недовольны имъ, находили картинки стертыми, стекло не довольно свѣтлымъ. Смерть была на душѣ у Вани, а онъ принужденъ былъ выдумывать остроумные отвѣты, смѣшные анекдоты, чтобы какъ нибудь укротить гнѣвъ маленькихъ настойчивыхъ судей своихъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь его отца, его матери, его самого.

Любезныя дѣти! вы не знаете, что̀ такое смѣяться сквозь слезы, и вы можетъ быть не поймете, какъ у Вани было тяжело на сердцѣ.

Бѣдное семейство наконецъ рѣшилось возвратиться въ Петербургъ, гдѣ, по старой привычкѣ, они снова надѣялись получить больше пособія. Отецъ Вани не доѣхалъ до Петербурга: онъ умеръ на дорогѣ. Похоронивъ его какъ могли, поплакавъ, погрустивъ, Ваня съ матерью продолжали свой путь и наконецъ дотащились до Петербурга. По счастію, нашли они на старой своей квартирѣ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ товарищей, которые съ радостію приняли ихъ въ свою артель. Ваня отъ природы былъ слабъ здоровьемъ; ему было ужъ лѣтъ двадцать восемь, но, смотря на него, можно было его принять за старика: такъ безпрестанная нужда и горесть изнурили его; часто и самъ онъ не могъ выходить, часто не могъ и

оставить мать свою. Товарищи на нихъ роптали, упрекая Ваню въ лѣности, и когда онъ съ матерью садился за скудный обѣдъ, почти каждый кусокъ хлѣба дорого имъ доставался.

Однажды, послѣ долговременной ея болѣзни, которая требовала безпрестаннаго присутствія Вани, сотоварищи его объявили ему, что ежели онъ въ этотъ день не заработаетъ сколько нибудь денегъ, то они не дадутъ ни крохи хлѣба ни ему, ни его матери, а на другой день сгонятъ ихъ съ квартиры. Скрѣпя сердце, полубольной, Ваня съ трудомъ взвалилъ на плеча тяжелый органъ и вышелъ изъ дому на шумныя Петербургскія улицы. Кто бы изъ проходящихъ подумалъ, слушая веселую пѣсню, которую онъ наигрывалъ на органѣ, что въ этомъ человѣкѣ жизнь боролась со смертію и что самыя черныя мысли проходили въ его головѣ и сердцѣ. Въ этотъ день Ваня былъ особенно несчастливъ: тщетно проходилъ онъ мимо домовъ, показывая сидѣвшимъ у окна дѣтямъ свои прыгающія куколки; тщетно входилъ во дворы и до изнеможенія силъ вертѣлъ рукоятку своего осиплаго инструмента,—никуда его не позвали, ни гроша денегъ ему не было брошено! Уже поздно въ вечеру Ваня, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, возвращался домой; ужасная участь его ожидала:

оставалось ему заложить свой органъ, единственное средство къ пропитанію, потомъ проѣсть вырученныя имъ за то деньги, потомъ умереть съ голоду. Когда Иванъ проходилъ чрезъ перекрестокъ многолюдной улицы сквозь толпы народа, проскакали сани и зашибли женщину, шедшую подлѣ Вани. Женщина упала безъ памяти. Ваня, движимый чувствомъ состраданія, бросился къ ней на помощь. Столпился народъ, явились полицейскіе служители; сани были уже далеко. Одни въ толпѣ кричали, что сани задѣли женщину, другіе толковали, что органщикъ, попятившись, зашибъ ее своимъ органомъ; сама женщина была безъ языка. Ваня найденъ наклонившимся надъ нею; къ тому же онъ, какъ ближайшій свидѣтель, могъ точнѣе разсказать какъ было дѣло, и полицейскіе служители разсудили взять вмѣстѣ съ зашибенною женщиною и органщика. Ваня зналъ свою невинность и былъ увѣренъ, что его продержатъ не долго, но это *не долго* могло быть дня два или три, а въ продолженіи этого времени чтò могло случиться съ его матерью? Въ этотъ день и такъ уже у нея не было ни куска хлѣба, а на завтра жестокосердые товарищи могли вытолкнуть на морозъ больную, едва дышащую мать его. Тщетно онъ

увѣрялъ въ своей невинности, тщетно упрашивалъ; полицейскій служитель готовъ уже былъ связать ему руки назадъ, когда его остановилъ человѣкъ хорошо одѣтый, который давно уже наблюдалъ всю эту сцену и приблизился въ ту минуту, когда для органщика не было уже спасенія. Онъ остановилъ полицейскаго служителя, сказалъ ему свое имя и квартиру, прибавилъ, что онъ былъ свидѣтелемъ не только невинности, но даже великодушнаго поступка органщика и, послѣ долгихъ переговоровъ, убѣдилъ блюстителя благочинія отдать ему Лихтенштейна на поруки. Убѣжденный ли его словами, или потому, что онъ зналъ въ лицо незнакомца, полицейскій служитель согласился на его предложеніе. Когда бѣдный Ваня избавился отъ рукъ своего страшнаго непріятеля, тогда незнакомецъ сказалъ ему:

— Ну, теперь ступай своей дорогой, да скорѣе.

Ваня, поблагодаривъ незнакомца за его участіе, сказалъ ему:

— Милостивый государь! вы мнѣ сдѣлали благодѣяніе большее, нежели вы думаете; но оно будетъ для меня ничѣмъ, если вы мнѣ еще не поможете.

— Что тебѣ надобно? спросилъ незнакомецъ.

— Вы, я вижу, человѣкъ добрый, продолжалъ Ваня, дайте мнѣ денегъ.

— Не стыдно ли тебѣ, молодому человѣку, просить милостыню? Ты можешь работать.

— Еслибъ могъ, то не просилъ бы у васъ; сегодня уже поздно работать, а мнѣ деньги нужны сегодня! отвѣчалъ Ваня отчаяннымъ голосомъ.

Этотъ голосъ поразилъ незнакомца.

— Гдѣ ты живешь? спросилъ онъ.

— Въ Чекушахъ, въ домѣ мѣщанки Р****.

— Какъ спросить тебя?

— Спросите органщика Лихтенштейна.

— Лихтенштейна? вскричалъ незнакомецъ, положилъ руку на голову и задумался. Пристально посмотрѣлъ онъ на Ваню и сказалъ: вотъ тебѣ пять рублей; постарайся завтра поутру быть дома, я приду къ тебѣ.

— Ко мнѣ? вскричалъ въ изумленіи Ваня.—Такъ удивило его столь небывалое участіе въ судьбѣ его. Они разстались.

На другой день Ваня печально сидѣлъ у постели своей больной матери. Вчерашняя его ходьба, случившееся съ нимъ происшествіе, все это такъ разстроило его, что онъ едва держался на полуразвалившейся скамьѣ. Пять рублей были

отданы въ общую артель: они едва уплачивали то, что̀ слѣдовало за прожитое матерью и сыномъ. Не надѣялся онъ на посѣщеніе незнакомца; не разъ уже съ нимъ бывали подобные случаи: часто люди, тронутые его выразительною физіономіею, также разспрашивали о его житьѣ-бытьѣ, о его квартирѣ—и забывали; ибо много людей на свѣтѣ, которые и способны пожалѣть о судьбѣ несчастнаго, но много ли такихъ, которые будутъ помнить о ней и возьмутъ на себя трудъ докончить доброе дѣло?

Но на этотъ разъ Ваня обманулся. Еще не благовѣстили къ обѣдни, когда вчерашній незнакомецъ вошелъ въ темную каморку Вани. Ваня какъ будто оторопѣлъ; ему стыдно было своей бѣдности; онъ хотѣлъ и не смѣлъ предложить гостю единственный изломанный стулъ, стоявшій въ комнатѣ, но гость скоро прекратилъ его недоумѣніе.

— Скажи мнѣ, сказалъ онъ трепещущимъ голосомъ, сколько тебѣ лѣтъ?

— Тридцать, отвѣчалъ Ваня.

— О, такъ это не то, сказалъ съ горестію незнакомецъ; скажи мнѣ, продолжалъ онъ, не было ли у тебя отца или какого родственника, который когда нибудь жилъ на этой квартирѣ?

— Отецъ мой жилъ здѣсь, отвѣчалъ Ваня, но онъ уже умеръ.

— Не его ли звали Иванъ Лихтенштейномъ? спросилъ незнакомецъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Иванъ, но такъ меня зовутъ.

— Знаешь ли ты, продолжалъ незнакомецъ съ ежеминутно возраставшимъ волненіемъ, № 2332 Воспитательнаго Дома?

Дрожа самъ не зная отъ чего, Ваня въ истертомъ книжникѣ отыскалъ записку, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ полученную имъ изъ Воспитательнаго Дома, и показалъ незнакомцу.

Едва молодой человѣвъ взглянулъ на нее, какъ бросился въ объятія Вани. «Спаситель мой!.. Отецъ».

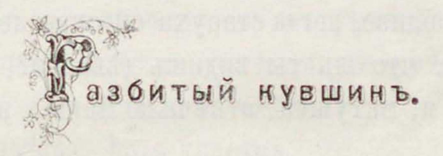
— Какъ!.. неужели? говорилъ Ваня прерывающимся голосомъ.... вы.. ты!... Алеша!... И оба они плакали, и оба долго не могли выговорить ни слова.

Для объясненія сей исторіи нужно прибавить, что Алеша, найденный Ванею и воспитанный въ Воспитательномъ домѣ, показалъ необыкновенныя дарованія къ живописи. Изъ Воспитательнаго Дома онъ поступилъ въ Академію и скоро сдѣлался извѣстнымъ живописцемъ. Наживъ достаточное со-

стояніе своимъ искусствомъ, онъ вспомнилъ о томъ, кому одолженъ былъ жизнію. По журналу Воспитательнаго Дома, въ которомъ записываются всѣ обстоятельства, случившіяся при поступленіи въ оный младенцевъ, ему легко было узнать и имя Лихтенштейна, и его квартиру; но когда онъ навѣдывался о немъ, тогда Лихтенштейновъ не было уже въ Петербургѣ, и никто не могъ дать ему ни малѣйшаго о нихъ извѣстія, пока случай не свелъ его съ его избавителемъ.

Ваня вмѣстѣ съ матерью переселился къ своему Алешѣ. Спокойная жизнь и довольство возвратили здоровье несчастнымъ, и они до сихъ поръ живутъ вмѣстѣ. Иванъ, вспомнивъ нѣкоторые уроки въ музыкѣ, переданные ему отцомъ, посвятилъ себя сему искусству и достигъ до того, что теперь самъ можетъ давать въ ней уроки и тѣмъ увеличивать общіе доходы.

Разбитый кувшинъ.

Разбитый кувшинъ.

ЯМАЙСКАЯ СКАЗКА [1].

Жили были на семъ свѣтѣ двѣ сестрицы, обѣ вдовы, и у каждой было по дочери. Одна изъ сестеръ умерла и дочь свою оставила сестрѣ на попеченіе; но эта сестра была нехорошая женщина: съ дочерью своей она была добра, а съ племянницею зла. Бѣдная Маша!—такъ называли племянницу—горькое было ея житье: доставалось ей и отъ тетушки и отъ сестрицы; словно раба она

[1]) Сказку эту разсказывали Негры острова Ямайки въ то время, когда они состояли въ рабствѣ; теперь рабство Негровъ уничтожено. Ямайка, одинъ изъ Антильскихъ острововъ, открытыхъ Колумбомъ въ 1494 году, принадлежитъ Англичанамъ.

была у нихъ въ домѣ. Вотъ однажды на бѣду Маша разбила кувшинъ. Какъ узнаетъ объ этомъ тетка—вонъ изъ дому, да и только, пока не сыщетъ другаго кувшина! А гдѣ сыскать? Вотъ Маша идетъ да плачетъ; вотъ дошла она до хлопчатаго дерева [2]), а подъ деревомъ сидитъ старуха, да еще какая!—безъ головы! Безъ головы, не шутка сказать! Я думаю, Маша порядочно удивилась, а особливо, когда старуха ей сказала:

— Ну, что жь ты видишь дѣвочка?

— Да я, матушка, отвѣчала Маша, ничего не вижу.

— Вотъ добрая дѣвушка, сказала старуха; ступай своей дорогой.

И вотъ опять Маша идетъ-путемъ дорогою; вотъ дошла она до кокосоваго дерева [3]), а подъ дере-

) Хлопчатникъ-дерево или кустарникъ, доставляющій хлопокъ. Плодъ хлопчатника имѣетъ видъ небольшаго шарика, обтянутаго шелухою; въ немъ лежатъ сѣмена, обвитыя бѣлымъ мягкимъ пухомъ, который называется хлопкомъ. При созрѣваніи плода, шелуха, покрывающая его, лопается, и хлопокъ обнаруживается. Его собираютъ, сушатъ на солнцѣ, очищаютъ отъ шелухи и сѣмянъ и укладываютъ въ тюки. Изъ него выдѣлываютъ вату или хлопчатую бумагу и разныя матеріи, извѣстныя подъ названіемъ бумажныхъ: ситецъ, коленкоръ, кисею, плисъ и пр. Хлопокъ — самый выгодный изъ всѣхъ продуктовъ, употребляемыхъ для тканей; поэтому и выдѣлываемыя изъ него матеріи отличаются дешевизною, доступною для всѣхъ классовъ народа.

[3]) Дерево, на которомъ растутъ кокосовые орѣхи.

вомъ сидитъ также старуха и также безъ головы; то же спросила она у Маши, то же отвѣчала ей Маша, и того же старуха ей пожелала.

И опять идетъ Маша да плачетъ; долго идетъ она, и ужъ голодъ ее мучитъ. Вотъ дошла она до краснаго дерева [1]), и подъ деревомъ сидитъ третья старуха, но ужъ съ головой на плечахъ. Маша остановилась, поклонилась и сказала:

— По добру ли, по здорову, матушка, поживаешь?

— Здорово, дитятко, отвѣчала старуха; да что съ тобой? Ты будто не по себѣ.

— Матушка, ѣсть хочется.

— Войди, дитятко, въ избушку; тамъ есть пшено въ горшкѣ; поѣшь его, дитятко; да смотри, чернаго кота не забудь.

Маша послушалась, взошла въ избушку, взялась за горшокъ съ пшеномъ; смотритъ, а черный котъ шасть къ ней на встрѣчу. Маша съ нимъ честно подѣлилась пшеномъ; котъ покушалъ и пошелъ своей дорогой. Не успѣла Маша оглянуться, какъ передъ ней очутилась хозяйка дома въ красной юбкѣ. «Хорошо, дитятко, сказала она; я тобою довольна; поди же ты въ курятникъ и возьми тамъ три яичка; но тѣхъ, которыя говорятъ человѣчьимъ голосомъ, тѣхъ отнюдь не бери».

---

[1]) Дерево, досками котораго обклеиваютъ мебель.

Пошла Маша въ курятникъ. Не успѣла она войти въ него, какъ поднялся шумъ и крикъ. Изо всѣхъ лукошекъ яйца закричали: «Возьми меня, возьми меня!» Но Маша не забыла приказанія старухи и, хоть яйца-болтуны были и больше и лучше другихъ, она ихъ не взяла; искала, искала и наконецъ нашла три яичка, маленькія, черненькія, но которыя за то ни слова не говорили.

Вотъ старуха съ Машей распрощалась: «Ступай же, дитятко, сказала она, ничего не бойся, только не забудь подъ каждымъ деревомъ разбить по яичку».

Маша послушалась. Пришла къ первому дереву, разбила яичко, и изъ яичка выскочилъ кувшинъ, ни дать ни взять такой, какой она поутру разбила. Она разбила второе яичко, а изъ яичка выскочилъ прекрасный домъ съ свѣтлыми окошками и большое, большое поле, все усѣянное сахарнымъ тростникомъ. Разбила третье яичко, и изъ яичка выскочила блестящая коляска. Маша сѣла въ коляску, пріѣхала къ теткѣ, разсказала ей, какимъ образомъ старуха въ красной юбкѣ сдѣлала ее большою госпожею, разсказала и возвратилась въ свой прекрасный домъ съ свѣтлыми окошками и къ своимъ сахарнымъ тростникамъ.

Когда тетка узнала все это, зависть ее взяла,

и она, не мѣшкая ни минуты, отправила свою дочку по той же дорогѣ, по которой Маша ходила. Дочка также дошла до хлопчатаго дерева и также увидѣла подъ нимъ старуху безъ головы, которая то же спросила у нея, что и у Маши: Что она видитъ?

— Вотъ еще! что я вижу! отвѣчала тетушкина дочка; я вижу безголовую старуху.

— Надобно замѣтить, что въ этомъ отвѣтѣ была двойная обида: во первыхъ, было невѣжливо напоминать женщинѣ объ ея тѣлесномъ недостаткѣ, а во вторыхъ, неблагоразумно: ибо могли бы это услыхать бѣлые люди и принять женщину безъ головы за колдунью. «Злая ты дѣвочка, сказала старуха, злая ты дѣвочка, и дорóга тебѣ клиномъ сойдется».

Не лучше случилось и подъ кокосовымъ деревомъ и подъ краснымъ. Увидѣвши старуху въ красной юбкѣ, тетушкина дочка мимоходомъ сказала ей: здраствуй! и даже не прибавила: бабушка [5]).

Не смотря на то, старуха ее также пригласила покушать пшена въ избушкѣ и также замѣтила

[5]) Между Неграми считается за большое безчестіе, говоря съ кѣмъ-нибудь, не называть его родственнымъ именемъ, какъ напримѣръ: бабушка, тетушка, братецъ и проч.

ей не забыть чернаго кота. Но тетушкина дочка забыла накормить его; а когда старуха вошла, то не посовѣстилась увѣрять ее, что она накормила кота до́сыта. Старуха въ красной юбкѣ показала видъ, будто далась въ обманъ, и также послала маленькую лгунью въ курятникъ за яйцами. Хоть старуха и два раза ей повторяла не брать яицъ, которыя говорятъ человѣчьимъ голосомъ, но упрямица не послушалась и выбрала изъ лукошекъ именно тѣ яйца, которыя болтали больше другихъ; она думала, что онѣ-то и самыя драгоцѣнныя. Она взяла ихъ и, чтобъ скрыть ихъ отъ старухи, не пошла больше въ хижину, а воротилась прямо домой. Не успѣла она дойти до краснаго дерева, какъ любопытство ее взяло: не утерпѣла она и разбила яичко.

Что же? смотритъ, анъ яичко пусто. Хорошо, еслибъ этимъ и кончилось! Едва она разбила другое яичко, какъ изъ него выскочила большая змѣя, встала на хвостъ и зашипѣла такъ страшно, что бѣдная дѣвочка пустилась бѣжать опрометью, запнулась на дорогѣ о бамбуковое дерево [6]), упа-

---

[6]) Бамбукъ — родъ толстаго тростника, который растетъ въ видѣ дерева иногда столь высоко, какъ тополь, и вѣтви котораго поднимаются прямо вверхъ. Въ колѣнцахъ бамбука находятъ бѣлую и чистую матерію, которую Индѣйцы называютъ бамбуковый сахаръ и которая считается весьма цѣлительною.

ла и разбила третье яичко; а изъ него показалась старуха безъ головы и сердито проговорила: «Еслибъ ты была со мною вѣжлива, не обманула бы меня, то я бы тебѣ дала то же, что̀ и твоей сестрицѣ; но ты дѣвочка непочтительная, да и притомъ обманщица, а потому будетъ съ тебя и яичныхъ скорлупокъ».

Съ сими словами старуха сѣла на змѣя, быстро помчалась, и съ тѣхъ поръ на томъ островѣ больше не видали ни старухи, ни ея красной юбки.

[illegible] а при [illegible] показалась старушка была тронута и сердито проговорила: «Е-шьте на здоровье [illegible], но обойдутся ли [illegible] то и вы [illegible] что и [illegible] [illegible] а потому [illegible] съ тобой и [illegible].

Съ сими словами старушка сѣла на лавку. Ст-[illegible]

ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКѢ.

Городокъ въ табакеркѣ.

Папенька поставилъ на столъ табакерку. «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка», сказалъ онъ. Миша былъ послушный мальчикъ; тотчасъ оставилъ игрушки и подошелъ къ папенькѣ. Да ужь и было чего посмотрѣть! Какая прекрасная табакерка! пестренькая, изъ черепахи. А что на крышкѣ-то! Ворота, башенки, домикъ, другой, третій, четвертый, и счесть нельзя, и все малъ-мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотыя, а листики на нихъ серебряные; а за деревьями встаетъ солнышко, и отъ него розовые лучи расходятся по всему небу.

—Что это за городокъ? спросилъ Миша.

— Это городокъ *Динь-динь*, отвѣчалъ папенька и тронулъ пружинку....

И что же? вдругъ, невидимо гдѣ, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не могъ понять; онъ ходилъ и къ дверямъ — не изъ другой ли комнаты? и къ часамъ — не въ часахъ ли? и къ бюро, и къ горкѣ; прислушивался то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ; смотрѣлъ и подъ столъ.... Наконецъ Миша увѣрился, что музыка точно играла въ табакеркѣ. Онъ подошелъ къ ней; смотритъ, а изъ-за деревьевъ солнышко выходитъ, крадется тихонько по небу, а небо и городокъ все свѣтлѣе и свѣтлѣе; окошки горятъ яркимъ огнемъ, и отъ башенокъ будто сіяніе. Вотъ солнышко перешло черезъ небо на другую сторону, все ниже, да ниже и наконецъ, за пригоркомъ, совсѣмъ скрылось, и городокъ потемнѣлъ, ставни закрылись, и башенки померкли, только не надолго. Вотъ затеплилась звѣздочка, вотъ другая, вотъ и мѣсяцъ рогатый выглянулъ изъ-за деревьевъ, и въ городкѣ стало опять свѣтлѣе, окошки засеребрились, и отъ башенокъ потянулись синеватые лучи.

— Папенька! папенька! не льзя ли войти въ этотъ городокъ? куда-бы мнѣ хотѣлось!

— Мудрено, мой другъ; этотъ городокъ тебѣ не по росту.

— Ничего, папенька, я такой маленькой; только пустите меня туда; мнѣ такъ-бы хотѣлось узнать, что́ тамъ дѣлается...

— Право, мой другъ, тамъ и безъ тебя тѣсно.

— Да кто же тамъ живетъ?

— Кто тамъ живетъ? Тамъ живутъ *колокольчики*.

Съ сими словами папенька поднялъ крышку на табакеркѣ, и что же увидѣлъ Миша? И колокольчики, и молоточки, и валикъ, и колеса. Миша удивился: «За чѣмъ эти колокольчики? за чѣмъ молоточки? за чѣмъ валикъ съ крючками?» спрашивалъ Миша у папеньки.

А папенька отвѣчалъ: «Не скажу тебѣ Миша; самъ посмотри попристальнѣе, да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вотъ этой пружинки не трогай, а иначе все изломается».

Папенька вышелъ, а Миша остался надъ табакеркой. Вотъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ надъ нею, смотрѣлъ, смотрѣлъ, думалъ, думалъ: отъ чего звенятъ колокольчики?

Между тѣмъ музыка играетъ, да играетъ; вотъ все тише, да тише, какъ будто что-то цѣпляется за каждую нотку, какъ будто что-то отталкиваетъ одинъ звукъ отъ другаго. Вотъ Миша смотритъ: внизу табакерки, подъ шалнеромъ, отворяется

дверца, и изъ дверцы выбѣгаетъ мальчикъ съ золотою головкою и въ стальной юбочкѣ, останавливается на порогѣ и манитъ къ себѣ Мишу.

«Да отъ чего же», подумалъ Миша, «папенька сказалъ, что въ этомъ городкѣ и безъ меня тѣсно? Нѣтъ, видно въ немъ живутъ добрые люди; видите, зовутъ меня въ гости.—Извольте, съ величайшею радостію».

Съ сими словами Миша побѣжалъ къ дверцѣ и съ чрезвычайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что дверца ему пришлась точь въ точь по росту. Какъ хорошо воспитанный мальчикъ, онъ почелъ долгомъ, прежде всего, обратиться къ своему провожатому:

— Позвольте узнать, сказалъ Миша, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Динь, динь, динь, отвѣчалъ незнакомецъ; я *мальчикъ-колокольчикъ*, житель этого городка. Мы слышали, что вамъ очень хочется побывать у насъ въ гостяхъ и потому рѣшились просить васъ сдѣлать намъ честь къ намъ пожаловать. Динь, динь, динь; динь, динь, динь.

Миша учтиво поклонился; *мальчикъ-колокольчикъ* взялъ его за руку, и они пошли. Тутъ Миша замѣтилъ, что надъ ними былъ сводъ, сдѣланный изъ пестрой тисненой бумажки съ золо-

тыми краями. Передъ ними былъ другой сводъ, только поменьше; потомъ третій, еще меньше; четвертый, еще меньше, и такъ всѣ другіе своды, чѣмъ дальше тѣмъ меньше, такъ что въ послѣдній, казалось, едва могла пройти головка его провожатаго.

— Я вамъ очень благодаренъ за ваше приглашеніе, сказалъ ему Миша, но не знаю, можно ли будетъ мнѣ имъ воспользоваться. Правда, здѣсь я свободно прохожу, но тамъ дальше, посмотрите, какіе у васъ низенькіе своды; тамъ я, позвольте сказать откровенно, тамъ я и ползкомъ не пройду. Я удивляюсь, какъ и вы подъ ними проходите...

— Динь, динь, динь! отвѣчалъ мальчикъ, пройдемъ, не безпокойтесь, ступайте только за мною.

Миша послушался. Въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ ихъ шагомъ, казалось, своды подымались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до послѣдняго свода, тогда *мальчикъ-колокольчикъ* попросилъ Мишу оглянуться назадъ. Миша оглянулся, и что же увидѣлъ? Теперь тотъ первый сводъ, подъ который онъ подошелъ, входя въ дверцы, показался ему маленькимъ, какъ будто, пока они шли, сводъ опустился. Миша былъ очень удивленъ.

— Отъ чего это? спросилъ онъ у своего проводника.

— Динь, динь, динь! отвѣчалъ проводникъ смѣясь; издали всегда такъ кажется; видно вы ни на что вдаль со вниманіемъ не смотрѣли; вдали все кажется маленькимъ, а подойдешь—большое.

— Да, это правда, отвѣчалъ Миша; я до сихъ поръ не подумалъ объ этомъ, и отъ того вотъ что со мною случилось: третьяго дня я хотѣлъ нарисовать, какъ маменька, возлѣ меня, играетъ на фортепьяно, а папенька, на другомъ концѣ комнаты, читаетъ книжку. Только этого мнѣ никакъ не удавалось сдѣлать; тружусь, тружусь, рисую какъ можно вѣрнѣе, а все на бумагѣ у меня выдетъ, что папенька возлѣ маменьки сидитъ, и кресла его возлѣ фортепьянъ стоятъ; а между тѣмъ я очень хорошо вижу, что фортепьяны стоятъ возлѣ меня у окошка, а папенька сидитъ на другомъ концѣ у камина. Маменька мнѣ говорила, что папеньку надобно нарисовать маленькимъ, но я думалъ, что маменька шутитъ, потому что папенька гораздо больше ея ростомъ; но теперь вижу, что маменька правду говорила: точно, папеньку надобно было нарисовать маленькимъ, потому что онъ сидѣлъ вдалекѣ. Очень вамъ благодаренъ за объясненіе, очень благодаренъ.

Мальчикъ-колокольчикъ смѣялся изо всѣхъ силъ: «Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Не умѣть нарисовать папеньку съ маменькой! Динь, динь, динь; динь, динь, динь!»

Мишѣ показалось досадно, что *мальчикъ-колокольчикъ* надъ нимъ такъ немилосердно насмѣхается, и онъ очень вѣжливо сказалъ ему:

— Позвольте мнѣ спросить у васъ: за чѣмъ вы къ каждому слову все говорите: динь, динь, динь?

— Ужъ у насъ поговорка такая, отвѣчалъ *мальчикъ-колокольчикъ*.

— Поговорка? замѣтилъ Миша, а вотъ папенька говоритъ, что очень нехорошо привыкать къ поговоркамъ.

Мальчикъ-колокольчикъ закусилъ губы и не сказалъ болѣе ни слова.

Вотъ передъ ними еще дверцы; онѣ отворились, и Миша очутился на улицѣ. Что за улица! Что за городокъ! Мостовая вымощена перламутромъ; небо пестренькое, черепаховое; по небу ходитъ золотое солнышко; поманишь его, оно съ неба сойдетъ, вкругъ руки обойдетъ и опять поднимется. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцвѣтными раковинками, и подъ каждою крышкою сидитъ *мальчикъ-колокольчикъ*, съ

золотою головкою, въ серебряной юбочкѣ, и много ихъ, много, и всѣ малъ-мала меньше.

— Нѣтъ, теперь ужъ меня не обманутъ, сказалъ Миша; это такъ только мнѣ кажется издали, а колокольчики-то всѣ одинакіе.

— Анъ вотъ и неправда, отвѣчалъ провожатый: колокольчики не одинакіе. Еслибы мы всѣ были одинакіе, то и звенѣли бы мы всѣ въ одинъ голосъ, одинъ какъ другой; а ты слышишь, какія мы пѣсни выводимъ. Это отъ того, что кто изъ насъ побольше, у того и голосъ потолще; неуже-ли ты и этого не знаешь? Вотъ видишь-ли, Миша, это тебѣ урокъ; впередъ не смѣйся надъ тѣми, у которыхъ поговорка дурная; иной и съ поговоркою, а больше другаго знаетъ, и можно отъ него коечему научиться.

Миша въ свою очередь закусилъ язычекъ.

Между тѣмъ ихъ окружили *мальчики-колокольчики*, теребили Мишу за платье, звенѣли, прыгали, бѣгали...

— Весело вы живете, сказалъ имъ Миша; вѣкъ бы съ вами остался; цѣлый день вы ничего не дѣлаете; у васъ ни уроковъ, ни учителей, да еще и музыка цѣлый день.

— Динь, динь, динь! закричали колокольчики; ужъ нашелъ у насъ веселье! Нѣтъ, Миша,

Между тѣмъ ихъ окружили мальчики-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенѣли, прыгали, бѣгали...

плохое намъ житье. Правда, уроковъ у насъ нѣтъ, да что же въ томъ толку? Мы бы уроковъ не побоялись! Вся наша бѣда именно въ томъ, что у насъ бѣдныхъ никакого нѣтъ дѣла; нѣтъ у насъ ни книжекъ, ни картинокъ; нѣтъ ни папеньки, ни маменьки; нечѣмъ заняться; цѣлый день играй, да играй, а вѣдь это, Миша, очень, очень скучно. Повѣришь-ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко, и золотыя деревья; но мы, бѣдные, мы насмотрѣлись на нихъ вдоволь, и все это очень намъ надоѣло; изъ городка мы ни пяди, а ты можешь себѣ вообразить, каково цѣлый вѣкъ, ничего не дѣлая, просидѣть въ табакеркѣ, и даже въ табакеркѣ съ музыкою.

— Да, отвѣчалъ Миша, вы говорите правду. Это и со мною случается: когда послѣ ученья примешься за игрушки, то такъ весело; а когда, въ праздникъ, цѣлый день все играешь, да играешь, то къ вечеру и сдѣлается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься — все не мило. Я долго не понималъ, отъ чего это, а теперь понимаю.

— Да сверхъ того на насъ есть другая бѣда, Миша: у насъ есть дядьки.

— Какіе же дядьки? спросилъ Миша.

— *Дядьки-молоточки*, отвѣчали колокольчики;

ужъ какіе злые! то и дѣло что ходятъ по городу, да насъ постукиваютъ. Которые побольше, тѣмъ еще рѣже *тукъ тукъ* бываетъ, а ужъ маленькимъ куда больно достается.

Въ самомъ дѣлѣ, Миша увидѣлъ, что по улицѣ ходили какіе-то господа на тоненькихъ ножкахъ, съ предлинными носами, и шептали между собою: тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ! поднимай! задѣвай! тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ!

И въ самомъ дѣлѣ, *дядьки-молоточки* безпрестанно то по тому, то по другому колокольчику *тукъ*, да *тукъ*, индо бѣдному Мишѣ жалко стало. Онъ подошелъ къ этимъ господамъ, очень вѣжливо поклонился и съ добродушіемъ спросилъ: за чѣмъ они, безъ всякаго сожалѣнія, колотятъ бѣдныхъ мальчиковъ? А молоточки ему въ отвѣтъ:

— Прочь ступай, не мѣшай! Тамъ въ палатѣ и въ халатѣ надзиратель лежитъ и стучать намъ велитъ. Все ворочается, прицѣпляется. Тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ!

— Какой это у васъ надзиратель? спросилъ Миша у колокольчиковъ.

— А это Г. *Валикъ*, зазвенѣли они; предобрый человѣкъ, день и ночь съ дивана не сходитъ; на него мы не можемъ пожаловаться.

И въ самомъ дѣлѣ, дядьки-молоточки безпрестанно то по тому, то по другому колокольчику тукъ, да тукъ.

Миша къ Надзирателю. Смотритъ: онъ въ самомъ дѣлѣ лежитъ на диванѣ, въ халатѣ, и съ боку на бокъ переворачивается, только все лицемъ къ верху. А по халату-то у него шпильки, крючечки видимо невидимо; только что попадется ему молотокъ, онъ его крючкомъ сперва зацѣпитъ, потомъ спуститъ, а молоточикъ-то и стукнетъ по колокольчику.

Только что Миша къ нему подошелъ, какъ Надзиратель закричалъ:

— Шуры муры! кто здѣсь ходитъ? кто здѣсь бродитъ? Шуры муры! кто прочь не идетъ? кто мнѣ спать не даетъ? Шуры муры, шуры муры!

— Это я, храбро отвѣчалъ Миша; я—Миша...

— А что тебѣ надобно? спросилъ Надзиратель.

— Да мнѣ жаль бѣдныхъ *мальчиковъ-колокольчиковъ*; они всѣ такіе умные, такіе добрые, такіе музыканты, а, по вашему приказанію, дядьки ихъ безпрестанно постукиваютъ...

— А мнѣ какое дѣло, шуры муры! Не я здѣсь нàбольшій. Пусть себѣ дядьки стукаютъ мальчиковъ! Мнѣ что за дѣло! Я Надзиратель добрый, все на диванѣ лежу и ни за кѣмъ не гляжу... Шуры муры, шуры муры...

— Ну, многому же я научился въ этомъ городкѣ! сказалъ про себя Миша. Вотъ еще иногда мнѣ

бываетъ досадно, за чѣмъ Надзиратель меня съ глазъ не спускаетъ! Экой злой! думаю я; вѣдь онъ мнѣ не папенька и не маменька; что ему за дѣло что я шалю? Зналъ-бы сидѣлъ въ своей комнатѣ. Нѣтъ, теперь вижу, что бываетъ съ бѣдными мальчиками, когда за ними никто не смотритъ.

Между тѣмъ Миша пошелъ далѣе — и остановился. Смотритъ: золотой шатеръ съ жемчужною бахрамою; наверху золотой флюгеръ вертится, будто вѣтреная мельница, а подъ шатромъ лежитъ *Царевна-пружинка* и, какъ змѣйка, то свернется, то развернется и безпрестанно Надзирателя подъ бокъ толкаетъ. Миша этому очень удивился и сказалъ ей:

— Сударыня-Царевна! За чѣмъ вы Надзирателя подъ бокъ толкаете?

— Зицъ, зицъ, зицъ, отвѣчала Царевна; глупый ты мальчикъ, неразумный мальчикъ! На все смотришь, ничего не видишь! Кабы я валикъ не толкала, валикъ бы не вертѣлся; кабы валикъ не вертѣлся, то онъ за молоточки бы не цѣплялся; кабы за молоточки не цѣплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенѣли; кабы колокольчики не звенѣли, и музыки бы не было! Зицъ, зицъ, зицъ.

Думалъ, думалъ и сталъ уже добираться—какъ вдругъ, смотрю, дверца въ табакеркѣ растворилась...

Мишѣ захотѣлось узнать, правду-ли говоритъ Царевна, наклонился и прижалъ ее пальчикомъ— и что же? Въ одно мгновеніе пружинка съ силою развилась, валикъ сильно завертѣлся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень, и вдругъ пружинка лопнула. Все умолкло, валикъ остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... Тогда Миша вспомнилъ, что папенька не приказывалъ ему трогать пружинки, испугался и... проснулся.

— Что во снѣ видѣлъ, Миша? спросилъ папенька.

Миша долго не могъ опамятоваться. Смотритъ: та же папенькина комната, та же передъ нимъ табакерка; возлѣ него сидятъ папенька и маменька и смѣются.

— Гдѣ же *Мальчикъ-колокольчикъ?* Гдѣ *Дядька-молоточикъ?* Гдѣ *Царевна-пружинка*? спрашивалъ Миша. Такъ это было сонъ?

— Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здѣсь порядочно вздремнулъ; разскажи же намъ, по крайней мѣрѣ, что̀ тебѣ приснилось?

— Да видите, папенька, сказалъ Миша, протирая глазки, мнѣ все хотѣлось узнать, отъ чего музыка въ табакеркѣ играетъ; вотъ я принялся

на нее прилежно смотрѣть и разбирать, что̀ въ ней движется и отъ чего движется; думалъ, думалъ и сталъ уже добираться—какъ вдругъ, смотрю, дверца въ табакеркѣ растворилась... Тутъ Миша разсказалъ весь свой сонъ по порядку.

— Ну, теперь вижу, сказалъ папенька, что ты въ самомъ дѣлѣ почти понялъ, отъ чего музыка въ табакеркѣ играетъ; но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться *Механикѣ*.

БѢДНЫЙ ГНѢДКО.

Бѣдный Гнѣдко.

Посмотрите, посмотрите, мои друзья, какой злой извощикъ, какъ онъ бьетъ лошадку!... Въ самомъ дѣлѣ, она бѣжитъ очень плохо.... Отчего-жъ это? Ахъ, бѣдный Гнѣдко, да онъ хромаетъ....

— Извощикъ, извощикъ! какъ не стыдно: вѣдь ты совсѣмъ испортишь свою лошадь; ты ее до смерти убьешь....

— Что нужды, отвѣчаетъ извощикъ: ужъ или мнѣ, или ей умереть! Нынче праздникъ.

— То-то и есть, что праздникъ, любезный: ты подгулялъ да и не посмотрѣлъ, что лошадь потеряла подковку; отъ того она поскользнулась, споткнулась и зашибла ногу. Что мудренаго, что она не можетъ бѣжать? Она бѣдная, что шагнетъ, то ей больно: тутъ не побѣжишь. А ты знаешь, что тебѣ надо будетъ платить за ея лѣченье, за

подковку, да еще хозяинъ тебя будетъ бранить. Такъ тебѣ хочется, во что̀ бы то ни стало, выручить деньги, *навести*, какъ ты говоришь; теперь же благо праздникъ, ѣзды много, платятъ дорого... Да бѣдная-то лошадка въ чемъ виновата? Виноватый-то ты, глупый мальчикъ: зачѣмъ ты не смотрѣлъ за нею, зачѣмъ не видалъ, когда она потеряла подковку?...

Но онъ не слушаетъ насъ, онъ уже далеко. Вонъ онъ на Невѣ и все погоняетъ бѣдную лошадь, а лошадь все спотыкается, и что̀ шагнетъ, то ей больно. Бѣдная лошадка! Какое ей мученье!

А еще ребятишки бѣгутъ за санями, да смѣются и надъ лошадкой, и надъ извощикомъ. А онъ еще больше злится и вымещаетъ свою злость на лошадкѣ.

Но скажите, сдѣлайте милость, какъ не стыдно этому толстому господину, который сидитъ въ саняхъ! Какъ онъ не запретитъ извощику мучить бѣдную лошадку! Этотъ толстой господинъ завернулся въ шубу, нахлобучилъ на глаза шляпу и сидитъ сиднемъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

«А мнѣ что за дѣло, бормочетъ про себя толстый господинъ; я спѣшу на обѣдъ. Пусть извощикъ убьетъ свою лошадь; не моя лошадь, мнѣ что за дѣло».

Какъ вы думаете объ этомъ, мои друзья? Будто отъ того, что это не его лошадь, такъ и надобно ему смотрѣть равнодушно на ея мученье?

Бѣдный Гнѣдко! Какъ мнѣ жаль его! Я давно знаю эту лошадку. Я помню, какъ она была еще жеребенкомъ. Тогда, бывало, по веснѣ солнце свѣтитъ, птички чиликаютъ, роса блеститъ на лужайкахъ, въ воздухѣ свѣжо и душисто. Вотъ Сѣрко пашетъ землю, а нашъ жеребенокъ бѣгаетъ вокругъ матки: то подбѣжитъ къ ней, то отскочитъ, пощиплетъ молодую травку, и опять къ матери, и опять брыкнетъ: веселая тогда была его жизнь! Вечеромъ возвратится домой; его встрѣтятъ Ванюша съ Дашею, расчешутъ его коротенькую гривку, вытрутъ соломкою. Ужъ какъ Ванюша съ Дашею любили своего жеребеночка! Бывало, вмѣсто того, чтобы бѣгать безъ всякаго дѣла, они нарвутъ молодой травки, положатъ въ коробокъ и кормятъ своего жеребеночка; на ночь натаскаютъ ему подстилки, да и днемъ кусочка хлѣба не съѣдятъ, чтобы не подѣлиться съ своимъ пріятелемъ. И какъ жеребенокъ-то зналъ ихъ! Бывало, издали увидитъ Ванюшу съ Дашею, пустится къ нимъ со всѣхъ ногъ, прибѣжитъ, остановится и смотритъ на нихъ, какъ собачка. Въ такой холѣ подросъ нашъ жеребеночекъ, выровнялся и сталъ статною

лошадкою. Вотъ отецъ Ванюши подумалъ, подумалъ, погадалъ: «жалко такую лошадь въ соху запречь; сведу-ка я ее въ городъ, да продамъ; мнѣ за ея цѣну двухъ лошадей дадутъ». Сказано, сдѣлано: свели Гнѣдка на конную, въ Петербургъ, продали извощику. А ужъ какъ плакали Ванюша съ Дашею, какъ они упрашивали извощика беречь ихъ Гнѣдка, не заставлять его возить тяжести, не мучить его... Они возвратились домой очень печальные: чего-то имъ недоставало. Отецъ радовался, что получилъ за Гнѣдка хорошія деньги, дѣти же горько плакали.

Но въ этихъ разговорахъ мы прошли почти всю набережную... Посмотрите, посмотрите: что это тамъ столпился народъ?... Пойдемъ.

Ахъ, это нашъ бѣдный Гнѣдко! Посмотрите: онъ упалъ и не можетъ больше встать; прохожіе помогаютъ извощику поднять его; они поднимутъ, онъ опять упадетъ. Какъ нога у него вспухла! Самъ извощикъ теперь плачетъ навзрыдъ. «По дѣломъ ему», вы скажете; нѣтъ, не говорите этого: онъ уже самъ видитъ свою вину и уже довольно наказанъ. Какъ онъ покажется на глаза хозяину? Да и что дѣлать теперь съ лошадью? Оставить ее на улицѣ нельзя; сама она итти не можетъ; надо нанять другую лошадь съ

Ахъ, это нашъ бѣдный Гнѣдко! Посмотрите: онъ упалъ и не можетъ больше встать.

санями и на сани взвалить бѣднаго Гнѣдка. Но на это нужны деньги, а у извощика ихъ нѣтъ: толстый господинъ разсердился, зачѣмъ лошадь упала и не заплатилъ ничего.... Бѣдный Гнѣдко! Онъ не можетъ пошевельнуться, зарылъ голову въ снѣгъ, тяжело дышетъ и поводитъ глазами, какъ бы требуя помощи. Бѣдный, онъ не можетъ даже кричать, потому что лошади не кричатъ, какъ бы жестоко ни страдали. «Злой извощикъ! за чѣмъ ты такъ измучилъ бѣднаго Гнѣдка?» — Но перестанемъ упрекать его, хотя онъ и много виноватъ, а лучше дадимъ ему денегъ, пусть онъ найметъ товарища свезти Гнѣдка на квартиру, да прибавимъ совѣтъ: впередъ не ѣздить на хромой лошади и не требовать отъ больной, чтобы она бѣжала, какъ здоровая. На дняхъ пошлемъ узнать, лучше ли нашей лошадкѣ.

Вообще, друзья мои, грѣшно мучить бѣдныхъ животныхъ, которыя намъ служатъ для пользы или для удовольствія. Кто мучитъ животныхъ безъ всякой нужды, тотъ дурной человѣкъ. Кто мучитъ лошадь, собаку, тотъ въ состояніи мучить и человѣка. А иногда это бываетъ и очень опасно. Вы видали, какъ иногда дурныя ребятишки дразнятъ на улицѣ собакъ, кошекъ, бьютъ ихъ, привязываютъ имъ палки къ хвосту; по-

слушайте же, что̀ однажды случилось съ такими ребятишками, какъ они жестоко были наказаны за свою злобную охоту. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь, въ Петербургѣ, на площади, отстала отъ хозяина маленькая, смирная собачка Шарло; она испугалась, прижалась къ стѣнѣ и не знала, что̀ дѣлать. Тогда окружили ее ребятишки. Ну дразнить ее, ну бить, бросать каменьями, таскать за хвостъ. Они вывели бѣдную собачку изъ терпѣнья, она бросилась на нихъ и нѣкоторыхъ укусила. Что же вышло? собачка осталась здоровою, а ребятишки?... Вы знаете, что̀ бываетъ съ человѣкомъ, когда его укуситъ бѣшеная собака? Онъ получаетъ отвращеніе къ водѣ, желаніе укусить и умираетъ въ ужаснѣйшихъ терзаніяхъ; подумать страшно! Повѣрите ли? То же случилось и съ укушенными ребятишками: они взбѣсились. Да, мои друзья, этотъ случай былъ новымъ доказательствомъ того, что когда собаку долго дразнятъ и она, разсердившись, укуситъ, то ея укушеніе бываетъ такъ же опасно, какъ укушеніе бѣшеной собаки. Не мучьте же никакого животнаго, друзья мои, потому что это грѣшно и показываетъ злое сердце, и не мучьте собакъ, даже въ шутку, потому что это и дурно, и опасно.

СТОЛЯРЪ.

Столяръ.

Признайтесь, любезные читатели, вамъ вѣрно часто случалось досадовать, когда въ Новый годъ, или въ ваши именины, родные или друзья дарили васъ не клеперомъ въ золотой сбруѣ, не часами съ репетиціей, не корзиной съ конфектами, а книжкою. Еще болѣе бываетъ вамъ, я думаю, досады, когда вы только-что разбѣгаетесь за рѣзвымъ кубаремъ, только-что собираетесь попасть мячикомъ въ неосторожнаго товарища, вамъ вдругъ скажутъ, что пришелъ учитель. Да, это бываетъ очень досадно. Скажите: къ чему эти книги, къ чему учителя? Вообразите же: есть дѣти, которыхъ не только не заставляютъ, но которымъ мѣшаютъ учиться. Не правда ли, что такія дѣти

должны быть очень счастливы, веселы, довольны! Какъ вы думаете? Странно только, что иные между этими счастливцами недовольны своимъ состоянiемъ: они ищутъ... чего бы вы думали?.. они ищутъ книжекъ, получаютъ непреодолимое желанiе учиться! Не правда ли, что это довольно странно; однако же я вамъ говорю правду, и въ доказательство разскажу вамъ исторiю одного мальчика. Слушайте.

Въ 1739-мъ году, у одного бѣднаго, неискуснаго столяра родился сынъ, по имени Андрей. Отецъ его не зналъ ни о чемъ на свѣтѣ, кромѣ своей пилы, и потому готовилъ своего сына въ столяры, что̀ говорится, на живую нитку. Отецъ Андрея имѣлъ самое грубое понятiе о своемъ ремеслѣ; онъ работалъ, смотря, какъ другiе работаютъ, самъ никогда не думая, какъ бы сдѣлать лучше другихъ. Долго Андрей былъ помощникомъ своего отца, пилилъ дерево пилою, строгалъ его рубанкомъ, вертѣлъ дыры буравомъ, или склеивалъ доски, связывая ихъ плотно, чтобы склеенное не развалилось до тѣхъ поръ, пока клей не высохнетъ. Но мало-по-малу Андрею пришло въ голову, что можно и должно лучше работать. Отъ этой мысли онъ перешелъ къ другой. Чтобы лучше работать, подумалъ онъ, мало снимать мѣрку съ чужой ра-

Долго Андрей былъ помощникомъ своего отца, пилилъ дерево пилою...

боты и дѣлать такъ, какъ другіе дѣлаютъ, а надо работать не одними руками, но и головою. Онъ чувствовалъ это, но у кого научиться думать? Шутка—работать головою! Онъ спрашивалъ у своихъ товарищей, нельзя ли, напр., вырѣзать кругъ или овалъ легче, нежели какъ они дѣлаютъ, т. е. не накладывая всякій разъ дощечки, которую они какъ-то достали въ чужой мастерской, и которая часто имъ не годилась, особливо когда надо было сдѣлать кругъ больше или меньше, или овалъ длиннѣе. Работники смѣялись надъ вопросами Андрея, говоря, что имъ и въ голову не приходило кого нибудь объ этомъ спрашивать; что, благо, у нихъ есть дощечка, по которой можно вырѣзать, они такъ и дѣлаютъ; а отъ добра, добра не ищутъ. Андрей не былъ доволенъ этими отвѣтами. Ходя по домамъ, онъ разсматривалъ мебель, сдѣланную другими славными мастерами, и замѣчалъ, что работники его отца не въ состояніи были сдѣлать такую работу. Часто они работали прямо съ мебели какого нибудь славнаго мастера. Казалось, и мѣрку снимали точь въ точь, такъ же строгали, такъ же наклеивали, но все выходило то же, да не то: то одинъ бокъ больше другаго, то кругъ неровно выведенъ, то уголъ выдался, то, едва сдѣлаютъ—развалится. Долго думалъ Андрей: отчего бы это

происходило. Стараясь знакомиться съ работниками жившаго подлѣ нихъ органнаго мастера, онъ нечаянно узналъ, что ихъ хозяинъ былъ человѣкъ грамотный. Это открытіе очень его удивило, ибо до тѣхъ поръ онъ не слыхивалъ, чтобы мастеровому надо было знать грамоту. Распрашивая снова работниковъ о томъ, какъ ихъ хозяинъ распоряжается работами, онъ узналъ, что хозяинъ смотритъ въ книжки, что въ этихъ книжкахъ есть рисунки и планы, что онъ дѣлаетъ круги не по дощечкѣ, а какимъ-то инструментомъ, который называется циркулемъ, что углы у нихъ выводятъ не наобумъ, а по особенной какой-то линейкѣ. Тогда Андрей понялъ, отчего въ мастерской его отца все не такъ идетъ, какъ въ мастерской его сосѣда. Онъ понялъ, что сосѣдъ ихъ былъ человѣкъ ученый, а что отцу и его работникамъ неученье мѣшало хорошо работать. Тогда въ молодомъ Андреѣ родилось сильное желаніе выучиться грамотѣ, чтобы потомъ посмотрѣть въ книжки, понять въ нихъ планы, а потомъ, что̀ узнаетъ, попробовать на дѣлѣ. Работники стали смѣяться, узнавши о намѣреніи Андрея. Отецъ, какъ человѣкъ необразованный, не запретилъ ему учиться грамотѣ, но объявилъ, что денегъ на ученье ему не дастъ, да и не позволитъ ему терять на ученье

то время, въ которое работники бываютъ въ мастерской; «ибо, прибавилъ отецъ, ты что ни говори, а грамота вздоръ; главное дѣло—сработать какъ нибудь, да продать».

Андрей на все согласился. Отецъ наравнѣ съ другими работниками давалъ ему дневное, очень небольшое, жалованье на пищу. Андрей откладывалъ отъ этихъ денегъ больше половины и платилъ ихъ учителю, который выучилъ его грамотѣ въ промежуткахъ между работою, когда другіе обѣдали или отдыхали. Выучившись грамотѣ, онъ принялся читать книги, какія только могъ найти. Книги стоили дорого; часто Андрей оставался цѣлый день голоднымъ, потому что всѣ свои деньги употреблялъ на покупку какого нибудь учебнаго сочиненія или рисунка. Тяжело было ему, бѣднякѣ: днемъ онъ работалъ прилежно, а чтобъ учиться, онъ вставалъ раньше всѣхъ, ложился спать всѣхъ позже; и такова была его нищета, что ему не на что было купить масла для лампадки, при свѣтѣ которой онъ читалъ свои книжки. Бѣднякка съ большимъ тщаніемъ собиралъ, гдѣ ему попадались, огарки, всякій жиръ, сало, которые выбрасывали изъ кухонь, сплавливалъ все это вмѣстѣ и наполнялъ свою лампадку. Часто ночью, трудясь надъ добытою кровными деньгами книжкою,

онъ многаго не понималъ, нѣсколько разъ перечитывалъ одно и то же мѣсто, но все ему не давалось: то одно слово ему было непонятно, то другое. У него не было, любезные читатели, учителей, какъ у васъ, не у кого было ему спросить; но Андрей не терялъ бодрости, и часто его усильный трудъ награждался особеннымъ образомъ: то, чего онъ не понималъ въ одной книжкѣ, объяснялось ему въ другой. О, какъ легко, какъ весело было ему на душѣ! Какъ благодарилъ онъ Бога, что послалъ ему благую мысль учиться! А работники все смѣялись надъ бѣднымъ Андреемъ; да часто и отецъ бранилъ его, что онъ по-пустому теряетъ время и силы. Каково было бѣдному Андрею!

Несмотря на голодъ, на холодъ, на недостатокъ въ свѣтѣ, на недостатокъ книгъ, на недостатокъ всего того, что̀ окружаетъ васъ, любезные читатели, и безъ чего, кажется, человѣку нельзя обойтись, Андрей въ скоромъ времени выучился чисто писать, рисовать, ариѳметикѣ, геометріи. Но всего этого ему было мало, потому что онъ уже зналъ, онъ догадывался, какъ много еще не знаетъ. Но гдѣ было ему продолжать учиться? Книги, которыя ему теперь были нужны, превосходили цѣною все его годовое содержаніе. Бѣдный Андрей былъ въ отчаяніи. Часто, работая до поту лица

надъ своимъ верстакомъ и мучимый благородною жаждою познаній, которую испытываютъ всѣ ученые люди, Андрей горько, горько плакалъ. А товарищи его все смѣялись надъ нимъ; а отецъ все бранилъ его за грамоту и часто сбирался обобрать у него всѣ книги. Подумайте друзья, что̀ бы вы сдѣлали на мѣстѣ Андрея? Бросили бы книги въ печку, и ариѳметику, и геометрію, а за ними и рисунки; принялись бы хорошо обѣдать, хорошо спать или гулять въ свободное время; не правда ли?.... Нѣтъ, я не вѣрю этому. Я знаю, что между вами есть многіе, которые понимаютъ, о чемъ плакалъ Андрей, которыхъ также мучитъ желаніе знать, желаніе выучиться, быть умнымъ и полезнымъ человѣкомъ. Ну, послушайте-жъ, что дальше будетъ: не цѣлый вѣкъ быть горю, есть и радость. Богъ никогда не оставляетъ людей, которые въ молодости имѣютъ страсть къ ученію. Онъ имъ помогаетъ.

Однажды отецъ отправилъ Андрея съ какою-то работою къ г. Блонделю, профессору архитектуры, очень ученому члену Академіи Художествъ. Умный видъ мальчика поразилъ его; ибо надо вамъ замѣтить, что у тѣхъ людей, которые много учатся, всегда лице само собою дѣлается умнымъ и привлекательнымъ, отъ того, что на лицѣ чело-

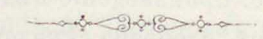
вѣка выходитъ все, что̀ онъ думаетъ и чувствуетъ. Если у него въ головѣ однѣ шалости, то и на лицѣ у него написано, что шалунъ. Если онъ внутренно злится, хотя и боится показать свою злость, то и лице у него дѣлается ѕлое, что̀ отвратительно видѣть. Если просто любитъ зѣвать по сторонамъ и ничего не дѣлать, то и лице дѣлается глупое, какъ у обезьяны. Но мы знаемъ, что нашъ Андрей былъ умный, добрый мальчикъ и любилъ учиться; на лицѣ у него это все такъ и было выпечатано. И не мудрено, что умный профессоръ тотчасъ обратилъ на него вниманіе. Изъ любопытства Блондель заговорилъ съ Андреемъ и очень удивился, замѣтивъ, что простой сынъ ремесленника имѣетъ понятіе о такихъ наукахъ, о которыхъ плохо знаютъ и дѣти богатыхъ людей, ничего не жалѣющихъ для найма учителей. Словомъ, Андрей такъ понравился Блонделю, что почтенный профессоръ взялъ его немедленно въ школу архитектуры, которая находилась подъ его вѣдѣніемъ.

Въ этой школѣ Андрей провелъ пять лѣтъ. Не нужно мнѣ вамъ сказывать, хорошо ли онъ учился. Днемъ онъ продолжалъ заниматься своимъ столярнымъ ремесломъ, которое ему доставляло деньги, нужныя для его содержанія, а вечеромъ учил-

ся разнымъ частямъ математики, механикѣ, архитектурѣ, перспективѣ, рисованію. Его познанія объяснили много такого въ его столярномъ ремеслѣ, чего онъ прежде не понималъ. Все выходившее изъ его мастерской было отдѣлано какъ нельзя лучше и покупалось на расхватъ. Наконецъ, онъ такъ далеко подвинулся въ наукахъ, что рѣшился написать сочиненіе о своемъ мастерствѣ. Въ это время Парижская Академія Наукъ издавала книгу, въ которой описывались разныя ремесла; нашъ Андрей осмѣлился представить Академіи свое сочиненіе. И что же? Произведеніе бѣднаго ремесленника было вполнѣ одобрено Академіею, которая, воздавая похвалы нашему Андрею, прибавила желаніе, чтобы всѣ ремесленники послѣдовали его примѣру и старались бы выучиться столько, чтобы умѣть ясно написать сочиненіе о своемъ ремеслѣ.

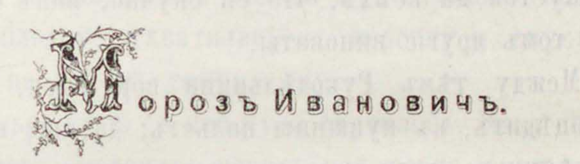
Все это не выдумка. Андрей дѣйствительно существовалъ; онъ извѣстенъ во Франціи подъ именемъ славнаго архитектора Андрея Рубо. Онъ написалъ много сочиненій объ архитектурѣ, о плотничномъ и столярномъ ремеслахъ, самъ печаталъ свои сочиненія, рисовалъ къ нимъ рисунки и планы, самъ гравировалъ и, такимъ образомъ, въ одномъ своемъ лицѣ, соединилъ качества отличнаго

ремесленника, писателя, живописца и гравера. Многія зданія построены во Франціи Андреемъ Рубо. Онъ всегда былъ заваленъ работою и провелъ жизнь свою въ богатствѣ, почитаемый своими согражданами. Когда будете учиться архитектурѣ, вы еще лучше познакомитесь съ нашимъ Андреемъ.

МОРОЗЪ ИВАНОВИЧЪ.

Намъ даромъ, безъ труда, ничто не достается:
Не даромъ изстари пословица ведется.

Морозъ Ивановичъ.

Въ одномъ домѣ жили двѣ дѣвочки: *Рукодѣльница да Лѣнивица*, а при нихъ нянюшка. Рукодѣльница была умная дѣвочка: рано вставала, сама, безъ нянюшки, одѣвалась, а вставши съ постели, за дѣло принималась: печку топила, хлѣбы мѣсила, избу мела, пѣтуха кормила, а потомъ на колодезь за водой ходила. А Лѣнивица межъ тѣмъ въ постелькѣ лежала; ужъ давно къ обѣднѣ звонятъ, а она еще все потягивается, съ боку на бокъ переваливается; ужъ развѣ наскучитъ лежать, такъ скажетъ съ просонья: «нянюшка, надѣнь мнѣ чулочки; нянюшка, завяжи башмачки»; а потомъ заговоритъ: «нянюшка, нѣтъ ли булочки?»—Встанетъ, попрыгаетъ, да и сядетъ

къ окошку мухъ считать: сколько прилетѣло, да сколько улетѣло. Какъ всѣхъ пересчитаетъ Лѣнивица, такъ ужъ и не знаетъ за что приняться и чѣмъ бы заняться; ей бы въ постельку — да спать не хочется; ей бы покушать — да ѣсть не хочется; ей бы къ окошку мухъ считать — да и то надоѣло; сидитъ горемычная и плачетъ, да жалуется на всѣхъ, что ей скучно, какъ будто въ томъ другіе виноваты.

Между тѣмъ Рукодѣльница воротится, воду процѣдитъ, въ кувшины нальетъ; да еще какая затѣйница: коли вода не чиста, такъ свернетъ листъ бумаги, наложитъ въ нее угольковъ, да песку крупнаго насыплетъ, вставитъ ту бумагу въ кувшинъ, да нальетъ въ нее воды, а вода-то знай проходитъ сквозь песокъ, да сквозь уголья, и каплетъ въ кувшинъ чистая, словно хрустальная; а потомъ Рукодѣльница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить, да еще рукодѣльную пѣсенку затянетъ; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тѣмъ, то за другимъ дѣломъ, а тутъ смотришь и вечеръ — день прошелъ.

Однажды съ Рукодѣльницей бѣда приключилась: пошла она на колодезь за водой, опустила ведро

на веревкѣ, а веревка-то и оборвись; упало ведро въ колодезь. Какъ тутъ быть? Расплакалась бѣдная Рукодѣльница, да и пошла къ нянюшкѣ разсказывать про свою бѣду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говоритъ: «сама бѣду сдѣлала, сама и поправляй; сама ведерко утопила, сама и доставай». Нечего было дѣлать; пошла бѣдная Рукодѣльница опять къ колодцу, ухватилась за веревку и спустилась по ней къ самому дну.

Только тутъ съ ней чудо случилось. Едва спустилась, смотритъ: передъ ней печка, а въ печкѣ сидитъ пирожокъ, такой румяный, поджаристый; сидитъ, поглядываетъ, да приговариваетъ: «я совсѣмъ готовъ, подрумянился, сахаромъ да изюмомъ обжарился; кто меня изъ печки возьметъ, тотъ со мной и пойдетъ».

Рукодѣльница, ни мало не мѣшкая, схватила лопатку, вынула пирожокъ и положила его за пазуху.

Идетъ она дальше. Передъ нею садъ, а въ саду стоитъ дерево, а на деревѣ золотыя яблочки; яблочки листьями шевелятъ и промежъ себя говорятъ: «мы яблочки наливныя, созрѣлыя, корнемъ дерева питалися, студеной росой обмывалися; кто насъ съ дерева стрясетъ, тотъ насъ себѣ и возьметъ».

Рукодѣльница подошла къ дереву, потрясла его за сучокъ, и золотыя яблочки такъ и посыпались къ ней въ передникъ.

Рукодѣльница идетъ дальше. Смотритъ: передъ ней сидитъ старикъ Морозъ Ивановичъ, сѣдой-сѣдой; сидитъ онъ на ледяной лавочкѣ, да снѣжные комочки ѣстъ; тряхнетъ головой—отъ волосъ иней сыплется; духомъ дохнетъ—валитъ густой паръ.

— А! сказалъ онъ, здорово, Рукодѣльница; спасибо, что ты мнѣ пирожокъ принесла: давнымъ давно ужъ я ничего горяченькаго не ѣлъ.

Тутъ онъ посадилъ Рукодѣльницу возлѣ себя, и они вмѣстѣ пирожкомъ позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

— Знаю я, зачѣмъ ты пришла, говорилъ Морозъ Ивановичъ; ты ведерко въ мой студенецъ опустила; отдать тебѣ ведерко отдамъ, только ты мнѣ за то три дня прослужи; будешь умна, тебѣ-жъ лучше; будешь лѣнива, тебѣ-жъ хуже. А теперь, прибавилъ Морозъ Ивановичъ, мнѣ старику и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мнѣ постель, да смотри, взбей хорошенько перину.

Рукодѣльница послушалась. Пошли они въ домъ. Домъ у Мороза Ивановича сдѣланъ былъ весь изо льду: и двери, и окошки, и полъ ледяные,

а по стѣнамъ убрано снѣжными звѣздочками; солнышко на нихъ сіяло, и все въ домѣ блестѣло, какъ брилліанты. На постелѣ у Мороза Иваныча, вмѣсто перины лежалъ снѣгъ пушистый; холодно, а дѣлать было нечего. Рукодѣльница принялась взбивать снѣгъ, чтобъ старику было мягче спать, а межъ тѣмъ у ней бѣдной руки окостенѣли, и пальчики побѣлѣли какъ у бѣдныхъ людей, что̀ зимой въ проруби бѣлье полощутъ: и холодно, и вѣтеръ въ лицо, и бѣлье замерзаетъ, коломъ стоитъ, а дѣлать нечего—работаютъ бѣдные люди.

— Ничего, сказалъ Морозъ Иванычъ, только снѣгомъ пальцы потри, такъ и отойдутъ, не отзнобишь. Я вѣдь старикъ добрый; посмотри-ка что̀ у меня за диковинки.

Тутъ онъ приподнялъ свою снѣжную перину съ одѣяломъ, и Рукодѣльница увидѣла, что подъ периною пробивается зеленая травка. Рукодѣльницѣ стало жаль бѣдной травки.

— Вотъ ты говоришь, сказала она, что ты старикъ добрый, а зачѣмъ ты зеленую травку подъ снѣжной периной держишь, на свѣтъ Божій не выпускаешь?

— Не выпускаю потому, что еще не время; еще трава въ силу не вошла. Добрый мужичокъ ее

осенью посѣялъ, она и взошла, и кабы вытянулась она, то зима бы ее захватила, и къ лѣту травка бы не вызрѣла. Вотъ я, продолжалъ Морозъ Ивановичъ, и прикрылъ молодую зелень моею снѣжной периной, да еще самъ прилегъ на нее, чтобы снѣгъ вѣтромъ не разнесло; а вотъ придетъ весна, снѣжная перина растаетъ, травка заколосится, а тамъ, смотришь, выглянетъ и зерно, а зерно мужичокъ соберетъ, да на мельницу отвезетъ; мельникъ зерно смелетъ и будетъ мука, а изъ муки ты, Рукодѣльница, хлѣбъ испечешь.

— Ну, а скажи мнѣ, Морозъ Ивановичъ, сказала Рукодѣльница, зачѣмъ ты въ колодцѣ-то сидишь?

— Я затѣмъ въ колодцѣ сижу, что весна подходитъ, сказалъ Морозъ Ивановичъ. Мнѣ жарко становится; а ты знаешь, что и лѣтомъ въ колодцѣ холодно бываетъ, отъ того и вода въ колодцѣ студеная, хоть посреди самаго жаркаго лѣта.

— А зачѣмъ ты Морозъ Ивановичъ, спросила Рукодѣльница, зимою по улицамъ ходишь, да въ окошки стучишься?

— А я затѣмъ въ окошки стучусь, отвѣчалъ Морозъ Ивановичъ, чтобъ не забывали печей топить, да трубы во время закрывать; а не то, вѣдь я

знаю, есть такія неряхи, что печку истопить истопятъ, а трубу закрыть не закроютъ, или и закрыть закроютъ, да не во время, когда еще не всѣ угольки прогорѣли, а отъ того въ горницѣ угарно бываетъ, голова у людей болитъ, въ глазахъ зелено; даже и совсѣмъ умереть отъ угара можно. А за тѣмъ еще я въ окошко стучусь, чтобы люди не забывали, что они въ теплой горницѣ сидятъ, или надѣваютъ теплую шубку, а что есть на свѣтѣ нищенькіе, которымъ зимой холодно, у которыхъ нѣту шубки, да и дровъ купить не на что; вотъ я затѣмъ въ окошко стучусь, чтобы люди нищенькимъ помогать не забывали.

Тутъ добрый Морозъ Ивановичъ погладилъ Рукодѣльницу по головкѣ, да и легъ почивать на свою снѣжную постельку.

Рукодѣльница межъ тѣмъ все въ домѣ прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и бѣлье выштопала.

Старичокъ проснулся; былъ всѣмъ очень доволенъ и поблагодарилъ Рукодѣльницу. Потомъ сѣли они обѣдать; столъ былъ прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старикъ самъ изготовилъ.

Такъ прожила Рукодѣльница у Мороза Ивановича цѣлые три дня.

На третій день Морозъ Ивановичъ сказалъ Рукодѣльницѣ: «спасибо тебѣ, умная ты дѣвочка; хорошо ты старика меня утѣшила, но и я у тебя въ долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукодѣлье деньги получаютъ, такъ вотъ тебѣ твое ведерко, а въ ведерко я всыпалъ цѣлую горсть серебряныхъ пятачковъ; да сверхъ того вотъ тебѣ, на память, бриллiантикъ—косыночку закалывать».

Рукодѣльница поблагодарила, приколола бриллiантикъ, взяла ведерко, пошла опять къ колодцу, ухватилась за веревку и вышла на свѣтъ Божій. Только-что она стала подходить къ дому, какъ пѣтухъ, котораго она всегда кормила, увидѣлъ ее, обрадовался, взлетѣлъ на заборъ и закричалъ:

Кукуреку, кукуреки!
У Рукодѣльницы въ ведеркѣ пятаки!

Когда Рукодѣльница пришла домой и разсказала все, что съ ней было, нянюшка очень диволвалась, а потомъ примолвила: «Вотъ видишь ты, Лѣнивица, что люди за рукодѣлье получаютъ. Поди-ка къ старичку, да послужи ему, поработай, въ комнатѣ у него прибирай, на кухнѣ готовь, платье чини, да бѣлье штопай, такъ и ты

Такъ вотъ тебѣ твое ведерко, да сверхъ того вотъ тебѣ, на память, брилліантикъ

горсть пятачковъ заработаешь, а оно будетъ кстати: у насъ къ празднику денегъ мало».

Лѣнивицѣ очень не по вкусу было идти къ старичку работать. Но пятачки ей получить хотѣлось, и брилліантовую булавочку тоже.

Вотъ, по примѣру Рукодѣльницы, Лѣнивица пошла къ колодцу, схватилась за веревку, да и бухъ прямо ко дну.

Смотритъ; и передъ ней печка, а въ печкѣ сидитъ пирожокъ такой румяный, поджаристый; сидитъ, поглядываетъ, да приговариваетъ: «Я совсѣмъ готовъ, подрумянился, сахаромъ да изюмомъ обжарился; кто меня возьметъ, тотъ со мной и пойдетъ».

А Лѣнивица ему въ отвѣтъ: «Да, какъ же не такъ! Мнѣ себя утомлять, лопатку поднимать, да въ печку тянуться; захочешь, самъ выскочишь».

Идетъ она далѣе, передъ нею садъ, а въ саду стоитъ дерево, а на деревѣ золотыя яблочки; яблочки листьями шевелятъ, да промежъ себя говорятъ: «Мы яблочки наливныя, созрѣлыя; корнемъ дерева питаемся, студеной росой обмываемся; кто насъ съ дерева стрясетъ, тотъ насъ себѣ и возьметъ».

«Да, какъ бы не такъ! отвѣчала Лѣнивица, мнѣ себя утомлять, ручки подымать, за сучьи

тянуть: успѣю набрать, какъ сами попадаютъ!» И прошла Лѣнивица мимо ихъ. Вотъ дошла она и до Мороза Ивановича. Старикъ по-прежнему сидѣлъ на ледяной скамеечкѣ, да снѣжные комочки прикусывалъ.

— Что тебѣ надобно, дѣвочка? спросилъ онъ.

— Пришла я къ тебѣ, отвѣчала Лѣнивица, послужить, да за работу получить.

— Дѣльно ты сказала, дѣвочка, отвѣчалъ старикъ; за работу деньга слѣдуетъ; только посмотримъ, какова еще твоя работа будетъ. Поди-ка взбей мою перину, а потомъ кушанье изготовь, да платье мое повычини, да бѣлье повыштопай.

Пошла Лѣнивица, а дорогой думаетъ: Стану я себя утомлять да пальцы знобить! авось старикъ не замѣтитъ, и на невзбитой перинѣ уснетъ.

Старикъ въ самомъ дѣлѣ не замѣтилъ, или прикинулся что не замѣтилъ; легъ въ постель и заснулъ, а Лѣнивица пошла на кухню.

Пришла на кухню, да и не знаетъ, что̀ дѣлать. Кушать-то она любила, а подумать, какъ готовилось кушанье, это ей и въ голову не приходило; да и лѣнь было ей посмотрѣть.

Вотъ она оглядѣлась; лежитъ передъ ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксусъ, и горчица, и квасъ, все по порядку. Вотъ она думала, думала, кое-

какъ зелень обчистила, мясо и рыбу разрѣзала, да чтобъ большаго труда себѣ не давать, то, какъ все было, мытое-немытое, такъ и положила въ кострюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксусъ, да еще кваску подлила, а сама думаетъ: Зачѣмъ себя трудить, каждую вещь особо варить? Вѣдь въ желудкѣ все вмѣстѣ будетъ.

Вотъ старикъ проснулся, проситъ обѣдать. Лѣнивица притащила ему кострюлю, какъ есть, даже скатерцы не подостлала. Морозъ Ивановичъ попробовалъ, поморщился, а песокъ такъ и захрустѣлъ у него на зубахъ.

— Хорошо ты готовишь, замѣтилъ онъ, улыбаясь. Посмотримъ, какова твоя другая работа будетъ.

Лѣнивица отвѣдала, да тотчасъ и выплюнула, инда ей стошнило; а старикъ покряхтѣлъ, покряхтѣлъ, да принялся самъ готовить кушанье и сдѣлалъ обѣдъ на славу, такъ что Лѣнивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

Послѣ обѣда старикъ опять легъ отдохнуть, да припомнилъ Лѣнивицѣ, что у него платье не починено, да и бѣлье не выштопано.

Лѣнивица понадулась, а дѣлать было нечего; принялась платье и бѣлье разбирать; да и тутъ бѣда: платье и бѣлье Лѣнивица нáшивала, а какъ

его шьютъ, объ томъ и не спрашивала; взяла было иголку, да съ непривычки укололась; такъ ее и бросила.

А старикъ опять будто бы ничего не замѣтилъ, ужинать Лѣнивицу позвалъ, да еще спать ее уложилъ.

А Лѣнивицѣ то́ и любо; думаетъ себѣ: Авось и такъ пройдетъ. Вольно̀ было сестрицѣ на себя трудъ принимать; старикъ добрый, онъ мнѣ и такъ, задаромъ, пятачковъ подаритъ.

На третій день приходитъ Лѣнивица и проситъ Мороза Ивановича ее домой отпустить, да за работу наградить.

— Да какая же была твоя работа? спросилъ старичокъ. Ужъ коли на правду дѣло пошло, такъ ты мнѣ должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебѣ служилъ.

— Да, какъ же! отвѣчала Лѣнивица; я вѣдь у тебя цѣлые три дня жила.

— Знаешь, голубушка, отвѣчалъ старичокъ, что̀ я тебѣ скажу: жить и служить разница, да и работа работѣ розь. Замѣть это: впередъ пригодится. Но впрочемъ, если тебя совѣсть не зазритъ, я тебя награжу; и какова твоя работа, такова будетъ тебѣ и награда.

Съ сими словами, Морозъ Ивановичъ далъ Лѣ-

Не успѣла она договорить, какъ серебряный слитокъ растаялъ и полился на полъ.

нивицѣ пребольшой серебряной слитокъ, а въ другую руку пребольшой брилліантъ. Лѣнивица такъ этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодаривъ старика, домой побѣжала.

Пришла домой и хвастается: «Вотъ, говоритъ, что я заработала: не сестрѣ чета, не горсточку пятачковъ, да не маленькій брилліантикъ, а цѣлый слитокъ серебряный, вишь какой тяжелый, да и брилліантъ-то чуть не съ кулакъ... Ужъ на это можно къ празднику обнову купить».....

Не успѣла она договорить, какъ серебряный слитокъ растаялъ и полился на полъ: онъ былъ не иное что, какъ ртуть, которая застыла отъ сильнаго холода; въ то же время началъ таять и брилліантъ, а пѣтухъ вскочилъ на заборъ и громко закричалъ:

Кукуреку, кукурекулька,
У Лѣнивицы въ рукахъ ледяная сосулька!

А вы, дѣтушки, думайте, гадайте: что̀ здѣсь правда, что̀ неправда; что̀ сказано впрямъ, что̀ стороною; что̀ шутки ради, что̀ въ наставленье, а что̀ намекомъ. Да и то смекните, что не за всякій трудъ и добро награда бываетъ; а бываетъ награда ненаро̀комъ, потому что трудъ и добро сами по себѣ хороши и ко всякому дѣлу пригодны; такъ

уже Богомъ устроено. Сами только чужаго добра да труда безъ награды не оставляйте, а покамѣстъ, отъ васъ награда—ученье, да послушанье.

Межъ тѣмъ и стараго Дѣдушку Иринея не забывайте; а онъ для васъ много розсказней наготовилъ; дайте только старику о веснѣ съ силами да съ здоровьемъ собраться.

Индѣйская сказка

О четырехъ глухихъ.

Индѣйская сказка

О ЧЕТЫРЕХЪ ГЛУХИХЪ.

Возьмите карту Азіи, отсчитайте паралельныя линіи отъ экватора къ Сѣверному или Арктическому полюсу (т. е. въ широту), начиная съ 8-го градуса по 35-й, и отъ Парижскаго меридіана по экватору (или въ долготу), начиная съ 65-го градуса по 90-й. Между линіями, проведенными на картѣ по этимъ градусамъ, вы найдете въ знойномъ поясѣ, подъ тропикомъ Рака, остроконечную полосу земли, выдавшуюся въ Индѣйское море. Эта земля называется Индіею или Индостаномъ, и также называютъ ее Восточною или Большою Индіею, чтобъ не смѣшать съ тою

землею, которая находится на противоположной сторонѣ полушарія и называется Западною или Малою Индіею. Къ Восточной Индіи принадлежитъ также островъ Цейлонъ, на которомъ, какъ вы вѣрно знаете, много жемчужныхъ раковинъ. Въ этой землѣ живутъ Индѣйцы, которые раздѣляются на разныя племена, точно такъ же, какъ мы, Русскіе, имѣемъ племена Великороссовъ, Малороссіянъ, Поляковъ и проч. Изъ этой земли привозятъ въ Европу разныя вещи, которыя каждый день вами употребляются: хлопчатую бумагу; изъ нея дѣлаютъ вату, которою подбиваютъ ваши теплыя капоты; замѣтьте, что хлопчатая бумага растетъ на деревѣ; черные шарики, которые иногда попадаются въ ватѣ, суть не иное что какъ сѣмена этого растенія; — сарачинское пшено, изъ котораго варятъ кашу и которымъ для васъ настаиваютъ воду, когда вы нездоровы; — сахаръ, съ которымъ вы кушаете чай; — селитру, отъ которой загарается трутъ, когда высѣкаютъ огонь изъ кремня стальною дощечкою; — перецъ, эти кругленькіе шарики, которые толкутъ въ порошокъ, очень горькіе и которыхъ маменька вамъ не даетъ, потому что перецъ нездоровъ для дѣтей; — сандальное дерево, которымъ красятъ разныя матеріи въ красную краску; — индиго, ко-

торымъ красятъ въ синюю краску; — корицу, которая такъ хорошо пахнетъ: это корка съ дерева; — шелкъ, изъ котораго дѣлаютъ тафту, атласъ, блонды; — насѣкомыхъ, называющихся кошенилью, изъ которыхъ дѣлаютъ превосходную пурпуровую краску; — драгоцѣнные камни, которые вы видите въ серьгахъ у вашей маменьки; — тигровую кожу, которая лежитъ у васъ, вмѣсто ковра, въ гостиной. Всѣ эти вещи привозятся изъ Индіи. Эта страна, какъ видите, очень богата; только въ ней очень жарко. Большею частію Индіи владѣютъ англійскіе купцы, или, такъ называемая, Остъ-Индская Компанія. Она торгуетъ всѣми этими предметами, о которыхъ мы выше сказали, потому что сами жители очень лѣнивы. Большая часть изъ нихъ вѣруетъ въ божество, которое извѣстно подъ названіемъ Тримурти и раздѣляется на трехъ боговъ: Браму, Вишну и Шива. Брама — самый главный изъ боговъ, а потому и жрецы носятъ названіе Браминовъ. Для этихъ божествъ у нихъ построены храмы, очень странной, но красивой архитектуры, которые называются пагодами и которые вы вѣрно видали на картинкахъ, а если не видали, то посмотрите. Индѣйцы очень любятъ сказки, повѣсти и разсказы всякаго рода. На ихъ

древнемъ языкѣ, на санскритскомъ (который, замѣтьте, похожъ на нашъ русскій), написано много прекрасныхъ стихотворныхъ сочиненій; но этотъ языкъ теперь для большей части Индѣйцевъ непонятенъ: они говорятъ другими, новыми нарѣчіями. Вотъ одна изъ новѣйшихъ сказокъ этого народа; Европейцы подслушали ее и перевели, а я разскажу ее вамъ, какъ умѣю; она очень смѣшна, и по ней вы получите нѣкоторое понятіе объ индѣйскихъ нравахъ и обычаяхъ.

Не вдалекѣ отъ деревни, пастухъ пасъ стадо овецъ. Было уже за полдень, и бѣдный пастухъ очень проголодался; правда, онъ, выходя изъ дома, велѣлъ своей женѣ принесть себѣ въ поле позавтракать, но жена, какъ будто нарочно, не приходила. Призадумался бѣдный пастухъ: идти домой нельзя—какъ оставить стадо? Того и гляди, что раскрадутъ; остаться на мѣстѣ—еще хуже: голодъ замучитъ. Вотъ онъ посмотрѣлъ туда, сюда, видитъ—тальяри *) коситъ сѣно для своей коровы. Пастухъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Одолжи, любезный другъ; посмотри, чтобы мое стадо не разбрелось; я только схожу домой по-

---

*) Родъ деревенскаго сторожа.

завтракать, тотчасъ возвращусь и щедро награжу тебя за твою услугу».

Кажется, пастухъ поступилъ очень благоразумно; да и дѣйствительно онъ былъ малый умный и осторожный. Одно въ немъ было худо: онъ былъ глухъ, да такъ глухъ, что пушечный выстрѣлъ надъ ухомъ не заставилъ бы его оглянуться; а что всего хуже: онъ и говорилъ-то съ глухими. Но тальяри былъ также глухъ, и потому не мудрено, что онъ изъ пастуховой рѣчи ни слова не понялъ. Ему показалось напротивъ, что пастухъ хочетъ отнять у него траву, и тальяри закричалъ съ сердцемъ: «Да что тебѣ за дѣло до моей травы? Не ты ее косилъ, а я; вѣдь моей коровѣ не умирать же съ голоду для того, чтобы твое стадо было сыто? Не дамъ ни за что тебѣ этой травы; убирайся прочь!» Съ этими словами тальяри сдѣлалъ рукою увѣрительный знакъ, а пастухъ подумалъ, что тальяри обѣщается защищать его стадо и, успокоенный, поспѣшилъ домой, намѣреваясь женѣ своей хорошенько вымыть голову, чтобъ она впредь не забывала приносить ему завтракъ.

Пастухъ подходитъ къ своему дому—смотритъ: жена его лежитъ на порогѣ, плачетъ и жалуется. Надобно вамъ сказать, что она вчера на

ночь неосторожно покушала, да говорятъ еще, сырого горошку, а вы знаете: кто много кушаетъ, у того часто въ желудкѣ бываютъ судороги. Нашъ добрый пастухъ постарался помочь своей женѣ, уложилъ ее въ постель, далъ ей прегорькое лѣкарство, отъ котораго ей однакоже стало лучше; между тѣмъ онъ не забылъ и позавтракать. За этими хлопотами много ушло времени, и у бѣднаго на умѣ только одно было: что-то дѣлается со стадомъ? Долго-ли до бѣды! Онъ поспѣшилъ воротиться и, къ чрезвычайному своему удовольствiю, скоро увидѣлъ, что его стадо спокойно пасется на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ его оставилъ. Однакоже, какъ человѣкъ благоразумный, онъ пересчиталъ всѣхъ своихъ барановъ и, найдя, что счетъ вѣренъ, сказалъ самому себѣ: «Честный человѣкъ этотъ тальяри; надо наградить его.»

Въ стадѣ у пастуха была молодая овца; правда, хромая, но на видъ прекрасная. Онъ взвалилъ ее на плеча, подошелъ къ тальяри и сказалъ ему:

— Спасибо тебѣ, господинъ тальяри, что поберегъ мое стадо; вотъ тебѣ цѣлая овца за твои труды.

Тальяри, разумѣется, ничего не понялъ, о

чемъ говорилъ пастухъ, но, видя хромую овцу, вскричалъ съ сердцемъ:

— А мнѣ что за дѣло, что она хромаетъ? Почему мнѣ знать, кто ее изувѣчилъ? Я и не подходилъ къ твоему стаду. Что мнѣ за дѣло?

— Правда, она хромаетъ, продолжалъ пастухъ, не понимая тальяри, но впрочемъ, славная овца, и молода, и жирна; возьми ее, изжарь и скушай за мое здоровье съ твоими пріятелями.

— Отойдешь ли ты отъ меня! вскричалъ тальяри, совершенно разсердившись. Я тебѣ еще разъ говорю, что я не ломалъ ногъ у твоей овцы и къ стаду твоему не только не подходилъ, даже и не смотрѣлъ на него.

Но какъ пастухъ, не понимая его, все держалъ передъ нимъ хромую овцу и все продолжалъ выставлять ея достоинства, то тальяри не вытерпѣлъ, замахнулся; пастухъ, въ свою очередь, разсердившись, приготовился къ горячей оборонѣ, и они, вѣрно, подрались бы, еслибъ не остановилъ ихъ человѣкъ, ѣхавшій мимо верхомъ на лошади.

Надо вамъ сказать, что у Индѣйцевъ существуетъ обычай, когда они заспорятъ о чемъ-нибудь, просить перваго встрѣтившагося человѣка разсудить ихъ.

Вотъ пастухъ съ тальяри, каждый съ своей стороны, ухватились за узду лошади, чтобъ остановить верховаго.

— Сдѣлайте милость, сказалъ ему пастухъ; остановитесь на минуту и разрѣшите: кто изъ насъ правъ и кто виноватъ? Я вотъ этому человѣку дарю мою овцу за его услуги, а онъ за это чуть не прибилъ меня.

— Сдѣлайте милость, говорилъ тальяри; остановитесь на минуту и разрѣшите: кто изъ насъ правъ и кто виноватъ? Этотъ злой пастухъ обвиняетъ меня въ томъ, что я изувѣчилъ его овцу, когда я и не подходилъ къ его стаду.

Къ несчастію, выбранный ими судья былъ также глухъ и даже, говорятъ, больше нежели они оба вмѣстѣ. Онъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы они замолчали и сказалъ:

— Я вамъ долженъ признаться, что эта лошадь точно не моя; я нашелъ ее на дорогѣ и, какъ я очень тороплюсь въ одно мѣсто, то, чтобы скорѣе поспѣть, я рѣшился сѣсть на нее. Если она ваша, возьмите ее; если же нѣтъ, то отпустите меня поскорѣе: мнѣ некогда здѣсь дольше оставаться.

Пастухъ и тальяри оба вообразили, что ѣздокъ рѣшаетъ дѣло не въ его пользу; и еще громче

стали кричать и браниться, обвиняя избраннаго ими посредника.

Въ это время старый Браминъ проходилъ по дорогѣ; всѣ три спорщика бросаются къ нему и начинаютъ всѣ вмѣстѣ разсказывать свое дѣло; но Браминъ былъ такъ же глухъ, какъ они.

— Понимаю! Понимаю! отвѣчалъ онъ имъ. Она послала васъ упросить меня, чтобъ я воротился домой (Браминъ говорилъ про свою жену). Но это вамъ не удастся. Знаете ли вы, что нѣтъ въ мірѣ ничего подобнаго ея дурному нраву? Съ тѣхъ поръ, какъ я на ней женился, она меня заставила надѣлать столько грѣховъ, что мнѣ не омыть ихъ во сто поколѣніяхъ *). Я наложилъ на себя обѣтъ омыться въ священныхъ водахъ рѣки Ганга, чтобы получить прощеніе въ грѣхахъ, содѣланныхъ мною съ тѣхъ поръ, какъ я, по несчастію, женился на этой женщинѣ; потомъ я буду питаться милостынею и проведу остальные дни мои въ другой землѣ. Вы видите, что я рѣшился твердо; и всѣ ваши слова не заставятъ меня перемѣнить моего намѣренія, и снова согласиться жить въ одномъ домѣ съ такою злою женою.

---

*) Брамины думаютъ, что душа человѣка переходитъ послѣ смерти въ другое тѣло и въ этой второй жизни претерпѣваетъ наказаніе за грѣхи, сдѣланные человѣкомъ въ первой.

Шумъ поднялся больше прежняго; всѣ они вмѣстѣ кричали изо всѣхъ сихъ, не понимая одинъ другаго.

Между тѣмъ тотъ, который укралъ лошадь, завидя издали бѣгущихъ людей, принялъ ихъ за хозяевъ украденной лошади, проворно соскочилъ съ нея и убѣжалъ.

Пастухъ, замѣтивъ, что уже становится поздно и что стадо его довольно далеко забрело отъ того мѣста, гдѣ они спорили, поспѣшилъ собрать своихъ овечекъ, проклиная судьбу, своихъ посредниковъ, горько жалуясь на то, что нѣтъ на землѣ справедливости и, наконецъ, приписывая все, съ нимъ случившееся, змѣѣ, которая переползла черезъ дорогу въ то время, когда онъ выходилъ изъ дома: такова примѣта у Индѣйцевъ.

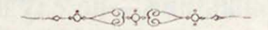
Тальяри возвратился къ своему накошенному сѣну и, найдя тамъ хорошую овцу, невинную причину спора, взвалилъ ее на плеча и понесъ къ себѣ, думая тѣмъ наказать пастуха за его несправедливость.

Браминъ дошелъ до ближней деревни, гдѣ остановился ночевать. Голодъ и усталость нѣсколько утишили гнѣвъ, а пришедшіе на другой день его пріятели и родственники уговорили бѣднаго Бра-

мина воротиться домой, обѣщаясь употребить всѣ возможныя усилія, чтобы сдѣлать жену его послушнѣе и смирнѣе.

Знаете ли, друзья, что̀ можетъ придти въ голову, когда прочитаешь эту сказку? Кажется, вотъ что: на свѣтѣ бываютъ люди, большіе и малые, которые, хотя и не глухи, а не лучше глухихъ: что говоришь имъ—не слушаютъ; въ чемъ увѣряешь—не понимаютъ; сойдутся вмѣстѣ—заспорятъ, сами не зная объ чемъ. Отъ этого происходятъ для нихъ разныя неудовольствія; а они жалуются на людей, на судьбу, или приписываютъ свое несчастіе нелѣпымъ примѣтамъ, какъ-то: просыпанной соли, разбитому зеркалу. Такъ, напримѣръ, одинъ мой пріятель никогда не слушалъ того, что̀ ему учитель говорилъ въ классѣ, и сидѣлъ на скамѣйкѣ, словно глухой; что же вышло? Онъ выросъ теперь дуракъ дуракомъ: за что ни примется, ничто ему не удается; умные люди объ немъ жалѣютъ, хитрые его обманываютъ, а онъ жалуется на судьбу, что, видите ли, будто бы онъ несчастливымъ родился.

Сдѣлайте милость, друзья, не будьте глухи; уши намъ даны для того, чтобы слушать; одинъ умный человѣкъ замѣтилъ, что у насъ два уха и одинъ языкъ и что слѣдственно намъ надобно больше слушать, нежели говорить.

ЧЕРВЯЧОКЪ.

Червячокъ.

— Смотри-ка, Миша, говорила Лизенька, остановившись возлѣ цвѣтущаго кустарника; кто-то наклеилъ на листокъ хлопчатую бумагу; не ты ли это?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Миша; развѣ Саша, или Володя?

— Гдѣ Володѣ это сдѣлать! продолжала Лизенька; посмотри, какъ искусно растянуты эти тоненькія ниточки, и какъ крѣпко онѣ держатся на зеленомъ листкѣ!

— Смотри-ка, сказалъ Миша, тамъ что-то круглое!

Съ сими словами проказникъ хотѣлъ-было сдернуть наклеенный хлопокъ.

— Ахъ, нѣтъ! не трогай! вскричала Лизенька, удерживая Мишу и присматриваясь къ листочку; тутъ червячокъ, видишь, шевелится.

Дѣти не ошиблись; въ самомъ дѣлѣ, на листкѣ цвѣтущаго кустарника, подъ легкимъ, прозрачнымъ одѣяльцемъ, похожимъ на хлопчатую бумагу, въ тонкой скорлупкѣ, лежалъ червячокъ. Уже давно лежалъ онъ тамъ, давно уже вѣтерокъ качалъ его колыбельку, и онъ сладко дремалъ въ своей воздушной постелькѣ. Разговоръ дѣтей пробудилъ червячка; онъ просверлилъ окошко въ своей скорлупкѣ, выглянулъ на Божій свѣтъ, смотритъ — свѣтло, хорошо и солнышко грѣетъ; задумался нашъ червячокъ. «Что это?» говоритъ онъ, «никогда мнѣ еще такъ тепло не бывало; видно не дурно на Божіемъ свѣтѣ; дай подвинусь подальше».

Еще разъ онъ стукнулъ въ скорлупку, и окошечко сдѣлалось дверцей; червячокъ просунулъ головку, еще, еще, и наконецъ совсѣмъ вылѣзъ изъ скорлупки. Смотритъ сквозь свой прозрачный занавѣсъ, и возлѣ него на листкѣ капля сладкой росы, и солнышко въ ней играетъ, и какъ будто радужное сіяніе ложится отъ нея на зелень.

«Дай-ка напьюсь сладкой водицы», сказалъ червячокъ; потянулся, анъ не тутъ-то было. Кто это? Вѣрно маменька червячка такъ крѣпко прикрѣпила

Смотри-ка, сказалъ Миша, тамъ что то круглое!

занавѣску; нельзя и приподнять ее даже! Что же дѣлать? Вотъ нашъ червячокъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и принялся подтачивать то ту ниточку, то другую; работалъ, работалъ, и наконецъ поднялась занавѣска; червячокъ подлѣзъ подъ нее и напился сладкой водицы. Весело ему на свѣжемъ воздухѣ; теплый вѣтерокъ пашетъ на червячка, колышетъ струйку росы и съ цвѣтовъ сыплетъ на него душистую пыль. «Нѣтъ, говоритъ червячокъ, ужъ впередъ меня не обманутъ! За чѣмъ мнѣ опять идти подъ душное одѣяло и сосать сухую скорлупку? Останусь-ка я лучше на просторѣ; здѣсь много душистыхъ цвѣтовъ, много и крючечковъ разсыпано по листьямъ; есть за что уцѣпиться...»

Не успѣлъ червячокъ выговорить, какъ вдругъ, смотритъ, листья между собою зашумѣли, и мошки въ тревогѣ зажужжали; небо потемнѣло, само солнышко со страха спряталось за тучку; вороны каркаютъ, утки гогочутъ; и вотъ дождикъ полился ливнемъ. Подъ бѣднымъ червячкомъ цѣлое море; волною захлеснуло малютку, дрожь пробѣжала по его тонкой кожицѣ; и холодно, и страшно ему стало. Едва онъ опомнился, собралъ силы и снова, помятывая головкой, побрелъ подъ хлопчатую занавѣску, въ родимую постельку.

Вотъ согрѣлся малютка. Между тѣмъ дождикъ пересталъ, солнышко опять показалось и разсыпалось мелкими искрами по дождевымъ каплямъ. «Нѣтъ», сказалъ опять червячокъ, «теперь меня не обманутъ; за чѣмъ мнѣ выходить изъ родимаго гнѣздышка на холодъ и сырость? Видишь, солнышко какое хитрое: приманитъ, пригрѣетъ, а нѣтъ чтобы отъ дождя защитить!»

Вотъ прошелъ день, прошелъ и другой, прошелъ и третій. Червячокъ все лежитъ въ хлопчатомъ одѣяльцѣ, съ боку на бокъ переваливается, иногда выставитъ головку, пощиплетъ листокъ, и опять въ колыбельку. Вотъ онъ смотритъ: у него на тѣлѣ волоски стали пробиваться; не прошло недѣли, какъ у червячка явилась теплая, узорчатая шубка. Еслибъ вы видѣли, какіе цвѣты разсыпала по ней природа! Она опоясала ее красными лентами, вдоль посадила желтыя, мохнатыя пуговки, къ шейкѣ пустила черныя и зеленыя жилки. «Ге! ге!» сказалъ червячокъ самъ въ себѣ, «неужели въ самомъ дѣлѣ мнѣ цѣлый вѣкъ лежать въ моей постелькѣ, да смотрѣть на занавѣску? Неужели только и дѣла на семъ свѣтѣ? Мнѣ ужъ, признаться, надоѣла постелька; тѣсно въ ней, скучно. Еслибъ на свѣтъ посмотрѣть, себя показать; можетъ быть я на что и другое гожуся. Ну что, въ

самомъ дѣлѣ, неужели дождя бояться? Да мнѣ, въ моей шубкѣ, и дождикъ не страшенъ. Дай попробую, пощеголяю въ моемъ новомъ нарядѣ».

Вотъ червячокъ снова приподнялъ занавѣску; смотритъ, надъ нимъ цвѣточекъ только что распустился; каплетъ изъ него сахарный медъ и манитъ къ себѣ малютку. Не утерпѣлъ червячокъ, приподнялся, крѣпко обвился вокругъ шейки цвѣтка и жадно поцѣловалъ своего новаго друга. Смотритъ: надъ нимъ другой цвѣтокъ еще лучше того; онъ къ нему; потомъ еще третій, еще лучше; всѣ они шепчутся между собою, играютъ съ малюткой и брызжутъ въ него липчатымъ медомъ. Зарѣзвился нашъ червячокъ, забылся.... Нежданно повѣялъ вѣтеръ и стряхнулъ червячка на землю.

Что-то будетъ съ нашимъ щеголемъ? Какъ найдти ему родимое гнѣздышко? Однакожъ онъ приподнялъ головку, осмотрѣлся. «Ну что-жъ?» думаетъ, «бѣда еще не велика; оплошалъ, такъ оплошалъ! Въ другой разъ наука; не за чѣмъ же мнѣ опять въ колыбельку. Нѣтъ, нечего колыбельки держаться; пора жить и своимъ умомъ». Сказалъ, и поползъ куда глаза глядятъ. Вотъ доползъ онъ до вѣтки; разщипалъ ее—жестко! Онъ дальше, еще, еще, и доползъ до листка; попро-

бовалъ—вкусно! «Нѣтъ», сказалъ червячокъ, «теперь буду умнѣе, не стряхнетъ меня вѣтерокъ!» И закинулъ за листокъ паутинку.

Сглодалъ онъ листокъ, на другой потащился; а потомъ и на третій. Весело червячку! Вѣтеръ ли пахнетъ, онъ прикорнетъ къ паутинкѣ; тучка ли набѣжитъ, его шубка дождя не боится; солнышко ли сильно печетъ, онъ подъ листокъ, да и смѣется надъ солнцемъ, насмѣшникъ!

Но были для червячка и горькія минуты. То, смотритъ, птичка летитъ, глазки на него уставляетъ, а иногда подлетитъ, да и носикомъ толкъ его подъ бокъ. Но червячокъ не простакъ: онъ притворится, притаится, будто мертвый, а птичка и прочь отъ него. Было и горше этого: онъ потащился на новый листокъ, а смотритъ: на немъ сидитъ большой, мохнатый паукъ съ крючьями на ногахъ, шевелитъ кровавою пастью и растягиваетъ сѣтку надъ червячкомъ.

Иногда проходили мимо червячка злые люди и говорили между собою: «Ахъ проклятые червяки! Побросать бы ихъ всѣхъ на землю, да растоптать хорошенько!» Червячокъ, слыша такія рѣчи, уходилъ въ глубокую чащу и по цѣлымъ днямъ не смѣлъ показываться.

А иногда и Лизенька съ Мишей брали его въ

руки, чтобъ полюбоваться его разноцвѣтной шубкой; и хотя они были добрые дѣти, не хотѣли сдѣлать зла червячку, но такъ неосторожно мяли его въ рукахъ, что потомъ бѣдный червячокъ, ужъ едва дыша, всползалъ на родимую вѣтку.

Вотъ между тѣмъ лѣто прошло. Уже много цвѣтовъ поблекло, и на ихъ мѣстѣ шумѣли головки съ сочными зернами; раньше солнце стало уходить за горку, и чаще прежняго повѣвалъ вѣтерокъ, и чаще накрапывалъ крупный дождикъ. Лизенька и Миша уже вспомнили о своихъ шубкахъ и спорили, чья лучше—у нихъ, или у червячка. Червячокъ замѣтилъ, что листки уже стали не такъ душисты и сочны, солнце не такъ тепло, да и самъ ужъ онъ сдѣлался не такъ живъ; все ему на свѣтѣ казалось уже не такъ утѣшно, какъ прежде.

«Что-жъ», думаетъ онъ, «довольно я на свѣтѣ пожилъ поработалъ, испыталъ и горе и радость, пилъ и горькую и сладкую росу, пощеголялъ и шубкой, дружился съ цвѣтками; не вѣкъ же ползать попустому на землѣ; пора быть чѣмъ-нибудь лучше». Онъ спустился съ листка, протянулся мимо блестящей капли росы, вспомнилъ, какъ ея струйки веселили его, малютку, и поползъ далѣе въ чащу зелени. Онъ сталъ искать тѣнистаго, скром-

наго мѣста, удаленнаго отъ шума и свѣта; нашелъ его, пріютился и началъ важную работу въ своей жизни. Когда Лизенька съ Мишей отъискали своего червячка, они очень удивились, что ихъ старый знакомый ничего не ѣлъ и не пилъ и цѣлые часы безпрестанно трудился надъ своимъ дѣломъ. Въ чемъ же была работа червячка? Эта работа была важная, любезныя дѣти: червячокъ готовился умереть и строилъ себѣ могилку!

Долго трудился надъ ней; наконецъ скинулъ съ себя свою узорчатую шубку, примолвивъ: «тамъ въ ней не будетъ нужды», и заснулъ сномъ спокойнымъ. Не стало червячка, лишь на листкѣ качались его безжизненный гробокъ и свернутая въ комокъ шубка.

Но не долго спалъ червячокъ! Вдругъ онъ чувствуетъ—забилось въ немъ новое сердце, маленькія ножки пробились изъ-подъ брюшка, и на спинкѣ что-то зашевелилось; еще минута—и распалась его могилка. Червячокъ смотритъ: онъ уже не червякъ; ему не надобно ползать по землѣ и цѣпляться за листки; развились у него большія, радужныя крылья; онъ живъ, свободенъ, онъ гордо поднимается на воздухъ.

Такъ бываетъ не съ однимъ червячкомъ, любезныя дѣти. Не рѣдко видите вы, что тотъ, съ кото-

Червячокъ смотритъ: онъ уже не червякъ.

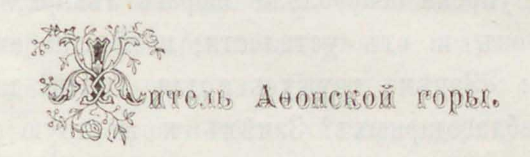

рымъ вы вмѣстѣ рѣзвились и играли на мягкомъ лугу, завтра лежитъ блѣдный, бездыханный; надъ нимъ плачутъ родные, друзья, и онъ не можетъ имъ улыбнуться; его кладутъ въ сырую могилку, и вашего друга какъ не бывало! Но не вѣрьте! Вашъ другъ не умеръ; раскрывается его могила— и онъ, невидимо для насъ, въ образѣ свѣтлаго Ангела возлетаетъ на небо.

Древніе замѣтили это сходство между превращеніемъ бабочки и безсмертіемъ человѣка и потому на своихъ картинахъ и статуяхъ изображали человѣка съ бабочкиными крыльями—для того, чтобы люди не забывали, что они, проживши свой вѣкъ, испытавъ горе и радость, снова, какъ бабочка, возвратятся въ новую жизнь, и что смерть есть только перемѣна одежды. Такъ, можетъ быть, встрѣтите вы изображеніе Платона, мудреца древности, съ бабочкиными крыльями: его изображали такъ потому, что онъ краснорѣчивѣе другихъ говорилъ о безсмертіи души и о жизни послѣ смерти.

ЖИТЕЛЬ АѲОНСКОЙ ГОРЫ.

итель Аѳонской горы.

На Аѳонской горѣ жилъ ученый, благочестивый мужъ. Съ молоду онъ научился разнымъ наукамъ, зналъ цѣлебную силу травъ и кореньевъ. Часто онъ ходилъ по хижинамъ бѣдныхъ людей, лѣчилъ больныхъ, утѣшалъ умирающихъ. И были ему отъ всѣхъ любовь и почетъ.

Однажды ту страну посѣтила страшная зараза— чума моровая. Люди заболѣвали, и многіе умирали; во всѣхъ хижинахъ были больные, и отовсюду посылали за добрымъ и ученымъ лѣкаремъ, чтобы пришелъ онъ утѣшить и помочь страждущимъ.

Безъ устали ходилъ по больнымъ добрый лѣкарь и раздавалъ лѣкарства. Иногда, когда могъ захватить болѣзнь во-время, онъ вылѣчивалъ; но чаще безпечные люди присылали за лѣкаремъ

тогда, когда ужъ больной былъ при послѣднемъ издыханіи, когда уже никакія лѣкарства помочь не могутъ, а неразумные люди упрекали и бранили добраго лѣкаря, какъ будто онъ былъ виноватъ въ ихъ безпечности.

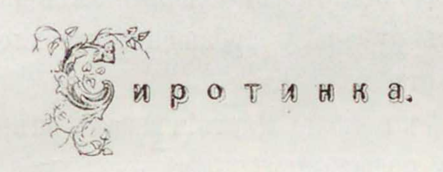
Эти упреки оскорбляли добраго лѣкаря; изнемогъ онъ и отъ усталости, и пришло ему на мысль: «Зачѣмъ тружусь я для людей, да еще для неблагодарныхъ? Зачѣмъ я жертвую собою для неразумныхъ, которые не считаютъ, кому я помогъ моимъ лѣкарствомъ, а только жалуются, что я не вылѣчиваю полумертвыхъ? Зачѣмъ я подвергаю себя опасности заразиться отъ больныхъ, мнѣ вовсе чужихъ? Останусь я спокойно на горѣ; чума сюда не заходитъ, а тамъ внизу пусть заболѣваютъ неразумные; мнѣ дѣла нѣтъ: ихъ вина!»

Съ этими мыслями онъ пошелъ на гору. Вдругъ видитъ онъ, не вдалекѣ, растетъ прекрасный цвѣтокъ: и такой онъ красивый, и такой отъ него запахъ. «Вотъ, подумалъ лѣкарь, и цвѣтокъ меня тому же научаетъ: растетъ онъ здѣсь на горѣ, красуется, и ни до кого ему нѣтъ дѣла; ему здѣсь хорошо, вѣтерокъ повѣваетъ, солнышко грѣетъ, роса обливаетъ, и растетъ онъ здѣсь никому другому, а только себѣ на радость. Такъ буду и

я жить, думать только о себѣ, а о другихъ не заботиться».

Между тѣмъ онъ наклонился надъ цвѣткомъ, чтобы лучше его разглядѣть. Смотритъ: внутри цвѣтка — мертвая пчела. Собирая медъ и цвѣточную пыль, она ослабѣла, прилипла къ цвѣтку и замерла. Лѣкарь посмотрѣлъ, подумалъ, и краска стыда выступила у него на лицѣ: «Боже! сказалъ онъ, прости моему унынію и неразумѣнію! По Твоей волѣ набрелъ я на этотъ цвѣтокъ, чтобы простое насѣкомое пристыдило меня. Для кого трудилась эта пчела, для кого собирала медъ? Не для себя, а для другихъ. Также какъ и мнѣ, ей никто не скажетъ спасибо; также какъ и меня, ее всякій гналъ, а между тѣмъ она все трудилась и на трудъ свою жизнь положила. Прости, Господи, моему унынію и неразумію. Умудри и меня, какъ Ты умудрилъ пчелу медоносицу!» И снова началъ лѣкарь собирать цѣлебныя травы, и снова до пота лица сталъ ходить по хижинамъ и помогать больнымъ, утѣшать умирающихъ.

СИРОТИНКА.

Сиротинка.

У обгорѣвшей избы сидѣла, подгорюнясь, восьмилѣтняя сироти́нка. Вчера Божій гнѣвъ посѣтилъ ея мачиху: ни съ того, ни съ сего показался огонь изъ подполицы, проползъ по бревнамъ, выглянулъ въ волоковое окошко, охватилъ соломенную крышку — да и выжегъ все безъ остатка; едва домашніе успѣли выскочить, да кое-что хлама повынести; собиралися и міряне съ сосѣднихъ домовъ, смотрѣли и дивовались, что горитъ изба словно свѣчка передъ иконою; а иные смекали, что еслибъ не затишь, то не сдобровать бы и цѣлой деревнѣ. Ночью навалился снѣгъ и прикрылъ пожарище; лишь торчали черныя головни

между сугробами, да задымленная печка. Утромъ взошло солнце; тихо смотрѣло оно сквозь алый туманъ и на пожарище, и на сиротинку; золотыя искорки мелькали въ воздухѣ; дымъ изъ трубъ низко тянулся между кровлями; тяжелые возы скрипѣли по застылому снѣгу; колокольчикъ то звонко раздавался, то замолкалъ въ далекой степи....

По дорогѣ бѣжалъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, спустивъ рукава у рубашонки и похлопывая кулаками отъ холода.

— Богъ помочь, Настя! сказалъ онъ, поровнявшись съ пожарищемъ.

— Спасибо, Никитка! отвѣчала Настя печально.

— А мачиха гдѣ?

— Пошла милостыньку сбирать.

— А ты же что?

— А мнѣ вотъ велѣла за хламомъ смотрѣть...

— А била мачиха больно?

— Нѣтъ, сегодня еще не била...

— А вчера била?

— Вчера била...

— А за что?

— Извѣстно, за дѣло: не будь голодна...

— Эвося! голодъ-та не свой братъ.... Вотъ батька твой не таковъ былъ; бывало и меня пряникомъ

По дорогѣ бѣжалъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, спустивъ рукава у рубашонки.

кормилъ.... Эка! посадила дѣвку.... Ты смотри, рукъ-та не отзноби....

— Нѣтъ! пока еще солнышко грѣетъ.... а вотъ какъ зайдетъ, такъ и не знаю что будетъ; вчера хоть у пожарища согрѣлись....

— А ты знаешь.... хоть къ намъ приходи отогрѣться.... право приходи.... матка слова не скажетъ.... Ге, ге! гнѣдко-то уплелся и не догнать его.... Такъ, слышь-ты, приходи отогрѣться: у насъ печка широкая....

Но Настя не пришла отогрѣваться; куда она дѣвалась, Богъ знаетъ. Говорили, что той порой у постоялаго двора остановилась колымага, что вышла изъ нея какая-то барыня, что увидѣла она Настю, что потомъ послали и за мачихой и за сотскимъ, что барыня съ ними долго толковала, а потомъ Настю усадили въ колымагу. А куда Настю увезли и зачѣмъ увезли, Никитка ни отъ кого не могъ добиться; лишь мачиха, всхлипывая, говорила, что у ней по Настѣ сердце болитъ, а міряне поднимали ее на-смѣхъ и толковали, что она отъ барыни денежки неплаканныя получила.

Съ тѣхъ поръ прошло года четыре и больше. Одряхлѣла, обезсилѣла Настина мачиха, съ горя ли, съ огневицы ли, что̀ къ ней припала; ужъ

ходить ей стало не въ мочь. Однако собралась съ силами, пошла съ поклономъ къ пономарю, и написалъ онъ ей грамотку къ Настѣ о томъ, что-де пора ей домой воротиться, ее старую прибереч, за нее по міру побродить, какъ умретъ—похоронить, да за упокой души поминать. Шли тогда парни въ Питеръ, взялись ту грамотку передать и мѣсяцевъ черезъ шесть въ самомъ дѣлѣ передали ее Настѣ.

Воротилась сиротинка въ деревню, но ужъ мачихи не застала: преставилась горемычная. Но Настя не захотѣла жить мірскимъ подаяніемъ; она пріютилась у дальней тетки—старушки доброй и и не одинокой. Начала Настя съ того, что то сыну рубашку сошьетъ, то дочери, а не то выстираетъ, да и маленькихъ дѣтей то обмоетъ, то вычешетъ, то теткѣ къ празднику ширинку вышьетъ. Въ деревнѣ долго смѣялись надъ сиротинкой, что она одѣта не по-нашенски, а ей, бѣдной, и перемѣниться было нечѣмъ; посмѣялись, посмѣялись, а потомъ попривыкли; а когда узнали про ея рукодѣльство, то къ ней же стали приходить: кому рубашку выкроить, кому повязку вынизать, кому платъ обрубить. Дошла вѣсть о томъ и въ сосѣднія деревни и въ боярскіе домы, такъ-что у Насти въ работѣ и тонина̀ завелась,

и вышивала она для барышень оборки гладью и рѣшеткою—всему свѣту на удивленье. Вотъ—сперва гроши, потомъ гривны, а ино-мѣсто и рубли начали перепадать къ сиротинкѣ, и стала она теткѣ не въ тягость, а въ подмогу.

Пришло лѣто. Въ ясную погоду Настя выходила съ работой на лугъ, что̀ у погоста, и садилась подъ дубомъ; тутъ ни съ того, ни съ сего начали къ ней собираться ребятишки, сперва на нее поглазѣть, а тамъ и на то, что̀ у нея за рукодѣлье? Настя никого прочь не отгоняла, а напротивъ еще съывала; и съ каждымъ днемъ все больше и больше вокругъ нея ребятишекъ набиралось. Иногда, по старой памяти, приходилъ сюда и Никитка; уперевъ руки въ боки и выпучивъ глаза, онъ смотрѣлъ съ удивленіемъ на Настино рукодѣлье, прислушивался, о чемъ она толковала, и старался понять, гдѣ она такъ навострилась.

Въ то время поступилъ въ село новый священникъ. Часто сиживалъ онъ у окна, съ книгой въ рукѣ, а иногда поглядывалъ и на лугъ, гдѣ собирались ребятишки вокругъ Насти. Дѣтскій говоръ такъ и разсыпался у открытаго окошка.

— Эхъ! Матрёша, говорила Настя одной дѣвочкѣ; рубашенка-та у тебя разодралась, что̀ бы тебѣ зачинить?

— И рада бы зачинить, отвѣчала Матрёша; да иголки нѣтъ.

— Вотъ тебѣ иголка! сказала дѣвочка постарше.

— А у тебя, Соня, откуда иголка взялась? спросила Настя.

— Я у невѣстки взяла.

— Что-жъ, она тебѣ сама дала?

— Нѣтъ, куда! Она бы не дала; я сама взяла.

— Не хорошо, Соня!

— Ничего, у ней вѣдь много иголокъ; да и сама она на жнитво ушла, до вечера домой не придетъ; ни за что не узнаетъ.

— Хорошо, отвѣчала Настя; невѣстка-то не узнаетъ, да другой кто-нибудь узнаетъ.... Ну кто мнѣ скажетъ: кто такой, кто все видитъ и знаетъ, чтò мы дѣлаемъ?

— Богъ все видитъ и знаетъ! отвѣчало нѣсколько тоненькихъ голосовъ.

— Такъ видишь ли, Соня, продолжала Настя; Богъ-то и видѣлъ, что ты украла чужое добро. Поди-же, поди поскорѣе, отнеси иголку туда, откуда взяла, а я пока съ Матрёшей своею подѣлюсь.

Соня покраснѣла, надулась, однако побѣжала въ избу, чрезъ минуту опять возвратилась и сердито присѣла къ кружку бокомъ.

Между тѣмъ Настя всѣмъ дала работу: кому нитки мотать, кому веревку плести, кому чулокъ вязать.

— А не разсказать ли вамъ сказочку? сказала Настя.

— Да, сказочку, сказочку! пролепетали дѣти.

— Ну-ка, посмотримъ, сказалъ Никитка, мастерица-ль ты сказки разсказывать, даромъ что ты на всѣ руки.

— А вотъ послушай, отвѣчала Настя, да только чуръ не перерывать! Видишь ты, въ одной деревнѣ, недалеко отсюда, жилъ-былъ мальчикъ, по имени Игнатій. Отецъ его, Прокофій, ходилъ въ городъ въ заработку, да и Игнашу почасту водилъ съ собою. Въ городѣ Игнаша приглянулся купцу. «Оставь у меня малаго-та» говорилъ онъ Прокофью; «я его буду одѣвать, обувать и кормить, да еще и выучу его, такъ что онъ, пожалуй, когда придетъ пора-время, и самъ купцомъ будетъ». Прокофій подумалъ-подумалъ про свою бѣдность да бездомство и согласился. Съ тѣхъ поръ жилъ Игнаша въ городѣ, въ большомъ домѣ, и каждый день былъ одѣтъ, обутъ и накормленъ. И что̀ ему купецъ ни поручалъ, Игнаша все честно исполнялъ: и всякіе товары, а ино-мѣсто и деньги носилъ, и никогда его купецъ ни въ чемъ дурномъ

не замѣчалъ. Разъ принесли купцу цѣлый мѣшокъ серебряныхъ гривенничковъ, да пятачковъ; съ роду Игнаша не видывалъ столько денегъ; и долго онъ любовался, смотря, какъ купецъ звенѣлъ по столу гривенничками и разставлялъ ихъ въ кучки, чтобы лучше счесть. Вотъ купецъ счелъ деньги, ссыпалъ ихъ снова въ мѣшокъ, мѣшокъ положилъ въ сундукъ, заперъ и вышелъ вонъ со двора. Игнаша глядь, анъ на столѣ остался одинъ пятачокъ, да такой хорошенькій, новенькой! Хотѣлъ-было Игнаша закричать купцу, что пятачокъ забылъ, да остановился; а остановившись, позадумался; а какъ позадумался, то на душѣ у него какъ-будто кто и заговорилъ: вѣдь у купца цѣлый мѣшокъ пятачковъ; что̀ ему въ одномъ? да и не замѣтитъ онъ, а тебѣ пригодится. Прислушался Игнаша къ лукавой своей рѣчи, да и положилъ пятачокъ въ карманъ. Купецъ и подлинно не замѣтилъ, а Игнаша купилъ пряникъ на пятачокъ; а какъ съѣлъ пряникъ, еще захотѣлось. Улучивъ время, онъ у купца ужъ не пятачокъ, а цѣлый рубль укралъ. И рубля стало не надолго. Съ тѣхъ поръ напала на Игнашу тоска по деньгамъ: только и думалъ о томъ, какъ бы деньги стянуть. Сперва онъ кралъ по рублямъ, потомъ укралъ десять рублей, а потомъ все больше и

больше; да однажды, говорятъ, столько денегъ у купца стянулъ, что и не счесть. Что-жъ вышло? Вотъ видѣли вы, griономедни, вели по деревнѣ колодниковъ въ цѣпяхъ, въ кандалахъ; и Игнаша съ ними былъ—тоже колодникъ! И говорилъ онъ мнѣ: «Ахъ, Настя, Настя! пятачокъ меня погубилъ! Съ пятачка я началъ, да вотъ до чего дошелъ!»

Дѣти слушали молча, разинувъ рты, какъ вдругъ Соня залилась слезами, бросилась на шею къ Настѣ и проговорила: «Я отнесла иголку.... я впередъ не буду брать иголокъ у невѣстки.»

— Хорошо сдѣлала, отвѣчала Настя, поцѣловавъ ее. Ну, полно, полно: что̀ было, то прошло; впередъ не дѣлай.

Никитка повѣсилъ голову и крѣпко призадумался; потомъ подошелъ къ Настѣ, отвелъ ее въ сторону и сказалъ запинаясь: «А за что же, Настя, ты меня-то обижаешь? Вѣдь я только подумалъ, а красть не кралъ; право слово, не кралъ.»

— А таки подумалъ? отвѣчала удивленная Настя, улыбаясь.

— И не разъ подумалъ, смотря какъ отецъ деньги считаетъ... Посмотрю я на тебя, Настя, никакъ ты колдунья?

— Колдунья не колдунья, а не съ-проста.

— Я и самъ смекнулъ, что не съ-проста: какъ ты заговорила, такъ инда дрожь проняла и слеза пробила... такъ что теперь и думать не хочу...

— Смотри-жъ и не думай, а то опять узнаю.

— Нѣтъ, право слово; вотъ тебѣ Господь Богъ, и думать брошу...

Между тѣмъ дѣти притихли. Настя обернулась къ нимъ, ударивъ въ ладоши, затянула пѣсню, и всѣ дѣти, ставъ одинъ за другимъ, принялись подтягивать ей всѣмъ хоромъ и, ударяя въ ладоши, мѣрнымъ шагомъ ходили вокругъ Насти, смѣясь и ободряя другъ друга, а за ними и Никитка туда же.

Священникъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту, необыкновенную въ нашихъ селахъ, картину. Наконецъ онъ подозвалъ Настю къ себѣ.

— Скажи мнѣ, что̀ ты дѣлаешь съ дѣтьми? спросилъ онъ.

— Да ничего, отвѣчала Настя. Учу ихъ рукодѣлью, пѣсни пѣть, молитвы читать.

— Доброе дѣло! возразилъ священникъ. И дѣти съ тобой не скучаютъ?

— Не знаю; можетъ-быть, имъ было бы веселѣе въ деревнѣ бѣгать, собакъ бить, да тамъ, на концѣ, подъ елкою, слушать, какъ мужики пѣсни орутъ и бранятся.

— Да отчего же они не убѣгутъ туда?

— Кажется, оттого, что *имъ—некогда*: здѣсь имъ вокругъ меня много работы: то одно, то другое. Когда замѣчу, что одно надоѣстъ, примусь ихъ потѣшать чѣмъ другимъ: они какъ-то и позабудутъ и о собакахъ, и объ елкѣ, а время, между тѣмъ, идетъ да идетъ....

Священникъ задумался.

— Да кто же тебя-то этому научилъ, спросилъ онъ наконецъ?

— Я и сама не знаю, батюшка, отвѣчала Настя, какъ я этому научилась. Жизнь моя ужъ такая была Божьимъ промышленьемъ. Видите, я изъ здѣшней же деревни; не было у меня ни отца, ни матери, а жила я при мачихѣ; отъ того и пошло мнѣ прозвище: *сиротúнка*. Разъ, ѣхала здѣсь одна барыня; мы въ ту пору погорѣли; лице ли ей мое приглянулось, такъ ли она надъ нами сжалилась, только дала она мачихѣ денегъ, а меня увезла въ Питеръ, къ себѣ въ домъ. На первыхъ порахъ приводили меня къ ней въ хоромы, показывали меня гостямъ и лакомили, да велѣла она приходить къ ней каждый день, чтобы ей обо мнѣ не забыть. Только потомъ барынѣ стало какъ-то некогда: приду къ ней, то она ѣдетъ, то уѣхала со дво-

ра, то одѣвается, то гостей принимаетъ. Тѣмъ временемъ жила я у ней во дворѣ между чужими: грустна и темна была моя жизнь. Бывало, не только меня никто не приголубитъ, а иногда цѣлый день и не накормятъ; и ужъ доставалось мнѣ, горемычной, отъ слугъ въ барскомъ домѣ: только и видѣла я, что толчки, только и слышала, что зовутъ меня дармоѣдкой; говорили, что барыня взяла меня, да сама не знаетъ зачѣмъ. Приходилось мнѣ не въ-терпежъ. Однажды, проголодавъ цѣлый день, поплелась я въ барскіе хоромы и просила усильно, чтобы меня къ барынѣ допустили. Какъ наконецъ доложили ей обо мнѣ, я сквозь двери услышала, что барыня прогнѣвалась и вскрикнула: «Ахъ, какъ она мнѣ надоѣла!... Не до нея мнѣ теперь.... Скажи, что послѣ...»—Я вся такъ и обомлѣла. Не понимала я тогда, что̀ со мной творится; знала только, что не куда мнѣ головы приклонить. Часто хотѣлось до деревни добраться, чтобы по крайней мѣрѣ съ своими быть, хоть опять къ мачихѣ; но какъ за это приняться—не знала. И была я все это время будто во снѣ, и какъ собаченка лишь искала гдѣ бы поѣсть, да какъ бы на печкѣ погрѣться, да отъ побоевъ укрыться. Однажды ключница взяла меня за руку и

говоритъ: «Ну, пойдемъ-ка, нашли тебѣ мѣсто; не вѣкъ тебѣ баклуши бить; вотъ я тебя въ школу отведу, въ ученье; тамъ тебя каждый день сѣчь будутъ; забудешь день-деньской ѣсть просить, да съѣстное красть».

Я испугалась, затряслась всѣмъ тѣломъ, а дѣлать было нечего; поплелась я за ключницей, думая, что тутъ и смерть моя будетъ. И теперь объ этой минутѣ безъ ужаса вспомнить не могу. Пришли мы въ какой-то домъ, былъ онъ не далеко; вхожу, вижу: пропасть дѣтей, моихъ же лѣтъ, сидятъ всѣ рядышкомъ на скамейкахъ; и жутко и страшно мнѣ стало. Но вотъ подошла ко мнѣ какая-то женщина; ключница поговорила съ ней о чемъ-то, чего я не поняла, поговорила и ушла. Оставшись одна, я еще больше испугалась; но незнакомая женщина, которая, какъ я узнала послѣ, называлась смотрительницею, приласкала меня, вычесала, вымыла, дала мнѣ сбитню и потомъ посадила на скамейку между другими дѣтьми. Дѣти пѣли пѣсни, играли, бѣгали, ходили мѣрнымъ шагомъ; но все это мнѣ казалось страшно; все я дичилась, все сидѣла поодаль, и только того и ждала, скоро ли меня сѣчь станутъ: одно это я и понимала; но однакожъ меня не высѣкли, а еще накорми-

ли. Къ вечеру смотрительница опять меня приласкала, отпустила домой и велѣла на другой день приходить пораньше. До дома, какъ я вамъ сказывала, было недалеко: всего двора черезъ два. Хоть меня въ школѣ и не сѣкли, но я очень обрадовалась, что отпустили домой; прибѣжала я опрометью, нашла свой уголокъ, свернулась въ клубокъ, крѣпко заснула и проспала бы до обѣдни, еслибы повариха не выдернула изъ подъ меня войлока и не толкнула ногою. «Убирайся ты отсюда въ школу, сказала она, и безъ тебя тутъ тѣсно». Не знаю, зачѣмъ поварихѣ хотѣлось меня выгнать; а сдается мнѣ, что у ней въ это время было на умѣ что-то недоброе и что я ей въ чемъ-то мѣшала.

Съ-испуга и не зная куда дѣваться, я побѣжала въ школу; помнила я, однакожъ, что тамъ вчера меня напоили сбитнемъ и накормили. Говорю вамъ, батюшка, что была я точно собаченка: только одну ѣду́, да побои понимала. Въ школѣ меня опять приласкали, вычесали, вымыли, накормили; мало-по-малу я стала привыкать и, смотря на другихъ дѣтей, дѣлать то же, что̀ они. Смотрительница показывала намъ картинки, разсказывала сказки, учила пѣть, показывала намъ деревянныя дощечки и заставляла угады-

вать, какая на какой дощечкѣ буква. Сама не знаю, какъ, промежъ игры, пѣнія, ходьбы я выучилась и грамотѣ, и выучилась кое-какъ писать; иногда приходилъ къ намъ и священникъ и поучалъ насъ отъ Святаго Писанія. Въ это время я будто начала просыпаться; стала понимать, что̀ значитъ хорошо или худо дѣлать, а всего больше научилась молиться. Скоро мнѣ сдѣлалось въ школѣ такъ утѣшно и весело, что я и не замѣчала, какъ время проходило. Когда приближался вечеръ, я ужъ не́хотя возвращалась домой, гдѣ опять видѣла только толчки, да слышала злыя рѣчи, но уже меньше прежняго, потому что я старалась уходить изъ дома какъ можно раньше и приходить какъ можно позже, такъ что днемъ меня никто не видалъ, а ночью всѣ спали.

Такъ прошло два года; я не только привыкла къ Пріюту (такъ называлась эта школа), но еще скоро сдѣлалась тамъ изъ первыхъ. Часто пріѣзжалъ къ намъ докторъ; дамы, лаская меня, хвалили, повязали мнѣ на голову красный шнурокъ, часто ставили меня на подмостки и заставляли учить новоприходящихъ.

Наконецъ исполнилось мнѣ десять лѣтъ, и разъ смотрительница сказала мнѣ, что ей очень меня жаль, но что мнѣ нельзя больше оставаться въ

пріютѣ, что я уже изъ лѣтъ вышла; что однако же за то, что я хорошо себя вела и хорошо училась, меня возьмутъ въ другую школу, гдѣ я выучусь тонкому рукодѣлью. Я узнала, что пріютъ тотъ содержатъ прямо добрые люди, не изъ корысти, не изъ чванства, а такъ—за любовь.

Такъ и случилось. Перешла я на житье въ Частную школу (такъ называются такія школы въ Петербургѣ) и сказали мнѣ, что тою школою управляетъ Царевна. Это снова меня испугало; но дѣвушки часто межъ собою говорили, что Царевна—предобрая, и это меня успокоило.

Я ужъ была не такъ глупа, какъ прежде, не дичилась, а старалась прилежно учиться, работать и часто молилась Богу, чтобы Онъ помогалъ мнѣ. Богъ услышалъ мою молитву, и скоро моя работа стала изъ лучшихъ. Выучилась я также чисто писать, читала я громко и явственно, и всегда была исправна.

Часто въ школу пріѣзжала къ намъ и Царевна; она часто заставляла то одну, то другую изъ дѣвушекъ читать или писать, и пересматривала ихъ работы, хвалила и хулила. Но меня Царевна какъ-то не замѣчала; и боялась я, и хотѣлось мнѣ, чтобы она меня вызвала. Вотъ однажды очередь дошла и до меня; такъ у меня колѣн-

ки и подогнулись; но я скрѣпилась, сотворила въ сердцѣ молитву и вышла. Царевна милостиво спрашивала меня о разныхъ вещахъ по нашему ученью. Кажется, мои отвѣты ей понравились; она заставила меня читать, писать, считать, спросила мою работу, и всѣмъ такъ была довольна, что взглянула на меня, ангельски улыбнулась и сказала: «Хорошо, что ты прилежна—и тебѣ хорошо, *и другимъ пригодится*». Я и плакала, и смѣялась; то страшно, то какъ будто стыдно мнѣ было, что дождалась я такого почета; и хотѣлось мнѣ, по-деревенски, прикрыться рукою, но рука не поднималась; то становилось мнѣ отрадно и тепло на душѣ, и вспоминала я про старое время, какъ будто я снова на колѣняхъ у родимой матери, словно она поетъ надо мною тихую пѣсню и приголубливаетъ. Памятна была мнѣ эта минута, никогда ея не забуду. Какъ теперь гляжу въ свѣтлыя, веселыя очи прекрасной Царевны, какъ теперь слышу ея звонкія, серебристыя рѣчи....

Сначала я не совсѣмъ понимала ихъ, хотя онѣ часто приходили мнѣ въ голову, и лишь теперь я ихъ вполнѣ выразумѣла....

Между тѣмъ мачиха, предъ концомъ, захотѣла со мною свидѣться; я вышла изъ школы, откуда мнѣ выдали денегъ въ награжденіе, и возвратилась сюда.

Признаюсь вамъ, батюшка, что деревня показалась мнѣ совсѣмъ иною, чѣмъ прежде. Не то, чтобы я возгордилась, но не могла я не спросить себя: отчего я умѣю и читать, и писать, и знаю всякое рукодѣлье, и опрятно я одѣта, и могу себѣ хлѣба кусокъ добыть, а другія, такія же какъ я, изъ той же деревни, живутъ себѣ такъ, а маленькія дѣти даже не знаютъ, какой рукой перекреститься, правой или лѣвой. И пришло мнѣ на память прежнее мое житье въ той же деревнѣ, и какъ я также не знала, какой рукой перекреститься, и отчего я стала совсѣмъ иная.

И тогда вспомнила я слова доброй, прекрасной Царевны, и стали они мнѣ понятны. Показалось мнѣ, что снова смотрятъ на меня ея свѣтлыя, веселыя очи и будто велятъ они мнѣ приберечь ея добро, чтобы оно не пропало.

Тогда стала я собирать вокругъ себя ребятишекъ, и стала ихъ забавлять и учить, какъ меня забавляли и учили. Богъ благословилъ мои силы: ребятишки ко мнѣ привыкли, а я отвожу ихъ отъ худаго, и часто, какъ задумаюсь въ моемъ кружкѣ, чудятся мнѣ веселыя очи Царевны и какъ будто поощряютъ меня.

— Хорошее дѣло ты затѣяла, отвѣчалъ отецъ

Андрей. Но, добро, теперь лѣто, на полѣ просторъ; ну, а зимой-то какъ тебѣ быть?

— Да ужъ и сама не знаю, отвѣчала Настя. У тетки въ домѣ тѣсно, семья большая.

— Такъ и быть ужъ; я тебѣ помогу, отвѣчалъ отецъ Андрей. Есть у меня свѣтелка особая: какъ холода настанутъ, а ино мѣсто и въ дождикъ, собирай свою мелюзгу къ намъ въ свѣтелку. Въ иномъ-чемъ тебѣ жена подсобитъ, да и я когда поучу; а теперь вотъ пока тебѣ книжка, да еще съ картинками. Поди толкуй ее съ своими ребятишками, а я послушаю, чтобъ ты подчасъ сама не завиралась.

— Спасибо батюшка, отвѣчала Настя; я такой радости не чаяла; и ты самъ меня будешь учить?

— И я самъ буду тебя учить.

— И матушка будетъ мнѣ подсоблять?

— И матушка будетъ тебѣ подсоблять.

— И свѣтелку дашь?

— И свѣтелку дамъ.

Настя захлопала въ ладоши; всѣ ребятишки собрались вокругъ нея; они громкимъ хоромъ запѣли какую-то дѣтскую пѣсню, которую Настя затягивала лишь въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

Такъ и пошло дѣло на ладъ. Ребятишки по-

прежнему собирались вокругъ Насти. Когда она отлучалась, жена священника занимала ея мѣсто, а иногда и отецъ Андрей, когда былъ свободенъ отъ духовныхъ требъ, приходилъ, садился на скамейку подъ дубомъ и училъ и учениковъ и учительницу.

Когда крестьяне узнали объ этомъ, то уже стали сами посылать дѣтей къ Настѣ, а иные и сами приводили, да, приводя, останавливались и прислушивались, и даже потихоньку плакали отъ умиленія. Ино мѣсто и мужикъ забывалъ объ елкѣ въ праздникъ, засматриваясь на потѣху дѣтей; и часто мать стыдила взрослаго сына, показывая ему на маленькихъ. Скоро Настя, при пособіи матушки, достигла до того, что не только лохмотья на ребятишкахъ были зашиты, но и сами уже матери, посмотрѣвъ разъ-два на дѣтей чистыхъ, опрятныхъ, уже стыдились водить ихъ замарашками, да и сами, глядя на дѣтей, сдѣлались попорядочнѣе.

Зимою, въ свѣтелкѣ отца Андрея мало-по-малу завелись и доски съ пескомъ, на которыхъ дѣти чертили буквы, а потомъ, гляди, и скамейки. Почетный смотритель училищъ, проѣзжая разъ по деревнѣ и заглянувъ въ свѣтелку отца Андрея, подарилъ большую черную доску съ меломъ, съ

дюжину грифельныхъ досокъ, да столько же разныхъ дѣтскихъ книжекъ: вотъ какая завелась роскошь! По воскресеньямъ, дѣти па̀рами ходили въ церковь, не кричали и не зѣвали по сторонамъ, какъ бывало, а тихо становились на клиросъ и подтягивали дьячку, а міряне, тронутые чистыми дѣтскими голосами, молились усерднѣе прежняго.

Настя радовалась и благодарила Бога за то, что Онъ благословилъ ея дѣло, и вспоминала слова Царевны.

Между тѣмъ часто Никита заглядывался на Настю, и даже старики толковали, что не худо бы ему было такую добрую хозяйку себѣ нажить, но еще откладывали до поры, до времени. И до Насти доходили о томъ слухи, только что-то они ея не радовали: ни съ того, ни съ сего тоска напала на сиротинку; все ей что-то становилось грустно, и когда отецъ Андрей спрашивалъ, что̀ съ ней такое, Настя отвѣчала: «И сама не знаю, откуда эта грусть, и зачѣмъ она, а только грустно мнѣ, очень грустно; какъ-будто чуетъ сердце что-то недоброе; ничто меня не веселитъ. Попрежнему, во снѣ и на яву чудятся мнѣ очи моей прекрасной Царевны, но мнѣ все кажется, что ея свѣтлыя очи тускнѣютъ. Я смотрю на нихъ и, мнѣ становится жалко, такъ жалко, что проснусь, и слезы

льются у меня изъ глазъ, и на весь день остается на сердцѣ такая грусть, что и сказать нельзя».

Отецъ Андрей утѣшалъ Настю, сколько могъ, но понапрасну; она попрежнему исправляла свое дѣло, собирала дѣтей, толковала съ ними, пѣла съ ними вмѣстѣ и вдругъ останавливалась; и слезы лились изъ ея глазъ сами-собою, и она невольно начинала потихоньку молиться.

Между тѣмъ дни шли за днями, а Настя съ каждымъ днемъ все больше грустила и тосковала, съ каждымъ днемъ все больше худѣла и разнемогалась. «Тускнутъ, тускнутъ веселыя очи «моей прекрасной Царевны, говорила она; чуетъ «мое сердце недоброе; молитесь, молитесь дѣти «за мою Царевну».

Дѣти не понимали ея, но становились на колѣни и тихо молились о доброй Царевнѣ.

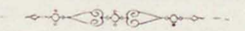
— Нѣтъ силы больше, сказала она однажды отцу Андрею. Во что̀ бы ни стало, а пойду въ Питеръ, навѣдаюсь, что̀ сталось съ моею Царевною...

Но уже было поздно; силы оставили бѣдную сиротинку: кашель разрывалъ ея грудь, тѣло ея высохло и сдѣлалось почти прозрачнымъ, виски и щеки ввалились, и пальцы ея дрожали. Уже Настя не могла сходить съ мѣста, едва могла говорить и только творила внутреннюю молитву.

Однажды, когда домашніе, собравшись вокругъ Насти, старались, какъ могли, облегчить ея страданія, и бѣдный Никитка, самъ не свой, стоялъ у изголовья умирающей, вдругъ Настя вскрикнула: «Ничего мнѣ теперь не надобно, потухли очи моей Царевны; нѣтъ ея больше на свѣтѣ, нѣтъ моей родимой.... позовите отца Андрея».... То были послѣднія слова сиротинки... Священникъ пришелъ, благословилъ, наставилъ ее на путь въ ту обитель, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но — жизнь безконечная....

И не стало на землѣ сиротинки....

Въ то время, въ царскихъ чертогахъ—плакали надъ другою потерею...

Однажды, когда домашніе, собравшись вокругъ Насти, старались, какъ могли, облегчить ея страданія, а бѣдный Иванычъ, [illegible] стоялъ у изголовья умирающей, вдругъ Настя вскрикнула: «Ничего мнѣ теперь не надобно, погуляла-ль моя Царевна? пусть ей дальше на свѣтѣ живется, моей родимой...» [illegible] отца Андрея... Это были послѣдніе слова страдалицы. Священникъ пришелъ, благословилъ, [illegible] у [illegible], [illegible] ни [illegible], ни [illegible], но — видно безсознательно. [illegible]

И не стало на землѣ страдалицы... [illegible]

Въ то время, [illegible] царевна [illegible] за нее другою молитвой... [illegible]

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

ТРАГЕДІЯ ДЛЯ ТЕАТРА МАРІОНЕТОКЪ.

Царь жила была Дѣвица,
Шепчетъ русска старина:
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна.

Державинъ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царь-Дѣвица. — Когда она входитъ на сцену, играютъ звончатыя гусли.

Первый министръ.—Въ большой красной мантіи, въ парикѣ.

Ильинишна — Нянюшка Царь-Дѣвицы. Въ кокошникѣ и богатомъ сарафанѣ.

Китайскій богдыханъ. — Въ золотомъ китайскомъ платьѣ; на головѣ у него шапочка съ колокольчиками; въ рукѣ опахало.

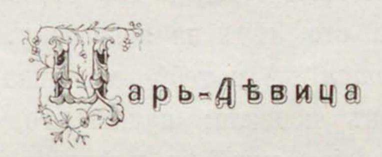
Одиссей — Царь Итаки. Въ древнемъ греческомъ костюмѣ; на шлемѣ корона; черезъ плечо перекинута красная мантія; на ногахъ сандаліи, переплетенныя до колѣнъ.

Странствующій рыцарь Бириби.—Въ платьѣ Крестоваго рыцаря; на головѣ шлемъ съ забраломъ и перьями; весь въ латахъ, сверхъ которыхъ бѣлый туникъ съ крестомъ; въ рукахъ у него предлинный мечъ.

Гаврилычъ—отставной солдатъ.—Въ военномъ сюртукѣ, съ фуражкой въ рукахъ.

Министры и придворные Царь-Дѣвицы, въ старинныхъ русскихъ кафтанахъ и разные подданные въ кафтанахъ попроще.

Китайцы, Греки и Рыцари.

Царь-Дѣвица

ТРАГЕДІЯ ДЛЯ ТЕАТРА МАРІОНЕТОКЪ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Театръ представляетъ богатыя палаты Царь-Дѣвицы; изъ окошекъ видно море; кругомъ стоятъ придворные; на аванъ-сценѣ Ильинишна съ большимъ подносомъ, на которомъ лежитъ пирогъ).

Ильинишна

Ну, стоять же смирно—не шевелиться! Царь-Дѣвица еще не вышла изъ опочивальни. Да смотрите же, какъ только она войдетъ, то кланяйтесь ниже, какъ можно ниже. Вѣдь сегодня день ея рожденія, моей матушки. Я за то ей сама пирожокъ испекла; слышите ли, сама, сама,

своими бѣлыми ручками.... Ужо увидите, какъ будетъ кушать, да похваливать.

(Гусли играютъ, дверь отворяется, входитъ Царь-Дѣвица. Придворные кланяются).

Ильинишна.

Дай тебѣ Богъ здравствовать, матушка Царь-Дѣвица, несчетные годы, да еще столько, да полстолько, да сто лѣтъ на покрышку. (*Придворные кланяются*). А я тебѣ, матушка, на радости пирожокъ испекла; кушай его, матушка, тѣлу во здравіе, душѣ въ утѣшеніе. (*Придворные кланяются*).

Царь-Дѣвица.

Спасибо, Ильинишна; благодарю васъ, друзья мои, за усердіе; я увѣрена, что оно искренно. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). Но пора однакожъ приняться за дѣло; ни одного дня терять не надобно, а особенно день рожденья. (*Садится на приготовленное подъ балдахиномъ кресло*). Ильинишна, поди-ка по городу, поищи кто всѣхъ бѣднѣе—тому и отдай пирожокъ свой.

Ильинишна.

Какъ это, матушка? Да я вѣдь для тебя, Царь-Дѣвица, а не для кого другаго пирожокъ-то пекла.

Дай тебѣ Богъ здравствовать, матушка Царь-Дѣвица, несчетные годы.

Онъ на серебрѣ испеченъ, золотомъ посыпанъ. Статно ли дѣло этакую вещь ни вѣсь кому отдать!

Царь-Дѣвица.

Если онъ для меня, такъ онъ мой; а если онъ мой, то и могу я изъ него дѣлать что̀ мнѣ хочется. Ступай же, Ильинишна....

Ильинишна (въ сторону.)

Ужъ что не вздумаетъ матушка! Мнѣ, да въ такомъ нарядѣ, да по нищимъ ходить!

(Уходитъ, бормоча про себя).

Царь-Дѣвица.

Гдѣ мой фельдмаршалъ?

Гаврилычъ (выходитъ изъ толпы).

Зравія желаемъ вашему благородію.

Царь-Дѣвица.

Сегодня вамъ, господинъ фельдмаршалъ, никакого особаго приказа не будетъ. Сегодня—день моего рожденія: я хочу, чтобы всѣ веселились; всѣхъ солдатъ распустите по домамъ.

Гаврилычъ.

Слушаю, ваше благородіе.

(Повертывается налѣво кругомъ и уходитъ).

Царь-Дѣвица.

Гдѣ мой первый министръ?

Первый министръ

Что угодно будетъ приказать; Царь-Дѣвица?

Царь-Дѣвица.

Всѣ ли спокойны, всѣ ли счастливы въ моемъ царствѣ?

Первый министръ.

Всѣ спокойны, всѣ счастливы въ твоемъ царствѣ, премудрая Царь-Дѣвица.

Царь-Дѣвица.

Не правда, мой любезный министръ. Быть не можетъ, чтобы всѣ были довольны въ обширномъ царствѣ; вѣрно кто-нибудь жалуется, кто-нибудь ищетъ суда праваго.

Первый министръ.

Виноватъ, премудрая Царь-Дѣвица; поступило ко мнѣ дѣло; но оно такъ трудно для рѣшенія, что я побоялся тебѣ сегодня его представить.

Царь-Дѣвица.

Напрасно, мой любезный министръ. Судъ и дѣло никогда не должно откладывать. Разскажи мнѣ, что̀ такое.

Первый министръ.

Въ царствѣ твоемъ жилъ былъ купецъ Золотой Кошель; лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ построилъ здѣсь палаты, серебромъ кованныя, съ изумрудными окошками, и поѣхалъ за море торговать; но корабль его потонулъ, никто не спасся, остался лишь сынъ его, который проситъ отдать ему серебряныя палаты. Какъ прикажешь, Царь-Дѣвица?

Царь-Дѣвица.

Тутъ я еще ничего труднаго не вижу. Разумѣется, отцовскія палаты должно отдать сыну.

Первый министръ.

Но не позволишь ли, Царь-Дѣвица, прежде представить тебѣ этого сына Золотаго Кошеля?

Царь-Дѣвица.

Позволяю.

Бирючъ (кричитъ.)

Сынъ Золотаго Кошеля! Ступай на судъ къ Царь-Дѣвицѣ.

(Между тѣмъ возвращается Ильинишна и становится между придворными.)

1-й проситель.

Учини судъ и правду, премудрая Царь-Дѣвица! Я единственный сынъ Золотаго Кошеля; нашъ

корабль потонулъ; я одинъ спасся; прикажи мнѣ отдать серебряныя палаты моего батюшки.

2й проситель.

Учини судъ и правду, премудрая Царь-Дѣвица! Я единственный сынъ Золотаго Кошеля; нашъ корабль потонулъ; я одинъ спасся; прикажи мнѣ отдать серебряныя палаты моего батюшки.

3-й проситель.

Учини судъ и правду, премудрая Царь-Дѣвица! Я единственный сынъ Золотаго Кошеля; нашъ корабль потонулъ; я одинъ спасся; прикажи мнѣ отдать серебряныя палаты моего батюшки.

Царь-Дѣвица.

А! такъ васъ трое, и каждый изъ васъ говоритъ, что онъ единственный сынъ Золотаго Кошеля. Да, правду ты говоришь, мой первый министръ; трудно рѣшить это дѣло. *(Обращаясь къ придворнымъ)*. Ну что? какъ вы думаете?

(Придворные молчатъ).

Царь-Дѣвица.

У Золотаго Кошеля былъ одинъ сынъ, а теперь трое называютъ себя его сыновьями. Понимаете ли?

Придворные (всѣ вмѣстѣ, громко).

Понимаемъ, матушка Царь-Дѣвица.

Царь-Дѣвица.

Кому же отдать серебряныя палаты?

Придворные (еще громче).

Не знаемъ, матушка Царь-Дѣвица.

(Царь-Дѣвица задумывает я).

Ильинишна.

И, матушка Царь-Дѣвица. Чего тутъ долго думать! Послушай меня, старуху: я не даромъ шестой десятокъ на свѣтѣ живу; я вѣдь тебя маленькую на рукахъ няньчивала. Вишь, они воры какіе, обманщики! Что ихъ воровъ жалѣть! Прикажи-ка серебряныя палаты на себя взять, а ихъ воровъ отсюда палками прогнать, чтобы и впередъ имъ повадки не было.

Царь-Дѣвица.

Нѣтъ, Ильинишна не чисто судишь. Двое изъ нихъ обманьщики, конечно; ну, а третій-то? Какъ мнѣ у сына отнять отцовское наслѣдство? Знаешь пословицу: кто чужое беретъ, того Богъ убьетъ. Нѣтъ, я другое придумала. Принесите-ка сюда портретъ Кошеля.

(Нѣкоторые изъ придворныхъ уходятъ).

(*Просителямъ*). А вы пойдите, возьмите свои луки да стрѣлы.

Ильинишна.

Что ты это, матушка Царь-Дѣвица, дѣлать хочешь?

Царь-Дѣвица.

А вотъ увидишь, Ильинишна.

(Придворные приносятъ портретъ Золотаго Кошеля во весь ростъ, а просители являются съ луками и стрѣлами).

Царь-Дѣвица.

Ну, слушайте-жъ, просители; дѣло ваше рѣшить трудно, и я сама не могу разсудить васъ. Посмотримъ, не поможетъ ли намъ счастіе! Вотъ портретъ Золотаго Кошеля, стрѣляйте въ него; кто прямо ему въ грудь попадетъ, тому я и велю серебряныя палаты отдать.

Ильинишна.

И, матушка Царь-Дѣвица, что̀ ты выдумала: какая же тутъ будетъ правда! Который изъ нихъ лучше стрѣляетъ, тотъ, разумѣется, и скорѣй попадетъ. Ужъ вели имъ лучше палаты между собою поровну раздѣлить.

Царь-Дѣвица.

Молчи, Ильинишна. (*Къ просителямъ*). Стрѣляйте-жъ!

1-й проситель стрѣляетъ и попадаетъ въ пустое мѣсто на картинѣ.

Первый министръ.

Мимо!

(2-й проситель стрѣляетъ и попадаетъ въ костыль Золотаго Кошеля).

Первый министръ.

Мимо!

3-й проситель (бросаетъ свой лукъ и стрѣлы на землю).

Нѣтъ, матушка Царь-Дѣвица, ужъ вели имъ лучше такъ отдать серебряныя палаты; у меня на батюшку руки не могутъ подняться.

Царь-Дѣвица (встаетъ съ своего кресла).

Того-то мнѣ и надобно было! Вотъ онъ, вотъ настоящій сынъ Золотаго Кошеля, велите ему отдать серебряныя палаты!

Всѣ придворные.

О, премудрая Царь-Дѣвица!

(За кулисами слышанъ барабанный бой).

Бирючъ (входитъ поспѣшно.)

Матушка, Царь-Дѣвица! Китайскій богдыханъ къ городу подходитъ.

Царь-Дѣвица (подумавъ не много).

Мы съ нимъ въ мирѣ: отворите двери! Однакожъ, гдѣ мой фельдмаршалъ?

Гаврилычъ.

Что приказу будетъ, ваше благородіе?

Царь-Дѣвица.

Солдаты распущены по домамъ?

Гаврилычъ

Какъ приказали ваше благородіе, такъ и исполнено.

Царь-Дѣвица.

Хорошо, поди-ка, бей сборъ; да приди мнѣ сказать, скоро ли они соберутся. Мало ли что можетъ случиться. Береженаго и Богъ бережетъ.

Гаврилычъ.

Слушаю, ваше благородіе.

(Поворачивается налѣво кругомъ и уходитъ скорымъ маршемъ. Дверь отворяется, трубы играютъ, барабаны гремятъ. Китайскаго богдыхана вносятъ Китайцы, на золотыхъ носилкахъ).

Китайскій богдыханъ.

(Не выходя изъ насилокъ, густымъ басомъ).

По добру ли, по здорову поживаешь, Царь-Дѣвица? Я приношу тебѣ поклонъ, да ласковое слово, да сердитое слово.

Царь-Дѣвица.

Я живу-поживаю, какъ Богъ милуетъ. Для поклона могъ бы ты и подняться изъ носилокъ За ласковое слово благодарю, а сердитаго не боюсь. Да за что же ты, господинъ богдыханъ, такъ прогнѣвался?

Китайскій богдыханъ.

Еще бы и не гнѣваться, гордая, прегордая Царевна! Мы въ Китаѣ живемъ, только и дѣло что чай пьемъ, а теперь у насъ чаю не достаетъ,—твой народъ все себѣ беретъ,—весь чай у насъ выпилъ. Закажи твоему народу китайскій чай пить, а не то худо тебѣ будетъ жить. Я твой городъ сожгу, всѣхъ людей изловлю, а ты будешь въ чести, будешь у меня полъ мести.

Царь-Дѣвица.

Я твоей грозы не пугаюсь и что сдѣлано, въ томъ не каюсь. Ужъ что̀ мой народъ себѣ возьметъ, того никому не отдаетъ, и у него что взято, то свято. Не запрещу я моему народу китайскій чай кушать, а тебя не хочу я и слушать.

Богдыханъ.

Такъ-то, Царь-Дѣвица! Хорошо, увидимъ.

Царь-Дѣвица.

Не увидимъ, такъ услышимъ.

Богдыханъ.

Маршъ!

(Носилки поворачиваются, и Богдыхана уносятъ).

Ильинишна.

Ахъ, матушка Царь-Дѣвица, что ты надѣлала! Ну, что было съ нимъ спорить....

Царь-Дѣвица.

Такъ отдать ему мой народъ въ обиду? Никогда этого не будетъ. (*Обращаясь къ окружающимъ*). Не такъ ли?

Всѣ.

Да здравствуетъ Царь-Дѣвица!

Царь-Дѣвица.

Однако, что̀ дѣлаетъ мой фельдмаршалъ?

Гаврилычъ (являестя на сцену).

По приказу вашего благородія все исполнено; но солдатъ до вечера всѣхъ не собрать: почти всѣ за море на Веселый островъ уѣхали; да и вѣтеръ на бѣду съ моря.

Царь-Дѣвица.

Нечего времени терять: отправить пароходъ за солдатами!

(Слышанъ барабанный бой).

Бирючъ.

Премудрая Царь-Дѣвица! Одиссей, греческій царь, подъ городъ подошелъ и слова проситъ.

Царь-Дѣвица.

Ну, что-жъ, по крайней мѣрѣ умный человѣкъ, хоть и любитъ на хитрости подыматься. Отворите ворота!

(Дверь отворяется; трубы играютъ; входитъ Одиссей, царь Итаки, въ сопровожденіи оруженосцевъ).

Одиссей.

Славной Царицѣ, премудрой Царь-Дѣвицѣ, отъ Одиссея низкій поклонъ.

Царь-Дѣвица.

Здравствуй, мудрый царь! Что скажешь?

Одиссей.

Смотрю я на тебя, Царь-Дѣвица. Много я ѣздилъ по бѣлому свѣту; былъ и за моремъ, былъ и подъ Троею, а все о тебѣ думалъ. Дѣло твое дѣвичье; не кому за тебя вступиться, не кому тебѣ совѣтомъ помочь. Что бы тебѣ замужъ за меня выйти?... То-то бы житье тебѣ было! Я бы самъ твоимъ царствомъ управлялъ, доходы бы собиралъ, свои бы законы заводилъ, а ты бы лежала на подушкахъ, да нѣжилась...

Царь-Дѣвица (въ сторону).

Вотъ къ чему подъѣзжаетъ хитрый старикъ! (*Къ Одиссею*). Много чести мнѣ дѣлаешь, мудрый царь Одиссей; но самъ ты, умный человѣкъ, разсуди, какъ мнѣ за тебя замужъ выйти? Вѣдь у тебя есть жена.

Одиссей.

Кто, Пенелопа? Да я ужъ ея лѣтъ двадцать не видалъ, а уѣхавъ изъ Итаки, далъ ей позво-

леніе замужъ выйти, если чрезъ двадцать лѣтъ не возвращусь; и потому я думаю, что она или давно умерла, или за другаго замужъ вышла.

Царь-Дѣвица.

Нѣтъ, мудрый царь! Пенелопа живетъ и холстину ткетъ. Много жениховъ у ней; но она всѣмъ отвѣчаетъ, что ни за кого замужъ не выйдетъ, пока свою холстину не кончитъ; а ты знаешь, что̀ она днемъ наткетъ, то ночью распуститъ, и все тебя поджидаетъ.

Одиссей (въ сторону)

Все знаетъ эта дѣвчонка! (*Къ Царь-Дѣвицѣ*). Ну, пожалуй, — и такъ. Я добрый человѣкъ: хоть и не выйдешь за меня замужъ, я все готовъ управлять. Согласна ли?

Царь-Дѣвица

Въ самомъ дѣлѣ, ты добрый человѣкъ, Одиссей, да только.... (Вбѣгаетъ воинъ).

Воинъ.

Царь-Дѣвица, китайскій богдыханъ въ стѣны тараномъ бьетъ.

Царь Дѣвица (тихо воину).

Молчи! (*Громко*). Ну такъ что-жъ, развѣ наши стѣны не крѣпки?

Воинъ.

Стѣны-то крѣпки, да на стѣнахъ-то почти нѣтъ никого.

Царь-Дѣвица. (Въ сторону.)

Глупецъ! (*Громко.*) Ты, вѣрно, ослѣпъ отъ страха... Поди и не говори мнѣ такого вздора.

Одиссей. (Въ сторону.)

Ге, ге! Ей, я вижу, плохо приходитъ... (*Громко.*) Не хочешь ли, мудрая Царь-Дѣвица, я тебѣ загадаю загадку?

Царь-Дѣвица. (Спокойно.)

Пожалуй, я очень люблю загадки.

Одиссей.

Но только съ условіемъ: отгадаешь—я пойду и сейчасъ Китайцевъ прогоню, а не отгадаешь—ты мнѣ свое царство отдашь.

Царь-Дѣвица.

Загадывай.

Одиссей. (Важнымъ голосомъ.)

Слушай же внимательно! Это загадка чудная и претрудная. Слушай: какое животное поутру ходитъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, а вечеромъ на трехъ? А?... Каково!

Царь-Дѣвица.

Ахъ, царь Одиссей! Какая старина! Да еще и не твоя. Эту загадку о человѣкѣ у насъ мальчики въ школахъ знаютъ. Не знаешь ли чего поновѣе?

Одиссей. (Обидѣвшись.)

Да какъ бы то ни было, Царь-Дѣвица, хочешь уступить мнѣ хоть полцарства? Не то сейчасъ пойду и соединюсь съ богдыханомъ.

Царь-Дѣвица. (Рѣшительно).

Нѣтъ! Ты хочешь воспользоваться моимъ положеніемъ, но ничего не возьмешь у меня ни силою, ни хитростію. Я бы могла задержать тебя, но не хочу. Двери тебѣ отворены, ступай, соедини свою греческую хитрость съ китайскою глупостію.

(Одиссей разсерженный уходитъ).

Царь-Дѣвица.

Теперь мѣшкать нечего! Вооружайтесь! Пошлите гонцовъ къ фельдмаршалу, чтобы онъ перевелъ всю артиллерію на стѣны. Я сама поведу васъ! (*Хочетъ идти и встрѣчается въ дверяхъ съ рыцаремъ Бириби.*)

Рыцарь Бириби. (Становится на одно колѣно.)

Царевна, я весь вашъ: мой щитъ, мой мечь— все къ вашимъ услугамъ. Гдѣ ваши враги? Я всѣхъ переколю, перерублю и выброшу за окошко. Меня знаютъ во всей Европѣ, во всей Азіи

и во всей Африкѣ. Я съ одного удару разношу человѣка пополамъ. Я однажды такъ ударилъ копьемъ Сарацина, что онъ взлетѣлъ на воздухъ и уже больше на землю не возвращался. Но только въ вашемъ городѣ меня обидѣли, Царь-Дѣвица, и я требую удовлетворенія. Я шелъ по улицамъ, а за мною толпа ребятишекъ ну кричать: «Дурень! Дурень»! Я тотчасъ счелъ долгомъ обратиться и спросить у нихъ, почему я дурень? Смотрю, въ рукахъ ребятишекъ книжки; они начали показывать на меня пальцами и продолжали кричать: «Дурень! Дурень! грамотѣ не знаетъ»! Пожалуйте, царевна, запретите вашимъ ребятишкамъ книги читать! Я этого терпѣть не могу; по моему: руби, валяй, ничего не читай! Запретите имъ читать, царевна, чтобы никто грамотѣ не зналъ; съ этимъ только условіемъ я буду защищать васъ и сейчасъ пойду и сто тысячь человѣкъ на землю положу.

Царь-Дѣвица.

Мнѣ некогда съ тобою толковать, Бириби! (*Къ окружающимъ.*) За мной!

Рыцарь Бириби.

Хорошо! Хорошо! Такъ знайте-жъ, царевна, я сейчасъ пойду и соединюсь съ китайскимъ богдыханомъ.

*

Царь-Дѣвица.

Посадите его на время въ курятникъ! Тамъ онъ будетъ въ своей компаніи.

(Бириби уходитъ. Сцена перемѣняется. Театръ представляетъ городскую башню; съ одной стороны ея видно море. Возлѣ башни Одиссей вмѣстѣ съ Греками устанавливаетъ древнія стѣнобитныя орудія; на башню всходитъ Царь-Дѣвица съ нѣсколькими воинами.)

Царь-Дѣвица. (На башнѣ.)

А мой фельдмаршалъ еще далеко! Что дѣлать! Надобно продлить время. Царь Одиссей! Одно слово.

Одиссей. (Подъ башнею.)

(*Въ сторону*) А!... Смирилась гордая!... Но теперь поздо, меня не перехитришь. (*Къ Царь-Дѣвицѣ.*) Ну, что скажешь, мудрая, многоученая Царь-Дѣвица? Не то ли, что твои ребятишки въ школахъ больше меня знаютъ?... Не такъ-ли?

Царь-Дѣвица.

Нѣтъ, Одиссей, я хочу войти съ тобою въ переговоры.

Одиссей.

Какіе переговоры! Сдавайся!

Царь-Дѣвица.

Вспомни, Одиссей, что я еще могу защищаться.

Одиссей.

Некѣмъ!... Твои солдаты за моремъ, а вѣтеръ противный.

Царь-Дѣвица.

Можно плыть и противъ вѣтра.

Одиссей.

Это что, загадка что ли?

Царь-Дѣвица.

Да, загадка! Отгадай ее, и я тебѣ отдамъ мое царство безъ всякаго кровопролитія.

Одиссей. (Въ сторону.)

Охъ, греческая кровь! Не могу удержаться. (*Къ Царь-Дѣвицѣ.*) Ну, загадывай!

Царь-Дѣвица.

Какой это корабль, на которомъ кипятятъ воду, и онъ отъ того идетъ противъ вѣтра?

Одиссей. (Подумавъ.)

Не знаю; никогда не слыхалъ.... Странно!

Царь-Дѣвица.

Ну, вотъ тебѣ другая полегче: какое это искусство, посредствомъ котораго человѣкъ испишетъ листъ бумаги, и черезъ часъ у него явится тысяча такихъ листовъ?

Одиссей.

Объ этомъ въ Греціи у насъ никогда не говорили... Странно! Не знаю!

Царь-Дѣвица.

Ну, вотъ тебѣ и третья, еще легче: я положу въ мѣдную трубку немножко угля, селитры и сѣры, вкачу туда же желѣзный шаръ, и этотъ шаръ будетъ убивать людей сильнѣе грома и молніи.

Одиссей.

Э, ге! Да ты смѣешься, я вижу, надо мною. Ты мнѣ говоришь загадки—безъ разгадокъ.

Царь-Дѣвица.

Не правда, побѣдитель Трои! Есть искусство, которое въ короткое время можетъ умножить письмо человѣка. Это искусство сдѣлало то, что я знаю много такого, чего тебѣ и въ голову не приходило: оно называется книгопечатаніемъ.

Одиссей.

Я не могъ слышать объ этомъ... Но что я вижу! (*На морѣ появляется пароходъ съ солдатами Царь-Дѣвицы.*)

Царь-Дѣвица.

Судно, которое ты видишь, есть пароходъ; на немъ отъ водяныхъ паровъ приходятъ въ движе-

ніе колеса... и онъ, какъ изволишь видѣть, ходитъ и противъ вѣтра.

(Слышны съ парохода пушечные выстрѣлы; стѣнобитныя орудія разрушаются; многіе изъ воиновъ Одиссея побиты.)

Одиссей.

О, Зевесъ!... Это громъ.

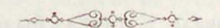
Царь-Дѣвица.

Нѣтъ, не громъ, но пушки—моя третья загадка....

(Одиссей со своими воинами и Китайцами убѣгаютъ со сцены.... Пароходъ приближается къ берегу, съ разноцвѣтными флагами; пушки стрѣляютъ; музыка гремитъ.)

Солдаты. (Кричатъ.)

Да здравствуетъ Царь-Дѣвица!

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ТРАГЕДІИ «ЦАРЬ-ДѢВИЦА» *).

Надобно вамъ знать, любезные читатели, что я уже давно живу на этомъ свѣтѣ, много путешествовалъ, много видѣлъ. Въ жизни у меня есть правило: все замѣчать, все сравнивать и обо всемъ думать. Этого правила совѣтую и вамъ держаться—оно на многое вамъ въ жизни пригодится. Вслѣдствіе этого правила, я не оставилъ безъ вниманія даже проѣзжавшаго однажды чрезъ нашъ городъ хозяина маріонетокъ, но подслушалъ и записалъ піесу, представленную его деревянными актерами. Это та самая піеса, которую вы читали, и которая, надѣюсь, вамъ понравилась. Но я долженъ сказать вамъ, что сочинитель трагедіи «Царь-Дѣвица» былъ человѣкъ очень неученый и, повидимому, совсѣмъ не зналъ исторіи: онъ спуталъ всѣ имена, всѣ эпохи, всѣ происшествія, даже всѣ костюмы. Сначала я хотѣлъ было самъ означить его ошибки, но, подумавши немного, я предпочелъ предоставить это удовольствіе вамъ самимъ, любезные читатели, и вотъ какимъ образомъ при редакціи «Дѣтскаго Журнала» учреждает-

*) Царь-Дѣвица была напечатана въ первый разъ въ «Дѣтскомъ Журналѣ» и при ней было это примѣчаніе.

ся конкурсъ, на участіе въ которомъ приглашаются всѣ наши читатели отъ 11-ти до 14-ти лѣтняго возраста обоего пола.

Задача состоитъ въ слѣдующемъ: означить въ чемъ именно ошибся сочинитель трагедіи «Царь-Дѣвица», какія изъ дѣйствующихъ лицъ дѣйствительно могли или не могли, по исторіи, между собою встрѣтиться. Для доказательства описать, къ какому времени какое дѣйствующее лице принадлежитъ, и чѣмъ отличается это время отъ другаго, наприм. какое различіе между тѣмъ временемъ, когда жилъ Одиссей, тѣмъ, когда были Крестовые рыцари и, наконецъ тѣмъ, когда носили сарафаны. Не худо къ этому прибавить и то, что̀ наши читатели знаютъ о Царь-Дѣвицѣ.

На рѣшеніе этой задачи дается три мѣсяца, т. е. сочиненія нашихъ читателей должны быть присланы въ Редакцію «Дѣтскаго Журнала» не позже 1-го апрѣля; подъ сочиненіемъ именъ не подписывать, но въ конвертъ должна быть вложена запечатанная записочка, въ которой означить имя сочинителя, его лѣта, имя и званіе его родителей или воспитателей и его адресъ, сколь возможно подробный.

Тотъ, чье сочиненіе признано будетъ лучшимъ, получитъ въ подарокъ лучшую, какая тогда будетъ, книжку съ картинками, въ богатомъ переплетѣ, на русскомъ или на одномъ изъ иностранныхъ языковъ; остальныя записочки будутъ уничтожены безъ распечатанія ихъ.

Замѣтимъ при этомъ, что сочиненія нашихъ читателей не должны состоять въ выпискѣ изъ какой-нибудь книги (что̀ впрочемъ въ отношеніи нашей задачи и невозможно). Напротивъ сочинитель долженъ показать, что онъ знаетъ наизусть

не одну какую книгу, но что онъ умѣетъ соединить прочитанное имъ въ одной книгѣ съ тѣмъ, что̀ онъ узналъ изъ другой, и собранныя имъ свѣдѣнія разсказывать своими словами.

Мы не считаемъ нужнымъ присовокуплять, что назначенныя для сего конкурса статьи не должны быть никѣмъ поправлены ни въ отношеніи къ мыслямъ, ни даже въ отношеніи къ правописанію. Воспитатели, вѣроятно, сами понимаютъ всю пользу благороднаго соревнованія, а равно и то, сколь необходимо въ этомъ случаѣ сохранить все возможное безпристрастіе и справедливость. Впрочемъ, всякая учительская поправка тотчасъ будетъ замѣтна и отниметъ у сочинителя право участвовать въ конкурсѣ.

ПЕРЕНОЩИЦА

или

ХИТРОСТЬ ПРОТИВЪ ХИТРОСТИ.

КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Марья Ивановна—Содержательница пансіона.

Мишинька—ея сынъ.

Наташа, Лизанька, Сонюшка Болтушкина — Воспитанницы пансіона.

Другія воспитанницы.

Переноищица

или

ХИТРОСТЬ ПРОТИВЪ ХИТРОСТИ.

(Театръ представляетъ комнату въ пансіонѣ, изъ которой двери отворены въ садъ, на лѣвой сторонѣ столъ съ бумагами, на право дверь.)

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Наташа и Лизанька. (Вбѣгаютъ.)

Наташа.

Куда ты? Нейди такъ скоро!

Лизанька.

Нельзя, мнѣ некогда, я еще не успѣла приготовить своего урока.

Наташа.

Такъ стало-быть ты сегодня совсѣмъ не будешь гулять?

Лизанька.

Что же дѣлать!..

Наташа. (Прерывая ее.)

Развѣ ты не успѣла сегодня поутру переписать свою тетрадку?

Лизанька.

Я тебѣ скажу по секрету: я сегодня встала съ головною болью; я никому не хотѣла сказать объ этомъ, но перо выпадало у меня изъ рукъ.

Наташа.

И тебѣ не стыдно, что ты мнѣ не сказала объ этомъ!

Лизанька.

Я знаю, какъ ты меня любишь—я не хотѣла огорчить тебя. Ты, добрая Наташа, я знаю, сдѣлала бы все за меня, а сама не успѣла бы приготовиться къ классу. Но теперь, по крайней мѣрѣ, я одна буду наказана... разумѣется, если не успѣю дописать моей тетрадки.

Наташа.

Такъ вотъ твоя дружба! Тебѣ стоило мнѣ слово сказать; я бы тотчасъ помогла тебѣ. Я знаю, отъ чего у тебя голова болѣла: отъ того, что пока мы гуляемъ, ты все сидишь надъ своими тетрадями.

Лизанька.

Что же дѣлать? Хорошо тебѣ: ты все такъ легко понимаешь, такъ все хорошо выучиваешь, почеркъ у тебя такой скорый, а мнѣ надо долго трудиться, чтобы понять урокъ, и пишу я очень тихо, рука у меня скоро устаетъ; Богъ отказалъ мнѣ въ твоихъ дарованіяхъ.

Наташа.

Скажи мнѣ, Лизанька, это упрекъ или насмѣшка?

Лизанька.

Мнѣ, мнѣ насмѣхаться надъ тобою! (*Беретъ ее за руку и смотритъ на нее съ нѣжностію.*)

Наташа.

Я тебѣ все это объясню въ короткихъ словахъ: я старше тебя двумя годами, ты слабаго здоровья — что мудренаго, что у тебя рука устаетъ? Покажи-ка, много ли еще у тебя дописывать осталось?

Лизанька.

Ахъ, еще очень много! (*Онѣ подходятъ къ столу и разбираютъ бумаги; въ это время входитъ Сонюшка на цыпочкахъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Наташа, Лизанька и Сонюшка.

Сонюшка. (Про себя.)

Мнѣ бы очень хотѣлось узнать, что за секреты у Наташи съ Лизанькой; безпрестанно вмѣстѣ: теперь всѣ гуляютъ въ саду, а онѣ ушли въ комнату.

Наташа. (Разбирая бумаги.)

Да что же? У тебя осталось только двѣ страницы.

Лизанька.

Двѣ страницы--шутка! Мнѣ надо ихъ писать, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ; до класса осталось не болѣе получаса, а ты знаешь—учитель будетъ пересматривать тетради.

Наташа.

Будь покойна, я это перепишу въ пять минутъ.

Лизанька.

Какъ можно! А когда же ты будешь гулять?

Наташа.

Это ужъ не твое дѣло; ты поди гуляй; у тебя пройдетъ головная боль, а я между тѣмъ перепишу.

Лизанька.

Да какъ же это?

Наташа.

Да такъ же; поди, не мѣшай мнѣ.

Сонюшка. (Въ сторону).

А, такъ вотъ какъ! Вотъ отъ чего Лизанька всегда первая въ классѣ—за нее работаетъ старшая; надобно помѣшать этому. (*Двигаетъ стуломъ, Наташа и Лизанька оглядываются*).

Наташа. (Лизанькѣ.)

Оставь меня, Лизанька, мнѣ надо приготовлять урокъ.

Сонюшка. (Подбѣгаетъ къ ней и заглядываетъ въ тетрадь; Наташа закрываетъ ее бумагой.)

Какіе уроки? Всѣ играютъ въ горѣлки; васъ дожидаются.

Наташа. (Съ невольнымъ движеніемъ.)

Въ горѣлки! Ну, да что же дѣлать, мнѣ некогда.

Лизанька.

Въ горѣлки! Это твоя любимая игра; пойдемъ, пойдемъ! (*Тащитъ ее.*)

Наташа.

Ахъ, какъ вы мнѣ надоѣли! Я вамъ говорю, что мнѣ некогда! (*Онѣ продолжаютъ ее тащить. Наташа вскакиваетъ со стула.*) Нѣтъ, съ вами

не сговоришь; какія вы скучныя! (*Проворно схватываетъ бумаги, убѣгаетъ съ ними въ боковую комнату и запирается.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Сонюшка и Лизанька.

Сонюшка.

Ого! Какая она сердитая!

Лизанька.

Кто? Наташа? О, это самая добрая душа въ цѣломъ мірѣ.

Сонюшка.

Вы въ этомъ увѣрены?

Лизанька.

Я увѣрена ли въ этомъ?

Сонюшка.

Вы сами такія добрыя; вамъ кажется, что и всѣ на васъ похожи.

Лизанька.

Что̀ вы этимъ хотите сказать? Если вы думаете что-нибудь дурное о Наташѣ, то пожалуйста не говорите мнѣ объ этомъ, потому что я ее очень, очень люблю.

Сонюшка.

Я ее сама также очень люблю, и мнѣ грустно, что объ ней такъ говорятъ...

Лизанька.

О Наташѣ? Чтó говорятъ?

Сонюшка.

Я боюсь вамъ сказать... вы съ ней пріятельница... это вамъ будетъ непріятно.

Лизанька.

Ахъ нѣтъ, пожалуйста, скажите; я непремѣнно хочу знать чтó говорятъ о Наташѣ.

Сонюшка.

Пожалуй, я вамъ скажу, но только дайте мнѣ слово, что вы не будете объ этомъ говорить Наташѣ...

Лизанька.

О нѣтъ, нѣтъ, будьте увѣрены.

Сонюшка.

Что вы меня не назовете...

Лизанька.

О нѣтъ, даю вамъ слово, скажите только.

Сонюшка.

Я, право, боюсь...

Лизанька.

О нѣтъ, увѣряю васъ! Я хочу знать чтó говорятъ о Наташѣ не для того, чтобы пересказать ей — это будетъ ей непріятно — но вы мнѣ позволите вступиться за нее, оправдать ее.

*

Сонюшка. (Съ скрытою насмѣшкою.)

О, сколько вамъ угодно! Я сама буду рада вступиться за нее; только, ради Бога, не называйте меня...

Лизанька.

Я ужъ вамъ дала слово.

Сонюшка.

Ну, слушайте же: говорятъ — я не вѣрю этому — что Наташа очень насмѣшлива...

Лизанька.

Насмѣшлива! О, это совершенно неправда.

Сонюшка.

Что она очень самолюбива; она думаетъ, что она уже большая, она разсказываетъ будто бы — я сама не слыхала этого — что будто здѣсь въ пансіонѣ есть такія глупенькія дѣвушки, которыя приходятъ ее просить приготовлять за нихъ уроки къ классамъ и что она... изъ жалости помогаетъ имъ.

Лизанька. (Оторопѣвъ.)

Быть не можетъ, быть не можетъ!

Сонюшка.

Я сама этому не вѣрю; мнѣ такъ сказывали.

Лизанька.

Кто вамъ сказывалъ?

Сонюшка.

Я не могу вамъ этого сказать. Наташа разсказываетъ это по секрету... всему пансіону.

Лизанька.

Всему пансіону?

Сонюшка.

Да, и еще что! Она, говорятъ, прибавляетъ, что она не можетъ надивиться, какія здѣсь въ пансіонѣ есть тупыя головы, которыя даже не умѣютъ переписать путемъ, что ее эти просьбы очень забавляютъ, но что когда придетъ экзаменъ, она попроситъ Марью Ивановну взглянуть попристальнѣе на тетрадки. Наташа надѣется, что когда увидятъ, какъ она работала за двоихъ, то ей дадутъ первый призъ, а другимъ—ничего.

Лизанька.

И все это правда?

Сонюшка.

Какъ я здѣсь стою. Неужели вы никогда сами ничего не замѣчали?

Лизанька. (Въ размышленіи.)

Я... правда, я замѣчала нерѣдко, что Наташа любитъ говорить о своихъ лѣтахъ, о томъ, что она старше меня. Даже и сегодня...

Сонюшка. (Повторяетъ.)

Даже и сегодня? Какъ это неделикатно!

Лизанька. (Погружается въ задумчивость. Сонюшка подходитъ къ ней, съ насмѣшкою дѣлаетъ ей ручкой и убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лизанька. (Одна.)

Ахъ, Боже мой! Неужели это правда? Такъ въ самомъ дѣлѣ Наташа помогаетъ мнѣ только для того, чтобы потомъ обмануть, предать меня! Это ужасно! Ужасно! (*Молчаніе.*) Быть не можетъ! (*Молчаніе.*) Однако, я сама замѣтила въ словахъ Наташи что-то странное; да, Наташа горда, самолюбива. (*Молчаніе.*) Нѣтъ сомнѣнія, это была одна только маска — иначе... иначе съ чего бы взять Сонюшкѣ? И какой стыдъ! Весь пансіонъ знаетъ, всѣ смѣются надо мною... Нѣтъ, нѣтъ, не бывать этому! Лучше буду вытерпливать наказанія, нежели позволить кому-нибудь насмѣхаться надо мною. (*Идетъ къ двери, куда вошла Наташа и встрѣчается съ нею.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Лизанька и Наташа.

Наташа.

Ну, вотъ твоя тетрадь—она готова.

Лизанька. (Холодно.)

Въ самомъ дѣлѣ? Какъ скоро!.. Правда, не у всѣхъ одинакія дарованія; разумѣется, кто старше возрастомъ, тотъ умнѣе; но что̀ же дѣлать, надобно всякому оставаться при своемъ!

Наташа.

Что̀ это значитъ?

Лизанька. (Холодно и принужденно.)

А то, что я передумала: я нахожу, что очень дурно выдавать чужую работу за свою; это какъ будто родъ обмана.

Наташа.

Тутъ нѣтъ никакого обмана; отъ насъ не требуютъ, чтобы мы сами переписывали тетрадки,— а чтобы только у каждой были, потому что онѣ нужны для повторенія.

Лизанька.

Какъ бы то ни было, я не хочу вашего труда выдавать за свой и возвращаю вамъ его съ благодарностію. (*Выдираетъ нѣсколько листковъ изъ тетради, принесенной Наташею, и говоритъ съ*

насмѣшкой.) Иначе, легко можетъ статься, меня бы похвалили за вашу работу,—мнѣ было бы очень совѣстно. (*Присѣдаетъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Наташа. (Одна, смотритъ нѣсколько времени за нею вслѣдъ.)

Неблагодарная! Можно ли такъ холодно отвѣчать на мою дружбу, съ такимъ презрѣніемъ принимать мои услуги! А я считала ее умною и чувствительною дѣвушкою! Какой непостоянный характеръ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Наташа и Сонюшка.

Сонюшка. (Входитъ такъ, что Наташа ее не видитъ.)

Ага! Наши пріятельницы врозь. Неужели онѣ въ самомъ дѣлѣ поссорились? Какъ бы мнѣ этого хотѣлось! Тогда бы ихъ обѣихъ можно было вывести на свѣжую воду; однакожъ надобно увѣриться въ этомъ. (*Подходитъ къ Наташѣ.*) О чемъ вы такъ задумались?

Наташа.

Я?.. Нѣтъ, такъ, ничего.

Сонюшка.

Да гдѣ же Лизанька? Вамъ, можетъ-быть, скучно безъ нея; хотите, я ее позову?

Наташа.

О нѣтъ, не нужно!

Сонюшка. (Въ сторону.)

Ага! Между ними черная кошка пробѣжала! (*Вслухъ.*) Скажите мнѣ откровенно, что́ вы думаете о Лизанькѣ?

Наташа.

Зачѣмъ вы у меня объ этомъ спрашиваете?

Сонюшка.

Потому что вы съ нею уже давно дружны и поэтому можете ее лучше знать, нежели мы...

Наташа.

О, ни чуть не бывало!

Сонюшка.

Не правда ли, мнѣ кажется, что Лизанька должна быть очень вспыльчива и чрезвычайно подозрительна?

Наташа.

Въ чемъ же вы это замѣтили?

Сонюшка.

Мнѣ кажется, она никому не довѣряетъ, особливо кто старше ея возрастомъ; она все думаетъ,

что надъ нею хотятъ смѣяться, что хотятъ воспользоваться ея слабымъ сложеніемъ; она всего боится, и отъ того всякая услуга для нея—почти обида.

Наташа.

Да, ваше замѣчаніе очень справедливо; она очень не любитъ, когда кто нибудь ей скажетъ, что старѣе ея лѣтами и что она слабаго сложенія.

Сонюшка.

Я слышала даже другое: она не любитъ никого старшихъ и старается насмѣхаться надъ ними всякимъ образомъ. Я слышала даже, будто она разсказываетъ, какъ она для смѣха заставляетъ старшихъ писать для себя тетрадки, чтобы потомъ смѣяться надъ ихъ ошибками. (*Присѣдаетъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Наташа. (Одна.)

Неблагодарная! Насмѣхаться надо мною! (*Задумывается; въ это время слышенъ звонокъ; воспитанницы пробѣгаютъ по сценѣ; слышны слова: въ классы, въ классы!* *).

*) За недостаткомъ актеровъ можно сдѣлать, чтобъ эти крики были слышны только за сценой.

ДѢЙСТВІЕ. II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ танцовальный классъ *). На авансценѣ Мишинька съ двумя воспитанницами.

Мишинька.

Скажите, пожалуйста, что̀ сдѣлалось съ Наташей и Лизанькой?

1-я Воспитанница.

Да, это правда, онѣ не сидятъ вмѣстѣ, не танцуютъ вмѣстѣ, не гуляютъ, отворачиваются другъ отъ друга. Что̀ твоя маменька объ этомъ говоритъ?

Мишинька.

Маменька понять не можетъ, отъ чего это.

2-я Воспитанница.

Странныя вещи у насъ дѣлаются. Скажи намъ Мишинька, отъ чего Марьѣ Ивановнѣ вздумалось пересматривать всѣ наши тетради?

Мишинька.

Знаю, да не скажу!

---

*) Если эта піеса будетъ играться тамъ, гдѣ мало актеровъ, то должно расположить сцену такъ, чтобъ за кулисами была слышна танцовальная музыка.

1-я Воспитанница.

Отъ чего же? Скажи, Миша, пожалуйста.

Мишинька.

Ну, пожалуй, ужъ такъ и быть; чуръ не выдавать меня!

Обѣ.

Нѣтъ, нѣтъ!

Мишинька.

Такъ слушайте же! Маменька узнала, что многія изъ старшихъ воспитанницъ работаютъ для маленькихъ. Маменькѣ хотѣлось въ этомъ увѣриться.

Обѣ.

Маменька пересмотрѣла всѣ наши тетради и ничего не нашла.

1-я Воспитанница

Да съ чего она это взяла?

Мишинька.

Не понимаю, но тутъ что-то скрывается. (*Воспитанницы отходятъ.*)

2-я Воспитанница.

Провѣдай, Мишинька, душенька.

Мишинька.

Провѣдай! А что̀ мнѣ будетъ за это?

Обѣ.

Фунтъ конфектъ.

Мишинька.

Хорошо, постараюсь; но тутъ надо подняться на хитрость. (*Убѣгаетъ.*)

(Между тѣмъ музыка играетъ и воспитанницы танцуютъ *).

Мишинька. (Вбѣгаетъ съ нѣсколькими листками въ рукахъ.)

Посмотрите, посмотрите! Кто можетъ мнѣ сказать, чья эта рука?

(Воспитанницы окружаютъ его.)

Всѣ.

Это рука Наташи! Какимъ же образомъ эта тетрадка зашла къ Сонюшкѣ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Лизанька.

Мишинька.

По причинѣ очень простой: Наташа работала для Сонюшки.

1-я Воспитанница.

Такъ Сонюшка виновата въ томъ, что насъ всѣхъ подозрѣваютъ.

---

*) Въ домашнемъ спектаклѣ эта сцена можетъ быть сыграна слѣдующимъ образомъ: 1-я воспитанница говоритъ 2-й: повтори со мною новое па, которое намъ показывалъ учитель. (Танцы.)

2-я Воспитанница.

Какой стыдъ, какой стыдъ! Съ ней надо перестать говорить.

1-я Воспитанница.

Не танцовать съ ней!

2-я Воспитанница.

Не гулять съ ней!

1-я Воспитанница.

Не принимать ея ни въ какую игру!

Лизанька. (Вслушавшись.)

Ахъ, остановитесь, остановитесь! Сонюшка ни въ чемъ не виновата. Я знаю эти листки: ихъ Наташа писала, но.... для меня.... и увѣряю васъ, что я не показывала ихъ учителю и ни мало не была намѣрена выдавать чужую работу за свою. (*Общее молчаніе; всѣ смотрятъ на Лизаньку въ нерѣшимости.*)

Мишинька.

Но вотъ вопросъ! Какъ узнала объ этомъ маменька?

1-я Воспитанница.

Марья Ивановна сегодня сказала намъ: я знаю навѣрное, что многія изъ старшихъ учениц пишутъ уроки за младшихъ, и именно, я знаю, что одна старшая дѣвица сдѣлала сегодняшній урокъ для своей пріятельницы.

Лизанька.

Это касалось до меня; нѣтъ сомнѣнія.

Мишинька.

Но какъ же узнала объ этомъ маменька?

Лизанька.

Постойте, мнѣ приходитъ въ мысль, что если Наташа....

2-я Воспитанница.

Какъ! Наташа?

1-я Воспитанница.

Нѣтъ, быть не можетъ!

Мишинька

Постойте, постойте! Какъ зашла эта тетрадка къ Сонюшкѣ?

Лизанька.

Не понимаю. Наташа писала эту тетрадку для меня, но я не взяла ея; она осталась на столѣ, въ дортуарѣ.

Мишинька.

Эта Сонюшка мнѣ давно подозрительна, я видѣлъ, она во время классовъ приходила къ маменькѣ въ комнату и что-то маменькѣ тихо говорила.

Лизанька.

Сонюшка? Неужели она....

Мишинька.

Ну, что-же она?

Лизанька.

Нѣтъ, я не могу, я не должна ничего говорить. (*Бросается на стулъ, закрывая платкомъ лице.*)

Мишинька.

Во всемъ этомъ кроется что-то странное; постойте, соберемтесь всѣ вмѣстѣ, подумаемъ. Наташа писала для Лизаньки, Лизанька не приняла, эта тетрадка попалась къ Сонюшкѣ, маменька объ этомъ узнала, Лизанька ничего не добьется.... Вы допросите Наташу, а я.... уже знаю, что̀ мнѣ дѣлать.

(Бьетъ звонокъ.)

Нѣсколько голосовъ.

Въ садъ! Танцовальный учитель не будетъ!

(Разбѣгаются. Лизанька въ слезахъ уходитъ въ боковую комнату.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Сонюшка. (Выходитъ одна.)

Ну, кажется все идетъ хорошо. Лизанька съ Наташей поссорились; Наташа не будетъ больше повторять съ ней уроковъ, и тогда не я бу-

ду послѣдняя въ классѣ. Терпѣть не могу этой дружбы: всѣ по-парно, всѣ вмѣстѣ, а меня такъ всѣ чуждаются. Велика бѣда, что я послѣдняя въ классѣ! Погодите, ужъ Марья Ивановна вѣрно не забудетъ моей услуги. Но отъ чего же она приняла меня такъ холодно? (*Передразнивая.*) «Хорошо! Посмотримъ!»—и только; отъ чего она мнѣ больше ничего не сказала? Это меня безпокоитъ.

(Задумывается.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сонюшка и Мишинька.

Мишинька.

Ну, Сонюшка, еслибы ты знала, какъ маменька тебя хвалитъ...

Сонюшка. (Живо.)

Въ самомъ дѣлѣ?... (*одумавшись*) Да за что же?

Мишинька.

Какъ за что?... Да что ты, хочешь секретничать что ли со мною?... Я все знаю.

Сонюшка. (Въ нерѣшимости.)

Какъ!...

Мишинька.

Вотъ какъ это случилось. Къ маменькѣ пришла сегодня одна ея пріятельница...Вотъ онѣ разговорились о томъ, о семъ... Маменька стала разсказывать, какъ трудно управлять пансіономъ... про разныя хитрости воспитанницъ... напримѣръ о томъ, что старшія помогаютъ младшимъ, повторяютъ съ ними уроки, и что отъ этого никакъ нельзя узнать, кто лучше учится.

Сонюшка. (Съ любопытствомъ.)

Маменька это говорила?... Ну, что же дальше?...

Мишинька. (Въ сторону.)

А! а! (*къ Сонюшкѣ*)! Одна только и есть воспитанница, говорила маменька, на которую я могу положиться,—Сонюшка Болтушкина; это удивительная дѣвушка, необычайнаго ума и способностей; она мнѣ открыла глаза, она мнѣ разсказала все; жаль, что ничего не могла доказать...

Сонюшка. (Съ живостію.)

Какъ ничего? А тетрадки!

Мишинька. (Въ сторону.)

А, переносщица! (*Сонюшкѣ*) Ахъ, не перебивайте меня... Жаль, продолжала маменька, что Сонюшка ничѣмъ не могла доказать мнѣ этого преж-

де; но теперь она мнѣ принесла тетрадку, по которой я ясно увидѣла, что старшія воспитанницы помогаютъ младшимъ... И я для Сонюшки готова... (*съ намѣреніемъ останавливается*).

Сонюшка. (Съ нетерпѣніемъ.)

Что же маменька сказала?...

Мишинька.

Я не знаю, говорить ли мнѣ объ этомъ?

Сонюшка.

Ахъ, Мишинька, душенька! Скажи, сдѣлай милость...

Мишинька.

Ну, ужъ такъ и быть, скажу, да только—чуръ уговоръ...

Сонюшка.

Все, что̀ хочешь...

Мишинька.

Уговоръ! Когда сдѣлается то, что̀ я говорю—помогать мнѣ во всемъ, во всемъ... Понимаешь-ли?

Сонюшка.

Во всемъ! Во всемъ!

Мишинька.

Ну, слушай же! Маменька хочетъ тебя сдѣлать надзирательницею.

*

Сонюшка.

Надзирательницею?...

Мишинька. (Съ важностію.)

Да, тебя надзирательницею, первою по себѣ: ты будешь за столомъ разливать супъ, въ классѣ сидѣть особо, на стулѣ, а не на скамейкѣ, по твоему приказанію будутъ бить звонокъ, ты будешь смотрѣть за всѣми,—какъ кто работаетъ, какъ кто одѣтъ... (*Сонюшка бьетъ съ радости въ ладоши.*) Одного только боится маменька...

Сонюшка.

Чего же это, Миша?...

Мишинька.

Что ты слишкомъ въ дружбѣ со всѣми воспитанницами.

Сонюшка.

Кто, я? Ничуть!...

Мишинька. (Смотритъ на нее пристально.)

Она не знаетъ, достанетъ ли въ тебѣ довольно ловкости, чтобы помѣшать этой дружбѣ между воспитанницами?... Знаешь, вотъ, что одна повторяетъ уроки съ другою, показываетъ, какъ работать...

Сонюшка.

Только-то! О, такъ я навѣрное буду надзирательницею! Какая радость! Какое счастіе!

Мишинька. (Съ поклономъ.)

Чуръ тогда и меня не забыть!

Сонюшка.

О, нѣтъ, будь покоенъ: тебѣ будетъ все позволено; только улади это дѣло. Мишинька, скажи стороною маменькѣ, что я никого изъ воспитанницъ не люблю и что я не терплю, когда вижу, что между ними дружба, когда онѣ играютъ вмѣстѣ, ходятъ вмѣстѣ, учатся вмѣстѣ...

Мишинька.

Сейчасъ, сейчасъ побѣгу—(*въ сторону*) и вмѣстѣ разскажу твои проказы.

ЯВЛЕНІЕ V.

Сонюшка. (Одна.)

Такъ я буду надзирательницею... Погодите же, мои милыя, я ужъ для васъ буду не Марья Ивановна... Я помню, какъ вы потихоньку смѣялись, когда я сидѣла за чернымъ столомъ... (*Съ важнымъ видомъ*)—Что это вы шалите хлѣбомъ, сударыня? Вы сегодня будете безъ супу... А вы, Лизанька, что вы зѣваете по сторонамъ? Лучше бы вы старались исправнѣе работать... А вы такъ дурно шьете, что ни на что не похоже...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Наташа и Воспитанницы. (Входятъ вмѣстѣ.)

1-я Воспитанница.

Наташа, покажи мнѣ, сдѣлай милость, какъ приводить дроби къ одному знаменателю. Я сегодня въ классѣ никакъ не могла понять.

Наташа.

Съ удовольствіемъ.

Сонюшка. (Съ тѣмъ же важнымъ видомъ.)

Это что значитъ? Ужъ этого я никакъ не позволю... Помогать другъ другу, твердить вмѣстѣ уроки, — чтобы потомъ нельзя было узнать, кто лучше учится?

Наташа и воспитанницы. (Вмѣстѣ.)

Что съ тобою, Сонюшка?...

Воспитанницы.

Мы всегда вмѣстѣ повторяемъ уроки...

Сонюшка.

Чтó прежде было, того не будетъ теперь. Я нахожу, что эта дружба никуда не годится. Съ тѣхъ поръ, какъ я надзирательницею...

Наташа и воспитанницы. (Вмѣстѣ.)

Ты надзирательницей! Ха! ха! ха! Послушайте! послушайте! (*бѣгутъ къ дверямъ сада, съ хохотомъ; на ихъ голосъ собираются всѣ воспитанницы, Миша и Лизанька.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

1-я Воспитанница.

Послушайте: что̀ съ Сонюшкой? Она не позволяетъ намъ повторять вмѣстѣ уроковъ....

Наташа.

Увѣряетъ, что она надзирательница... (*съ участіемъ*). Сонюшка, здорова ли ты?

(*Всѣ смѣются и присѣдаютъ передъ Сонюшкою, говоря*) Госпожа надзирательница! Госпожа надзирательница!

Сонюшка. (Съ сердцемъ).

Смѣйтесь — какъ хотите, а я вамъ говорю, что я буду надзирательницею, буду разливать супъ, во время класса сидѣть на стулѣ, вмѣсто Марьи Ивановны. Я буду смотрѣть за вашими работами и, чтобы вы не могли другъ другу... (*Съ каждымъ словомъ Сонюшки хохотъ усиливается*). А чтобы вы перестали смѣяться — то наказываю васъ всѣхъ безъ ужина... (*Общій хохотъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Марья Ивановна.

Марья Ивановна.

Что значитъ этотъ хохотъ?

Наташа.

Сонюшка насъ наказала безъ ужина.

1-я Воспитанница.

Сонюшка говоритъ, что она надзирательница.

Наташа.

Что она будетъ сидѣть въ классѣ на вашемъ мѣстѣ.

1-я Воспитанница.

Что она будетъ разливать супъ...

2-я Воспитанница.

Смотрѣть за работами...

1-я Воспитанница.

Не позволитъ намъ твердить вмѣстѣ уроковъ.

Марья Ивановна.

Сонюшка, что̀ все это значитъ?

Сонюшка.

Вы знаете, Марья Ивановна, что между многими изъ воспитанницъ завелась дружба...

Марья Ивановна.

Ну что же? Я очень этому рада.

Сонюшка.

Онѣ твердятъ вмѣстѣ уроки, помогаютъ другъ другу, такъ что нельзя узнать, кто лучше учится...

Марья Ивановна.

Напротивъ, я очень желаю, чтобы вы всѣ помогали одна другой: чего не пойметъ одна, то пойметъ другая, растолкуетъ,—и урокъ учителя не будетъ потерянъ.

Сонюшка (Въ сторону.)

Марья Ивановна еще секретничаетъ. Вѣрно Миша не успѣлъ ей разсказать.... (*Отводитъ Марью Ивановну въ сторону, съ таинственнымъ видомъ*). Я предупредила ваше желаніе — помните....

Марья Ивановна.

Нисколько...

Сонюшка.

Вы смѣло можете сдѣлать меня надзирательницей.

Марья Ивановна.

Чтò съ вами?

Сонюшка.

Чтобы сказать яснѣе: я уже поссорила Наташу съ Лизанькой...

Марья Ивановна.

Какъ, поссорили!... Какой ужасъ! (*Громко.*) Здѣсь дѣлается что-то, для меня совершенно не-

понятное. Сейчасъ Сонюшка мнѣ объявила, что она поссорила между собою Наташу съ Лизанькой, какъ будто сдѣлала доброе дѣло...

Наташа.

Лизанька! Такъ это Сонюшка насъ съ тобою поссорила?

Лизанька.

Сонюшка мнѣ сказала, что ты насмѣхаешься надо мною...

Наташа.

Сонюшка и мнѣ сказала, что ты насмѣхаешься надо мною...

Лизанька.

Милая Наташа, и ты могла повѣрить?

Наташа.

Милая Лизанька, простишь ли ты мнѣ?...

(Обнимаютъ другъ друга.)

Марья Ивановна. (Сонюшкѣ.)

Что это все значитъ, сударыня? И вы думали, что за такой низкій поступокъ васъ сдѣлаютъ надзирательницей?.. Кто вамъ сказалъ такую глупость!...

(Общее молчаніе.)

Мишинька.

Я—виноватъ! Давно уже всѣ замѣчали у насъ въ домѣ, что Богъ знаетъ отъ чего, а всѣ ссорят-

ся: что́ ни скажутъ — все перенесено; изъ маленькой шутки выростетъ большая насмѣшка. Надобно было узнать, кто это проказитъ. Я употребилъ хитрость и открылось, что Сонюшка.

Марья Ивановна.

Хорошо. За свои хитрости, ты пойдешь на цѣлый день въ карцеръ. Что же касается до васъ, Сонюшка, то я сегодня же напишу къ вашей маменькѣ, чтобы она взяла васъ изъ пансіона: я не могу у себя держать такую дѣвушку, которая находитъ удовольствіе переносить вѣсти и ссорить друзей между собою.

Сонюшка. (Въ слезахъ.)

Ахъ, Марья Ивановна, простите меня! Я и такъ уже довольно наказана.

Марья Ивановна.

Не у меня вы должны просить прощенія, а у Господа Бога и у тѣхъ, кого вы оскорбили.

Сонюшка. (Наташѣ и Лизанькѣ.)

Мнѣ стыдно и взглянуть на васъ...

Наташа и Лизанька.

Простите ее... простите ее...

Марья Ивановна. (Сонюшкѣ.)

Не стыдно-ли вамъ, — онѣ же за васъ просятъ...

Сонюшка. (Прерывающимся голосомъ.)

Будьте увѣрены: мое раскаяніе... стыдъ...

Марья Ивановна.

Мнѣ не нужно вашихъ увѣреній. Вамъ для самихъ себя надо стараться объ исправленіи, если не хотите, чтобы въ свѣтѣ васъ всѣ считали язвою... (*Къ Наташѣ и Лизанькѣ*) Я уступаю вашимъ просьбамъ; но предупреждаю васъ, Сонюшка, что при малѣйшей тѣни подобнаго проступка, вы не останетесь ни минуты въ этомъ домѣ.

Сонюшка. (Бросаясь въ объятія Лизаньки и закрывая лице.)

Ахъ, научите меня быть доброю...

Наташа.

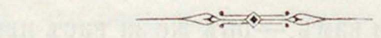
Нельзя ли уже кстати простить и Мишу?

Марья Ивановна.

Нѣтъ! Я къ нему должна быть строже, нежели къ вамъ. (*Мишѣ*) Въ карцеръ, на цѣлый день...

Мишинька. (Тихонько Наташѣ)

Не забудьте, по крайней мѣрѣ, прислать туда обѣщанный фунтъ конфектъ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПІЕСКА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ѳединька.

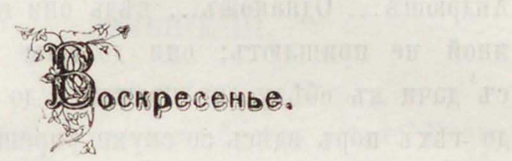
Аркаша.

Гриша.

Степанъ, швейцаръ.

Иванъ, слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ пансіонѣ.

Воскресенье.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПІЕСКА.

ЯВЛЕНІЕ I.

(*Садъ.*)

Ѳединька. (Одинъ.)

Ага! Сегодня воскресенье, табельный день! Куда же мнѣ дѣваться сегодня? Постой, подумаемъ! Гриша зоветъ меня къ себѣ, къ своему отцу... Гмъ! должно признаться, что у него бываетъ очень скучно; пропасть учителей, дядекъ; все ходятъ гулять вмѣстѣ, чинно, въ порядкѣ, а я этого терпѣть не могу. Мимо! — Не пойдти ли мнѣ къ Андрюшѣ? Его дядюшка обѣщалъ сегодня прислать за мною, а этотъ дядюшка, нечего

сказать, славный человѣкъ: что у него ни сдѣлай и нуждушки ему нѣтъ; и когда я къ нему попаду, то у насъ такая возня, что дымъ столбомъ по цѣлому дому: тотъ кричитъ, другой пляшетъ, третій по столамъ прыгаетъ — житье да и только! Правду сказать, что ужъ подлинно веселый домъ! Да, такъ, рѣшено! Пойду къ Андрюшѣ... Однакожъ... вѣдь они еще долго за мной не пришлютъ; они должны возвратиться съ дачи къ обѣду, не прежде; а до тѣхъ поръ... до тѣхъ поръ здѣсь со скуки умрешь... Да кстати, чуть не забылъ, сегодня Ларины собираются на охоту. — На охоту... вотъ веселье то! И къ тому же нужно будетъ такъ долго дожидаться... На охоту, то-то радость! Рѣшено! Надобно попасть къ Ларинымъ! Но какъ быть? Я едва съ ними знакомъ; писать и напрашиваться будетъ неловко. Постой, нельзя ли такъ... такъ точно... Саша Бѣлкинъ также долженъ быть на охотѣ; Бѣлкина отецъ другъ моему отцу, меня любитъ; я напишу къ Сашѣ, Саша попроситъ отца, отецъ попроситъ Ларинныхъ, а Ларины меня; прекрасно! Славно придумано! Эй! Иванъ! Да постой, надо напередъ написать письмо.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Иванъ. (Одинъ.)

Сейчасъ, сейчасъ! Что вамъ угодно? Да никого нѣтъ! Мнѣ показалось, что меня кто-то кличетъ. а я съ дуру-то и бросилъ завтракъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Ѳединька. (Входя.)

Вотъ письмо. Ахъ, какъ будетъ весело! Иванъ! Иванъ! Какой же я вѣтренникъ, позабылъ запечатать письмо.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Иванъ. (Входя и не видя никого.)

Ну, что-съ? Что за причина? Или у меня въ ушахъ звѣнитъ? Все мнѣ кажется, что меня кто-то кличетъ

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Ѳединька. (Входя.)

Ну, теперь все въ порядкѣ. Иванъ! Иванъ! Да придешь ли ты наконецъ?

ЯВЛЕНІЕ VI.

ѲЕДИНЬКА, ИВАНЪ.

Иванъ. (Изъ за кулисъ.)

Да что же это, въ самомъ дѣлѣ что ли меня зовутъ?

Ѳединька.

Въ самомъ ли дѣлѣ! Я ужъ цѣлый часъ тебя доклика́ться не могу.

Иванъ. (Изъ за кулисъ.)

А! теперь въ самомъ дѣлѣ. (*Выходитъ на сцену.*) Что за причина? Вы цѣлый часъ меня кличете, а я цѣлый часъ васъ нигдѣ найти не могу. Что прикажете?

Ѳединька.

Вотъ письмо.

Иванъ. (Беретъ письмо и хочетъ идти.)

Слушаю-съ.

Ѳединька.

Да куда же ты пошелъ?

Иванъ.

Я пошелъ... съ письмомъ-съ.

Ѳединька.

Да куда же?

Иванъ.

Да куда? Чай на немъ писано куда.

Ѳединька.

Да вѣдь ты читать не умѣешь.

Иванъ.

Такъ чтожъ! Я что ли виноватъ въ этомъ? Меня вѣдь въ пансіонъ не отдавали: гдѣ же мнѣ было научиться читать! Не стыдно ли вамъ попрекать мнѣ этимъ?

Ѳединька.

Да позволь же мнѣ, по крайней мѣрѣ, разсказать тебѣ... Ахъ, съ тобой только дай Богъ терпѣнья!...

Иванъ.

Не сердитесь; ну что-жъ, что я не умѣю читать; это еще не бѣда. Вы мнѣ разскажите только куда идти, вѣдь это будетъ все равно...

Ѳединька.

Ахъ, Боже мой! Да дашь ли ты мнѣ хоть слово вымолвить!

Иванъ.

Хоть двадцать; мнѣ приказу не было запрещать вамъ говорить.

Ѳединька.

Слава Богу! Знаешь ли ты, гдѣ живутъ Бѣлкины?

Иванъ.

Нѣтъ, знать не знаю.

Ѳединька.

Ну, такъ слушай: ступай...

Иванъ.

Всюду, куда вамъ угодно.

Ѳединька.

Ты перейдешь...

Иванъ.

Чрезъ что хотите, скажите только.

Ѳединька.

Ты спросишь...

Иванъ.

Нечего спрашивать, самъ найду; будьте спокойны.

Ѳединька.

Да хочешь ли ты меня выслушать?

Иванъ.

Да какъ же, сударь, очень хочу; намъ приказано.

Ѳединька.

Ты попросишь...

Иванъ.

Всего, что̀ вамъ угодно.

Ѳединька.

Чтобъ тебѣ указали мостъ...

Иванъ.

Мостъ? А, знаю, то-есть мостъ.

Ѳединька.

Ну да, мостъ, какъ бишь его зовутъ?

Иванъ.

Я не знаю.

Ѳединька.

Если не знаешь, такъ что-жъ ты толкуешь? Какъ бишь онъ? Начинается съ Ка.

Иванъ.

А, знаю, знаю,—Каретный.

Ѳединька.

Да развѣ есть Каретный мостъ?

Иванъ.

Не знаю, сударь.

Ѳединька.

Я тебѣ говорю съ Ка, Ка... да Кашинъ.

Иванъ.

А! да Кашинъ, знаю; я бы самъ догадался.... Ну, такъ что же мнѣ сдѣлать на этомъ мосту?

Ѳединька.

Какъ, что дѣлать? Тебѣ на немъ нечего дѣлать.

Иванъ.

Нечего, такъ стало-быть не зачѣмъ и идти.

Ѳединька.

Ахъ, какъ же ты глупъ, Иванъ! Я тебѣ говорю: ступай къ Кашину мосту, тамъ ты увидишь извощиковъ.

Иванъ.

Полно такъ ли?

Ѳединька.

Точно такъ.

Иванъ.

Ну такъ слушаю-съ.

(Хочетъ идти.)

Ѳединька.

Куда же ты пошелъ?

Иванъ.

Къ Кашину мосту, нанять вамъ извощика.

Ѳединька.

Да кто тебѣ велитъ нанимать извощика?

Иванъ.

Какъ кто? Да вы сами.

Ѳединька.

Я? Ты, я вижу, съ ума сошелъ. Я тебѣ говорю: ты увидишь извощичьи дрожки, они стоятъ противъ сѣраго дома...

Иванъ.

Слушаю-съ.

Ѳединька.

Ты войдешь на подъѣздъ, поворотишь направо, въ третій этажъ...

Иванъ.

Слушаю-съ.

Ѳединька.

Въ третьемъ этажѣ ты увидишь красную дверь съ колокольчикомъ...

Иванъ.

Слушаю-съ.

Ѳединька.

Тамъ ты спросишь господина Бѣлкина.

Иванъ.

Слушаю-съ.

Ѳединька.

Ты ему отдашь это письмо и дождешься отвѣта. Понимаешь ли теперь?

Иванъ.

Понимаю; какъ не понять!

Ѳединька.

Какъ не понять? А я думаю, что ты меня вовсе не понимаешь. Повтори-ка мнѣ все, что̀ я тебѣ сказалъ. Ну, куда же ты пойдешь отсюда?

Иванъ.

Я пойду прямо на мостъ.

Ѳединька.

Да на какой?

Иванъ.

На мостъ... на мостъ... какъ бишь онъ? Вотъ я и забылъ, Ка... Ка...

Ѳединька.

Кашинъ.

Иванъ.

Ну точно такъ, Кашинъ; тамъ я увижу извощиковъ... въ третьемъ этажѣ... противъ подъѣзда... потомъ красный колокольчикъ... сѣрую дверь и... ваше письмо... Такъ ли?

Ѳединька.

Да, почти такъ.

Иванъ.

Ужъ я вамъ говорю, что я мастеръ на эти дѣла.

Ѳединька.

Увѣренъ. (*Въ сторону.*) Съ нимъ не сговоришь! (*Вслухъ.*) Ну, ступай же, дойди только до Кашина моста, да спроси Бѣлкиныхъ; тамъ ихъ всѣ знаютъ.

Иванъ.

Вотъ еще спрашивать! Нечего спрашивать; я васъ очень хорошо понялъ.

Ѳединька.

Ну хорошо, хорошо; ступай же.

Иванъ.

Мнѣ сейчасъ и воротиться?

Ѳединька.

Разумѣется, только поскорѣе; я буду ждать отвѣта.

Иванъ. (Идетъ очень тихо.)

О, вы не долго прождете; ужъ какъ я начну отмахивать, такъ стриженая дѣвушка косы не успѣетъ заплести.

Ѳединька.

Вѣрю, вѣрю.

Иванъ. (Возвращаясь.)

А если я никого дома не застану, что̀ мнѣ дѣлать съ письмомъ?

Ѳединька.

О, еще всѣхъ застанешь; они теперь завтракаютъ; только надо идти поскорѣе. Мнѣ крайняя нужда.

Иванъ.

О, если такъ, то считайте, что письмо уже отдано. Мнѣ ничто не помѣшаетъ на дорогѣ.

Ѳединька.

Вѣрю, вѣрю, ступай же.

Иванъ. (Возвращаясь.)

Вѣдь вы знаете, что я не такъ, какъ другіе: остановятся середи улицы, да ужъ болтаютъ, болтаютъ; я въ жизнь этого никогда не дѣлывалъ.

Ѳединька.

Да ступай же.

Иванъ. (Возвращаясь.)

Вѣдь вы сами знаете, скажите: съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь въ домѣ, слыхалъ ли кто отъ меня лишнее слово?

Ѳединька.

Да, правда, правда... Что за болтунъ!

Иванъ. (Возвращаясь.)

А ужъ зайти чайку выпить или полпива, ужъ этого про меня никто не скажетъ.

Ѳединька.

Силъ не стало! Да пойдешь ли ты сегодня?

Иванъ.

Иду, иду. Я только хотѣлъ вамъ сказать, чтобъ вы не подумали...

Ѳединька.

Я ничего не думаю; ступай только поскорѣе.

Иванъ.

Иду, иду и разомъ вернусь; только не сердитесь пожалуйте; говорю вамъ, что разомъ... (*Возвращаясь.*) Да не будетъ ли еще какого приказанія? Все сдѣлаю.

Өединька.

Никакого больше, ступай только поскорѣе.

Иванъ. (Уходя.)

Сейчасъ, разомъ. Вотъ къ вамъ идетъ и товарищъ; вамъ не скучно будетъ меня дожидаться.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Өединька, Аркаша.

Аркаша.

Берутъ ли тебя куда нибудь сегодня, Өединька?

Өединька.

Хорошъ вопросъ! Да когда же я по праздникамъ остаюсь въ пансіонѣ?

Аркаша.

А куда ты пойдешь?

Өединька.

Я еще самъ не знаю навѣрное, куда лучше.

Аркаша.

Я пришелъ было звать тебя къ моей тетушкѣ.

Өединька.

О, мой любезный! Я тебѣ очень благодаренъ, но согласись самъ, что у тетушки твоей скука смертная.

Аркаша.

Ну, я этого не нахожу; у нея и большой дворъ, и большой садъ; братцы мои такіе добрые малые, всегда готовы сдѣлать всякое удовольствіе; къ тому же, если погода дурна, то и въ комнатѣ у нихъ найдется много чѣмъ позабавиться.

Ѳединька.

Да, знаю! Картинки, косморама, китайскія тѣни!—все дѣтскія игрушки! Куда какъ весело! Не зачѣмъ и изъ пансіона выходить.

Аркаша.

Ну, по мнѣ какъ хочешь. Я думалъ, что тебя никто не возьметъ сегодня.

Ѳединька.

Меня? Вотъ нашелъ! Я тебѣ говорю: у меня столько приглашеній, что я не знаю даже на что рѣшиться.

Аркаша.

Такъ прощай же, желаю тебѣ провести день весело; а завтра ты мнѣ разскажешь все чтò видѣлъ. Во всякомъ случаѣ, если за тобою не придутъ, то ты мнѣ скажи, мы пойдемъ вмѣстѣ къ тетушкѣ.

Ѳединька.

Благодарю тебя, мой добрый Аркаша, я прежде тебя уйду со двора.

Аркаша. (Уходя.)

О, я не спѣшу!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ѳединька. (Одинъ.)

Добрый Аркаша! мнѣ право даже жаль, что я такъ холодно отвѣчалъ на его приглашеніе; но чтò-же дѣлать, не скучать же ему въ угоду. Правда, можно нѣсколько часовъ провести весело и у его тетушки; она такая добрая: только и думаетъ, чѣмъ бы насъ потѣшить. Еслибъ не было у меня ничего лучшаго въ виду, то можетъ быть я бы и рѣшился; но у меня совсѣмъ другое на умѣ: охота! Иванъ сейчасъ воротится, принесетъ письмо отъ Бѣлкина къ надзирателю, то-то будетъ весело! Но вотъ и Гриша, я ему обѣщалъ съ нимъ идти. Какъ бы отъ него отдѣлаться такъ, чтобъ онъ не разсердился.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ѳединька, Гриша.

Гриша.

Ну ступай же, собирайся, ужъ одиннадцать часовъ, пора, идемъ!

Ѳединька.

А! здравствуй, моя душа! Хорошо ли ты спалъ?

Гриша.

Что за церемоніи! Нечего толковать, да и некогда; пора, идемъ!

Ѳединька.

Послушай, мнѣ тебѣ надо сказать нѣсколько словъ.

Гриша.

А я слушать ничего не хочу; насъ дожидаются завтракать, пойдемъ.

Ѳединька.

Да позволь мнѣ тебѣ разсказать . . .

Гриша.

Ты мнѣ разскажешь дорогою, пойдемъ!

Ѳединька.

Послушай, Гриша, я подумалъ . . .

Гриша.

О чемъ?

Ѳединька.

Послушай, мнѣ нельзя сегодня идти къ твоему дядюшкѣ.

Гриша.

Что ты говоришь! Тебѣ нельзя идти со мною?

Ѳединька.

Нѣтъ.

Гриша.

Развѣ тебя не отпускаютъ?

Ѳединька.

О, нѣтъ! Какъ это тебѣ пришло въ голову!

Гриша.

Такъ что же съ тобою? Что ты, съ ума что ли сошелъ? Какъ! всѣ наши приготовленія, всѣ наши приглашенія, твое слово, славный завтракъ, который насъ ожидаетъ... Помилуй, да я одинъ завтракъ ни на что бы не промѣнялъ.

Ѳединька.

Вѣдь это все можетъ быть и въ другой разъ; но я знаю, что ты добрый малый, ты не захочешь, чтобъ я упустилъ славный случай.

Гриша.

О, разумѣется не захочу! Но что это за случай?

Ѳединька.

Охота.

Гриша.

Охота! И ты думаешь, что тебѣ на охотѣ будетъ весело?

Ѳединька.

Ахъ, мой другъ, что̀ ты говоришь! Я былъ на охотѣ мѣсяцъ тому назадъ; ужъ вотъ истинно сказать, удовольствіе!... Когда бъ ты зналъ,

какъ мы возвратились назадъ: усталые, на сквозь промоченные дождемъ, умирая съ голоду. Не говорю уже о томъ, что̀ намъ досталось отъ ружейныхъ выстрѣловъ; но за то какое удовольствіе! Увѣряю тебя, что нѣтъ на свѣтѣ такого веселья, какова охота.

Гриша.

Да что̀ же ты нейдешь? Вѣдь пора уже.

Ѳединька.

За мной еще не прислали.

Гриша.

Ахъ, какъ же твоимъ знакомымъ не стыдно!

Ѳединька.

Это не ихъ вина: я только-что сейчасъ написалъ къ нимъ.

Гриша.

Какъ написалъ? Такъ ты еще не увѣренъ, будешь ли на охотѣ?... Такъ это не было заранѣе устроено?

Ѳединька.

О, я совершенно спокоенъ; меня не звали, но тотъ, къ кому я писалъ, возьметъ меня вмѣстѣ съ своимъ сыномъ.

Гриша.

А... Такъ-то! Знаешь, Ѳединька, пословицу: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки. Послушайся-ка меня, пойдемъ лучше со мною.

Ѳединька.

Невозможно; сейчасъ за мной придутъ.

Гриша.

Ну, нечего съ тобой дѣлать; желаю тебѣ всякаго удовольствія. Прощай!

Ѳединька.

Да не сердись на меня, пожалуйста.

Гриша.

О, нисколько! Я тебя извиню передъ всѣми.

ЯВЛЕНІЕ X.

Ѳединька (Одинъ.)

Да, такъ! Я очень хорошо сдѣлалъ, что отказался. Какъ все это сравнить съ охотой!—Да что же это Иванъ запропастился?... А, вотъ не онъ ли? Нѣтъ, это Степанъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Ѳединька, Степанъ.

Степанъ.

Всѣ ужъ за столомъ, сударь; развѣ вы сегодня не будете кушать?

Ѳединька.

Нѣтъ, я сейчасъ иду со двора.

Степанъ.

Но теперь вѣдь ужъ не рано; право бы не худо чего-нибудь перекусить.

Ѳединька.

Нѣтъ, спасибо! Я тебѣ говорю, что я сейчасъ иду со двора.

Степанъ.

Какъ вамъ угодно.

Ѳединька.

Ахъ, я забылъ тебѣ сказать, Степанъ: если за мной придутъ отъ Вельскихъ, то отвѣчай, что я сегодня не могу у нихъ быть.

Степанъ.

Слушаю-съ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Ѳединька (Одинъ).

А Иванъ все нейдетъ... И въ самомъ дѣлѣ становится поздно. А, вотъ наконецъ, и онъ! Ну, Иванъ, насилу ты пришелъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Ѳединька, Иванъ.

Ѳединька.

Вѣдь ужъ часа два, какъ ты вышелъ изъ дому.

Иванъ.

Неужели? А вѣдь я духомъ сбѣгалъ.

Ѳединька.

Духомъ?

Иванъ.

Да, сударь, духомъ. Я все бѣгомъ бѣжалъ.

Ѳединька.

Гдѣ же ты былъ?

Иванъ.

А вотъ гдѣ. Вотъ, какъ вы мнѣ приказывали, я нашелъ извощиковъ; вотъ нашелъ красную дверь, на самомъ на верху; вотъ я позвонилъ; какъ я позвонилъ, то и вышелъ ко мнѣ лакей въ ливреѣ.

Ѳединька.

Ну?.. Ну что же?

Иванъ.

Вотъ онъ мнѣ говоритъ... Вѣдь я его давно знаю, этого лакея; мы съ нимъ земляки...

Ѳединька.

Что мнѣ до твоего земляка! Что ты сдѣлалъ съ моимъ письмомъ?

Иванъ.

Да, съ вашимъ письмомъ... Вѣдь оно было къ Бѣлкину, не такъ ли?

Ѳединька.

Ну да разумѣется такъ.

Иванъ.

Такъ видите ли: Бѣлкина-то не было дома.

Ѳединька.

Бѣлкина не было дома? Что-же ты ко мнѣ въ ту же минуту не воротился?

Иванъ.

Да, какъ бы не такъ! Я вѣдь не дуракъ: знаю, какъ приказанія исполнять. Лакей сказалъ мнѣ, что я найду его у генеральши... генеральши... вотъ, посмотрите, я и забылъ ужъ ея имя. Истинно увѣряю васъ, сударь, что эти имена—бѣда мнѣ въ Петербургѣ...

Ѳединька.

Да что мнѣ за нужда до ея имени!... Ты былъ у нея?

Иванъ.

Какъ же. Она живетъ въ Семеновскомъ полку. Вотъ я и пошелъ отъ Кашина моста въ Семеновскій полкъ, нашелъ эту генеральшу, третій домъ отъ угла... нѣтъ, четвертый; нѣтъ... извините, третій... нѣтъ, точно четвертый... нѣтъ, третій...

Ѳединька.

Ахъ, Боже мой! Да что мнѣ за нужда—третій или четвертый!

Иванъ.

Вѣдь надо же мнѣ разсказать, какъ мнѣ разсказывали. Вотъ я и вошелъ въ этотъ домъ. Тутъ ужъ мнѣ не надобно было звонить, потому что дверь была настежь отворена. Вхожу—нѣтъ никого; только сидитъ какая-то старушенка; я къ ней: здѣсь г. Бѣлкинъ?—Точно, отвѣчала она мнѣ, онъ былъ здѣсь, да ушелъ...

Өединька.

Какъ, еще таки ты его не засталъ?

Иванъ.

Да, сударь, не засталъ; но старуха мнѣ сказала, что, говоритъ, онъ вышелъ отсюда, и сказалъ, говоритъ, что пойдетъ въ кондитерскую въ Гороховой... Я малый не промахъ—прямо въ Гороховую.

Өединька.

Отдыхаю.

Иванъ.

Ужъ я вамъ говорю, что вы другаго такого усерднаго слуги не сыщете. Ну вотъ, сударь, въ Гороховой точно я увидѣлъ кондитерскую, точно какъ старуха мнѣ сказала; но представьте себѣ, какой странный случай: въ Гороховой двѣ кондитерскія — одна не далеко отъ другой. Вообразите, мое положеніе: въ которую идти, въ ту или въ другую? Подумавши, я рѣшился,

чтобъ не ошибиться, опрометью бѣжать опять въ Семеновскій полкъ, и ну распрашивать старуху, про которую кондитерскую она мнѣ говорила.

Ѳединька

Ахъ, Боже мой!

Иванъ.

На этотъ разъ, старуха мнѣ толкомъ разсказала. Видишь ли, говоритъ, мой любезный, говоритъ: ты поди все прямо, прямо, говоритъ; эта кондитерская, говоритъ, будетъ послѣдняя на право—ошибиться нельзя. Вотъ я и поворотился все-таки бѣгомъ; но на этотъ разъ, по сказанному, какъ по писанному, прямо вошелъ въ послѣднюю кондитерскую направо. Вотъ я пришелъ. Спрашиваю: гдѣ г. Бѣлкинъ? Вотъ вышелъ ко мнѣ мальчикъ и еще смѣется, пострѣленокъ!—Кого вамъ? Г. Бѣлкина что ли?—Да, сударь, г. Бѣлкина.—Ну вотъ, сказалъ мнѣ мальчикъ, придите двумя минутами ранѣе, такъ вы бы его нашли; но впрочемъ онъ не можетъ быть далеко,—онъ пошелъ къ Невскому проспекту.

Ѳединька.

Несносное путешествіе. Скоро ли оно кончится!

Иванъ.

Вотъ, какъ я вышелъ на Невскій проспектъ, смотрю: мой г. Бѣлкинъ и идетъ въ книжный магазинъ.

Ѳединька.

Ну, насилу ты его отыскалъ! Наконецъ, отдалъ ли ты ему мое письмо?

Иванъ.

Разумѣется; тотчасъ отдалъ.

Ѳединька.

Что жъ онъ тебѣ сказалъ?

Иванъ.

Онъ сказалъ, что онъ, дескать, очень жалѣетъ, что, говоритъ, не можетъ сдѣлать того, говоритъ, чего вы просите, говоритъ; потому, говоритъ, что его сынъ давно уже уѣхалъ на охоту.

Ѳединька (Съ сердцемъ.)

Что же ты мнѣ не сказалъ этого тотчасъ? Цѣлыхъ два часа мучилъ меня—и изъ чего?..

Иванъ.

Что же дѣлать, сударь! Вѣдь не всѣмъ быть такимъ живчикамъ, какъ вы.. Ну что же, не-прикажете ли еще чего? Я теперь такъ разохотился.

Ѳединька.

Да, славно ты исправляешь мои порученія! Заставилъ меня потерять половину дня изъ-за этого отвѣта... Ступай себѣ!

Иванъ.

Коли такъ, то, какъ вамъ угодно, я пойду отдохнуть. (*Уходитъ и тотчасъ возвращается.*) Ахъ, сударь, всѣ пансіонеры идутъ на прогулку, не пойдете ли и вы съ ними?

Ѳединька.

О нѣтъ, нѣтъ! Оставь меня!

Иванъ.

Слушаю-съ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Ѳединька (Одинъ.)

Ну, нечего дѣлать; надо будетъ провести хоть полъ-дня у Вельскихъ; все-таки у нихъ не скучно будетъ. Однако надо предувѣдомить объ этомъ швейцара. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Ѳединька. Степанъ.

Степанъ.

Что прикажете?

Ѳединька.

Скажи мнѣ какъ скоро придутъ за мной отъ Вельскихъ.

Степанъ.

О, отъ Вельскихъ ужъ приходили съ четверть часа тому назадъ; не безпокойтесь, я въ точности исполнилъ ваше приказаніе.

Ѳединька.

Какъ!... Ты сказалъ...

Степанъ.

Что вамъ нельзя сегодня у нихъ быть.

Ѳединька.

Неправда! Могу и очень могу у нихъ быть... Какъ было не позвать меня? Я передумалъ.

Степанъ.

Я не могъ этого знать, и сверхъ того, эти молодые люди очень спѣшили: они ѣхали обѣдать къ своему дядюшкѣ, отъ котораго должны были ѣхать въ театръ. Ахъ, еслибъ вы знали какъ имъ было досадно, что вы съ ними не поѣхали!

Ѳединьаа.

Вотъ еще неудача! На меня какъ будто что нашло сегодня... Аркаша не ушелъ еще, не правда ли?

Степанъ.

Сейчасъ только пріѣзжала за нимъ тетушка съ братцемъ и повезла ихъ на Крестовскій островъ.

Ѳединька.

Ну, и послѣдняя надежда лопнула! Нынче, я вижу, ничего не воротишь. Ахъ, Боже мой! Скольким я отказалъ; хоть бы, по крайней мѣрѣ, пообѣдать.—Степанъ, спроси мою порцію завтрака у буфетчика.

Степанъ.

У буфетчика? Да его нѣтъ дома,—онъ вышелъ; вы знаете, когда дѣти уходятъ гулять, и онъ выходитъ изъ дому, потому что ему не остается больше никакого дѣла.

Ѳединька.

Ахъ, Боже мой!... По крайней мѣрѣ еслибы мнѣ попасть на прогулку. Когда бы ты меня во-время увѣдомилъ, я пошелъ бы вмѣстѣ съ другими.

Степанъ.

О, сударь, объ этомъ не жалѣйте, потому что вотъ собирается гроза, и васъ бы вымочило...

Ѳединька.

Вотъ великая бѣда! Войдешь въ какой нибудь сарай, попадешь подъ навѣсъ и столько же набѣгаешься, какъ и въ полѣ. Но вотъ ужъ въ самомъ дѣлѣ каплетъ. Хоть войти въ рекреаціонную залу, да поиграть въ мячикъ.

Степанъ.

Въ рекреаціонную залу нельзя, сударь: надзиратель унесъ ключь съ собою.

Ѳединька.

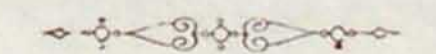
Такъ куда-же мнѣ дѣваться? Дождь все сильнѣе и сильнѣе.

Степанъ.

Что дѣлать, сударь! Одно остается средство: ступайте въ карцеръ. Если вы хорошенько попросите, то вамъ это позволятъ, и увѣряю васъ, что если вы будете сидѣть смирно, ни съ кѣмъ не говорить, не сходить съ мѣста, то вамъ тамъ позволятъ пробыть сколько вамъ угодно.

Ѳединька.

Вотъ веселье!... Но дѣлать нечего, лучше идти въ карцеръ, чѣмъ здѣсь промокнуть до костей. Ну, правду сказать, никогда я не забуду этого воскресенья и впредь уже не буду такъ спѣсивъ и разборчивъ!...

Въ потревоженную залу шопотъ, смѣхъ, шумъ [illegible]

[illegible] жизнь съ собою.

[illegible]

[illegible] понятно? [illegible]

и сильно.

[illegible]

Что гулять, гулять! Одно остается средство — ступайте въ казармы. Если вы хорошенько попросите, то [illegible] позволить, и [illegible], что если вы будете сидѣть смирно, вмѣстѣ съ ними не говорить, не сходить съ мѣста, то вамъ тамъ позволятъ пробыть сколько вамъ угодно...

[illegible]

[illegible] вмѣстѣ [illegible] въ казармы, [illegible] правду сказать, никогда я не забуду этого [illegible] и [illegible] уже не буду такъ [illegible] и разбойница!..

ЖУРНАЛЪ МАШИ
Ю Конденъ гр.

Отрывки изъ журнала Маши.

8 января 18... года.

Сегодня мнѣ исполнилось десять лѣтъ... Маменька хочетъ, чтобъ я съ сего же дня начала писать то, что̀ она называетъ журналомъ, то-есть, она хочетъ, чтобъ я записывала каждый день все, что̀ со мною случится... Признаюсь, я этому очень рада. Это значитъ... что я уже большая дѣвушка!... Сверхъ того, какъ весело будетъ черезъ нѣсколько времени прочитать свой журналъ, вспомнить всѣ игры, всѣхъ пріятельницъ, всѣхъ знакомыхъ... Однакожъ, должно признаться, это и довольно трудно. До сихъ поръ я брала перо въ руки только за тѣмъ, чтобъ или списать пропись, или написать маленькое

письмецо къ бабушкѣ.... но теперь надобно писать безъ прописи и безъ карандаша... Да, это совсѣмъ не легко! Однакожъ увидимъ... Ну, что-жъ я дѣлала сегодня? Проснувшись, я нашла на столикѣ, подлѣ кровати, маменькины подарки. Маменька подарила мнѣ прекрасную книжку въ сафьянномъ переплетѣ для моего журнала; папенька подарилъ мнѣ очень хорошенькую чернильницу съ колокольчикомъ. Какъ я этому рада! Я все это положу на мой столикъ—и мой столикъ будетъ точь-въ-точь какъ папенькинъ... Какъ я этому рада!...

Я обѣдала... Маменька послала меня почивать...

9 января.

Сегодня я показывала маменькѣ мой вчерашній журналъ. Маменька была имъ не довольна. «Зачѣмъ, спросила она, я не вижу въ твоемъ журналѣ ни слова о томъ, что̀ ты дѣлала утромъ и послѣ обѣда?»—Я не знала что̀ отвѣчать на это, да и мудрено было бы отвѣчать... потому что я вчера вела себя очень дурно: и журналъ, который мнѣ маменька велѣла вести, и чернильница, которую папенька мнѣ подарилъ,—все это какъ то перемѣшало у меня мысли въ головѣ и, когда поутру пришелъ ко мнѣ братецъ Вася звать

меня съ собою играть, я показала ему мою сафьянную книжку и отвѣчала, что я уже не могу съ нимъ больше играть, что я уже большая. Братецъ разсердился, расплакался, схватилъ мою книжку и бросилъ ее подъ столъ. Это меня также разсердило; я поворотила его къ дверямъ и толкнула, не смотря на нянюшку. Вася споткнулся, упалъ и ушибся и, когда няня стала мнѣ выговаривать, то я вмѣсто того, чтобъ бѣжать къ Васѣ и утѣшить его, сказала въ сердцахъ, что онъ стоитъ того. Въ это время пришла маменька; но я также и ея словъ, какъ нянюшкиныхъ, не послушалась, за что̀ маменька приказала мнѣ не выходить изъ моей комнаты... Только уже въ вечеру я помирилась съ Васей.— Всего этого у меня духу не достало записать вчера въ журналъ, и я сегодня спрашивала у маменьки: неужели я въ немъ должна записывать даже все то, что̀ я сдѣлаю дурнаго въ продолженіи дня? «Безъ сомнѣнія, отвѣчала маменька: безъ того какая же польза будетъ въ твоемъ журналѣ? Онъ пишется для того, чтобы въ немъ находилось все, что̀ человѣкъ дѣлаетъ въ продолженіи дня, чтобы потомъ, прочитывая записанное, онъ не забывалъ о своихъ дурныхъ поступкахъ и старался бы исправиться. Это назы-

вается, прибавила маменька, отдавать себѣ отчетъ въ своей жизни.»

О, признаюсь, что это очень трудно!.. До сихъ поръ бывало покапризничаешь, потомъ попросишь у маменьки прощенія—и все забыто; на другой день и не думаешь.... А теперь, что̀ ни сдѣлаешь дурнаго — ничто не забудется; маменька проститъ, а мой журналъ все говорить будетъ и завтра, и послѣ завтра, и чрезъ недѣлю. А какъ бываетъ стыдно, когда и на другой день вспомнишь о своей вчерашней шалости! Вотъ какъ сегодня: мнѣ такъ было стыдно описывать вчерашнее мое упрямство. Что же дѣлать, чтобы не было стыдно, чтобы журналъ не разсказывалъ, какъ я шалила, какъ я капризничала?... Вижу ясно, одно средство... не шалить, не капризничать и слушаться маменьки... Однако же, это очень не легко.

Сегодня всѣ учителя были мною очень довольны. Послѣ обѣда и весь вечеръ я играла съ Васей въ такую игру, которую я совсѣмъ не люблю: въ солдаты. Маменька за то меня очень похвалила, а Вася бросился ко мнѣ на шею и расцѣловалъ меня. Отъ этого мнѣ стало такъ весело....

10 января.

....Сегодня у насъ была гостья — прекрасная дама! На ней была прелестная шляпка съ перьями; я непремѣнно такую же сдѣлаю для моей куклы. — Послѣ обѣда я пришла въ гостиную. Папенька и маменька разговаривали съ дамой. — Многаго изъ ихъ словъ я не понимала; одно только я замѣтила: эта дама очень удивлялась, отъ чего у насъ въ домѣ такъ мало слугъ, а между тѣмъ все въ такомъ порядкѣ. «Вы вѣрно, сказала она маменькѣ, очень счастливы въ выборѣ людей.» — Нѣтъ, отвѣчала маменька, но я сама занимаюсь хозяйствомъ. — Какъ это можно? возразила дама: я такъ этого никакъ не могу сдѣлать». — Кто же у васъ смотритъ за домомъ? спросилъ папенька. — «Мой мужъ, отвѣчала дама. — Ну, теперь не удивительно, возразилъ папенька, что у васъ слугъ вдвое больше нашего, а между тѣмъ все не дѣлается въ домѣ, какъ бы надобно. Мужъ вашъ занятъ службою, цѣлое утро онъ не бываетъ дома, возвращается и работаетъ цѣлый вечеръ; когда же ему заниматься хозяйствомъ? И потому у васъ имъ не занимается никто. — «Это почти правда, отвѣчала дама, но что же дѣлать? Какъ этому помочь?» — Смѣю думать, сказалъ папенька, что заниматься

хозяйствомъ — дѣло женщины; ея дѣло входить во всѣ подробности, сводить счеты, надсматривать за порядкомъ. — «Для меня это невозможно, отвѣчала дама; я не такъ была воспитана: я, до самаго моего замужства, не имѣла понятія о томъ, что̀ называется хозяйствомъ; только и умѣла, что играть въ куклы, одѣвать себя и танцовать. Теперь я бы и хотѣла подумать о хозяйствѣ, да не знаю какъ приняться. Какое я ни дамъ приказаніе—выйдетъ вздоръ, и я въ отчаяніи уже рѣшилась предоставить все мужу или, лучше сказать, никому.» Тутъ папенька долго ей говорилъ, что́ ей должно дѣлать, чтобъ выучиться тому, чему ее въ дѣтствѣ не учили, но я многаго не могла понять изъ его словъ. Они еще разговаривали, когда къ ней прискакалъ человѣкъ изъ дому и сказалъ, что ея маленькій дитятя послѣ кушанья очень занемогъ. Дама вскрикнула, испугалась и сама такъ вдругъ сдѣлалась больна, что маменька не рѣшилась отпустить ее одну, а поѣхала къ ней съ нею вмѣстѣ.

11 января.

Маменька вчера возвратилась очень поздно и разсказывала, что дитятя занемогъ отъ какой-то нелуженой кострюльки; доктора думаютъ, что

онъ не доживетъ до утра. Маменька никакъ не могла удержаться отъ слезъ, разсказывая, какъ страдалъ бѣдный мальчикъ — и я заплакала. Я никакъ не могла понять, какимъ образомъ дитя могло занемочь отъ нелуженой кострюльки; но когда папенька сказалъ: «Вотъ что можетъ произойти, когда мать семейства сама не занимается хозяйствомъ!»—Какъ? спросила я, неужели дитя умираетъ отъ того, что его маменька не занимается хозяйствомъ?—«Да, моя милая, отвѣчалъ папенька, еслибъ его маменьку, съ дѣтскихъ лѣтъ, пріучали заниматься домомъ больше, нежели танцами, тогда бы съ нею не было такого несчастія.»—Ахъ, Боже мой! вскричала я, бросившись къ маменькѣ на шею, научите меня хозяйству!—«Изволь, моя милая, отвѣчала маменька, но только этого вдругъ сдѣлать нельзя; надобно, чтобъ ты привыкла помаленьку; да достанетъ ли у тебя и терпѣнія?»—О, увѣряю васъ, что достанетъ!—«Хорошо, сказала маменька, мы сдѣлаемъ опытъ. Ты видѣла въ комодѣ, что̀ въ твоей комнатѣ, свое бѣлье?»—Видѣла, маменька.—«Замѣтила ли ты, что когда прачка Авдотья приноситъ бѣлье къ твоей нянюшкѣ, то нянюшка принимаетъ его по счету?» — Замѣтила, маменька.—«Теперь, вмѣсто нянюшки, ты будешь

принимать бѣлье отъ Авдотьи.»—Но какъ же, маменька, я упомню, сколько какого бѣлья? Я замѣтила, что и нянюшка часто ошибается и споритъ съ Авдотьей.—«Я не удивляюсь этому, сказала маменька, потому что твоя нянюшка не знаетъ грамотѣ; для тебя же большою помощью будетъ то, что ты умѣешь читать и писать. Ты запиши на бумажкѣ все свое бѣлье и отмѣть, сколько какого. Когда Авдотья будетъ тебѣ приноситъ его, то ты, смотря на бумажку, повѣряй, все ли то принесла Авдотья, что̀ ты ей выдала.» — Ахъ, маменька, это очень легко! Какъ хорошо, что я умѣю читать и писать! — «Вотъ видишь ли, моя милая, замѣтила маменька; помнишь, какъ ты скучала, когда заставляли тебя читать книжку или списывать прописи; ты мнѣ тогда не хотѣла вѣрить какъ это необходимо.»—О! маменька, вскричала я; теперь во всемъ буду вамъ вѣрить; но скажите мнѣ, развѣ и бѣлье принадлежитъ къ хозяйству?—«Да, моя милая, это составляетъ часть хозяйства; прочія ты узнаешь со временемъ; теперь замѣть, одинъ разъ навсегда, что безъ порядка не можетъ быть и хозяйства, а порядокъ долженъ быть и въ бѣльѣ, и въ содержаніи прислуги, и въ покупкахъ, и въ собственномъ своемъ платьѣ, словомъ, во

всемъ; и ежели не наблюдать порядка въ одной какой-либо вещи, то слуги не будутъ его наблюдать и въ другой, и отъ того все въ домѣ пойдетъ навыворотъ; отъ сего-то и происходятъ такія несчастія, какое случилось съ дитятею этой дамы.

12 января.

Сегодня пришли намъ сказать, что бѣдный дитятя умеръ; какое несчастіе! Бѣдная мать, говорятъ, въ отчаяніи. Вижу, что надобно слушаться маменькиныхъ словъ. — Сегодня я приняла бѣлье отъ нянюшки по реестру, составила особую записку черному бѣлью и отдала Авдотьѣ; она должна его возвратить чрезъ четыре дня. Я спрашивала у маменьки, какъ узнать, сколько надобно мыла для того, чтобъ вымыть бѣлье. Маменька похвалила меня за этотъ вопросъ и сказала, что на каждый пудъ бѣлья надобно фунтъ мыла. Я велѣла взвѣсить бѣлье, выданное мною Авдотьѣ, и его вышло полпуда; изъ этого я заключила, что на него пойдетъ мыла полфунта.

Сегодня къ папенькѣ принесли большіе свертки; онъ развернулъ ихъ на столѣ, и я увидѣла какія-то престранныя картинки. Я никакъ не могла понять что̀ это такое. Папенька сказалъ

мнѣ, что это географическія карты. На что онѣ служатъ? спросила я его. — «Онѣ изображаютъ землю, на которой мы живемъ», сказалъ онъ.— Землю, на которой мы живемъ? Стало-быть здѣсь можно найти и Петербургъ?—«Разумѣется, моя милая.»—Гдѣ же онъ? спросила я папеньку; я его не вижу; здѣсь нѣтъ ни домовъ, ни улицъ, ни Лѣтняго сада.—«Точно такъ, моя милая; здѣсь нельзя видѣть ни домовъ, ни улицъ, ни Лѣтняго сада, но это вотъ отъ чего; слушай и пойми меня хорошенько.» — Тутъ онъ взялъ листъ бумаги и сказалъ: «Смотри, я нарисую эту комнату, въ которой мы сидимъ; она четвероугольная, и я рисую четвероугольникъ; вотъ здѣсь окошко, здѣсь другое, здѣсь третье; вотъ одна дверь, вотъ другая; вотъ диванъ, фортопіано, стулъ; вотъ шкапчикъ съ книгами.»—Вижу, сказала я; я бы тотчасъ узнала, что это наша комната.—«Теперь вообрази себѣ, что я бы хотѣлъ нарисовать планъ—такого рода рисунокъ называется планомъ —планъ дома, въ которомъ мы живемъ; но на этомъ же листѣ бумаги я его помѣстить не могу и для того я, уменьшивъ его нѣсколько въ размѣрѣ, перенесу мою комнату на другой листъ. Вотъ посмотри: вотъ наша гостиная, вотъ кабинетъ, вотъ спальня, твоя

дѣтская. Узнала ли бы ты по этому плану, что это нашъ домъ?»—О, безъ сомнѣнія!—«Теперь вообрази себѣ, что я бы хотѣлъ на такомъ же листѣ нарисовать планъ нашей улицы. Посмотри, какъ отъ этого долженъ уменьшиться планъ нашего дома. Теперь еще вообрази себѣ, что я на такомъ же листѣ хотѣлъ бы нарисовать планъ цѣлаго Петербурга. Тутъ нашъ домъ долженъ уже обратиться почти въ точку, для того чтобъ можно было на этомъ листѣ умѣстить всѣ улицы Петербурга; но кромѣ Петербурга есть и другіе города, изъ которыхъ иные далеко, очень далеко. Собраніе всѣхъ этихъ городовъ называется нашимъ отечествомъ, Россіею. Вообрази же себѣ, что я хотѣлъ бы на этомъ же листѣ нарисовать планъ всей Россіи, точно такъ же какъ я рисовалъ планъ Петербурга, планъ нашей улицы, нашего дома, нашей гостиной; но уже въ планѣ Россіи самый Петербургъ обратится въ точку. Вотъ эта карта, которая теперь лежитъ передъ нами, есть карта или планъ Россіи. Вотъ на ней Петербургъ, вотъ и Нева; но нельзя въ немъ видѣть ни Лѣтняго сада, ни нашей улицы, ни нашего дома, потому что самъ Петербургъ замѣченъ одною небольшею точкою или, лучше сказать, этимъ домикомъ съ крести-

комъ на верху, который ты здѣсь видишь.»— Ахъ, какъ это любопытно! сказала я папенькѣ. А есть ли еще что-нибудь кромѣ Россіи? — «Какъ же, моя милая, есть и другія земли, и для нихъ есть особыя карты.»—Ахъ, папенька, какъ бы я желала узнать всѣ эти земли! —«Ты это узнаешь, моя милая, но для этого надобно учиться исторіи.»—А что такое исторія?—«На этотъ вопросъ отвѣчать долго; напомни мнѣ о немъ послѣ.»

17 января.

Сегодня я принимала бѣлье и все получила исправно. Нянюшка удивлялась этому и, кажется, немножко сердилась, потому что дѣло у меня обошлось безъ всякихъ споровъ и въ самое короткое время. Бывало нянюшка, обыкновенно, при всякомъ такомъ случаѣ, много и долго спорила, да и не мудрено: она и сама забывала, и Авдотья полагалась на то, что нянюшка забудетъ; но теперь, когда все у меня было записано, то Авдотья вѣроятно была осторожна. Вижу теперь на опытѣ, какую правду мнѣ говорила маменька, что ученье полезно во всемъ, даже въ самыхъ малѣйшихъ случаяхъ. Маменька была такъ довольна моею исправностію, что обѣщала послѣ завтра вести меня на дѣтскій балъ къ

графинѣ Воротынской. Тамъ, говорятъ, будетъ музыка, танцы и пропасть народу. О, какъ будетъ весело!

Вспомня обѣщаніе папеньки, я пошла къ нему съ своимъ журналомъ и сказала: «Вы обѣщали разсказать мнѣ что̀ такое исторія.»—Исторія, моя милая, отвѣчалъ онъ, есть то, что̀ ты теперь въ рукахъ держишь. — «Это мой журналъ.»—Да, моя милая, я повторяю, что ты держишь въ рукахъ свою исторію.—«Какъ это папенька?»—Описаніе происшествій, чьихъ бы то ни было, называется исторіей, и потому-то я сказалъ тебѣ, что ты, описывая все, что̀ съ тобою случается, пишешь свою исторію. Теперь, представь себѣ, что, я и твоя маменька, мы также пишемъ журналы, и Вася, когда подростетъ, будетъ тоже дѣлать. Еслибы соединить всѣ эти журналы, то изъ нихъ бы составилась исторія нашего семейства.—«Понимаю, папенька.»—Теперь, вообрази себѣ, что мой папенька, а твой дѣдушка, также писали свою исторію; такимъ же образомъ и его папенька, а мой дѣдушка, котораго вотъ ты видишь портретъ, писалъ свою исторію.—Я посмотрѣла на портретъ и сказала: «Ахъ, папенька, какъ бы я рада была, еслибъ вашъ дѣдушка въ самомъ дѣлѣ писалъ свою ис-

торію!»—Для чего это, моя милая?—«Для того, что я бы могла тогда узнать, почему онъ не такъ одѣтъ, какъ вы.» — Этотъ вопросъ очень кстати, моя милая; въ то время, когда жилъ дѣдушка, всѣ одѣвались такъ, какъ ты его видишь, и разница была не только въ платьѣ, но тогда иначе говорили, иначе думали. Точно тоже я тебѣ долженъ сказать и о дѣдушкѣ моего дѣдушки; вотъ знаешь старичка съ бородою, котораго портретъ виситъ въ столовой. Тогда еще болѣе разницы съ нами было какъ въ платьѣ, такъ и во всемъ; онъ не только носилъ бороду, ходилъ въ шитомъ, длинномъ кафтанѣ, подпоясанномъ кушакомъ, но въ его домѣ не было ни креселъ, ни дивана, ни фортепіано. Вмѣсто того у него стояли кругомъ комнаты дубовыя скамейки; онъ ѣздилъ не въ каретѣ, а всегда почти верхомъ; жена его ходила подъ фатою, никогда не показывалась мущинамъ; она не ѣздила ни въ театръ, потому что его не было, ни на балы, потому что это почиталось неприличнымъ; они оба не знали грамотѣ. Видишь ли какая во всемъ разница съ нами.—«Ахъ, папенька, какъ это любопытно! И все это можно узнать изъ исторіи?»—Да, моя милая, но замѣть, что какъ жилъ дѣдушка моего дѣдушки, такъ и всѣ, ко-

торые жили въ одно съ нимъ время. У нихъ также были отцы и дѣдушки, у этихъ также, еще, еще... Исторія всѣхъ этихъ людей или, какъ говорятъ, народа, съ описаніемъ всего того, чѣмъ они были на насъ похожи или не похожи, составляетъ то, что̀ мы называемъ исторіею Россіи, нашего отечества. Такія же есть исторіи и о другихъ земляхъ и народахъ. — «Какихъ же это народовъ, папенька?» — О, ихъ было много! И еслибъ я тебѣ ихъ назвалъ всѣхъ, то это не дало бы тебѣ никакого о нихъ понятія; ты ихъ узнаешь постепенно. На этотъ разъ замѣчу тебѣ только то, что они всѣ между собою столь же мало похожи, сколько мы на прадѣдушку. Всѣ они носили разныя имена, изъ которыхъ теперь многія уже потерялись. Такъ ты встрѣтишь въ исторіи такіе народы, которые, вмѣсто нашего фрака, носили на себѣ одни покрывала. Вотъ напримѣръ бюстъ, который представляетъ человѣка безъ шляпы на головѣ, съ однимъ перекинутымъ чрезъ плечо плащемъ,—это былъ человѣкъ, котораго называли Сократомъ; онъ жилъ въ землѣ, которую называютъ Греціею, почти за двѣ тысячи лѣтъ до насъ; я тебѣ со временемъ дамъ прочитать его исторію. Теперь, чтобъ получить какое-нибудь понятіе объ исто-

ріи вообще, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обо всемъ земномъ шарѣ, вотъ прочти эту небольшую книжку: это Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ *).

19 января.

Сегодня маменька подарила мнѣ маленькій кухонный приборъ. Это для того, сказала она, чтобъ я знала все, что̀ нужно для кухни: какъ которая посуда называется и для чего ее употребляютъ, ибо хозяйкѣ это необходимо знать. Я внѣ себя отъ восхищенія!.. Я перебрала весь мой кухонный приборъ, нѣсколько разъ переспросила у нянюшки, какъ которая вещь называется... Это меня такъ заняло, что мнѣ даже досадно было, когда нянюшка пришла мнѣ сказать, что пора одѣваться и ѣхать на балъ...

20 января.

Я вчера такъ устала, что не могла приняться за перо и потому рѣшилась описать сегодня все, что̀ со мною вчера случилось. Не знаю съ чего начать: такъ много я видѣла новаго, прекраснаго.. Когда мы пріѣхали къ графинѣ Воротынской, му-

*) Мы рекомендуемъ эту книжку родителямъ и наставникамъ,— это первая или лучше сказать единственная на Русскомъ языкѣ книга, равно приспособленная къ понятію какъ простаго народа, такъ и дѣтей. *Зам. К. О.*

зыка ужъ играла. Пропасть дамъ кавалеровъ; всѣ такъ нарядны; въ комнатахъ такъ свѣтло, все блеститъ!... Дожидаясь окончанія танца, я сѣла подлѣ маленькой барышни, которая сидѣла въ уголку, была одѣта очень просто, въ бѣломъ кисейномъ платьицѣ; на ней были поношенныя перчатки. Она обошлась со мною очень ласково... Признаюсь, мнѣ было немножко досадно, потому что танцы только что начались и мнѣ долго надобно было просидѣть на одномъ мѣстѣ; но моя подруга Таня, такъ ее называли, была такъ мила, что я скоро позабыла объ этой непріятности. Она мнѣ разсказывала какъ вырѣзывать картинки и наклеивать на дерево или на стекло, выклеивать ими внутри хрустальныхъ чашъ; какъ переводить живые цвѣты на бумагу, какъ срисовывать картинки; я не знаю чего эта дѣвочка не знаетъ!.. Однимъ словомъ, время протекло съ нею для меня незамѣтно; еслибъ не она, то я бы цѣлые полчаса умирала со скуки. — Между тѣмъ танецъ кончился, и всѣ мои маленькія пріятельницы бросились обнимать меня; но я замѣтила, что многія изъ нихъ не говорили ни слова съ Таней и очень невѣжливо оборачивались къ ней спиною. Это мнѣ было очень непріятно, и я, съ своей стороны, стала безпрестанно обращаться къ Танѣ и съ нею заго-

варивать. Вдругъ маленькая хозяйка дома, графиня Мими, схватила меня за руку и, сказавъ, что она хочетъ мнѣ показать другія комнаты, увела меня отъ Тани. Когда мы отошли нѣсколько шаговъ, графиня Мими сказала мнѣ: «Что вы все говорите съ этою дѣвочкою? Пожалуйста не дружитесь съ нею!» — Да почему же? спросила я; она очень мила. — «Ахъ, какъ вамъ не стыдно! сказала графиня Мими. Мы съ нею не говоримъ; я не знаю, зачѣмъ маменька позволила ей пріѣхать къ намъ, — она дочь нашего учителя. Посмотрите, какія на ней черныя перчатки, какъ башмаки дурно сидятъ; говорятъ, что она у своего папеньки ходитъ на кухню!» — Очень мнѣ жаль было бѣдной Тани, и хотѣлось мнѣ за нее вступиться, но всѣ мои маленькія пріятельницы такъ захохотали, повторяя: «ходитъ на кухню, кухарка, кухарка», что я не имѣла духу вымолвить слова. Тутъ начались танцы; у меня сердце сжималось, слушая, какъ мои пріятельницы смѣялись надъ Таней и говорили: посмотрите какъ танцуетъ кухарка! Это дошло до того, что одна изъ моихъ пріятельницъ подошла къ Танѣ и, насмѣшливо посмотрѣвъ на нее, сказала: «Ахъ, какъ отъ васъ пахнетъ кухней!» — Я удивляюсь этому, очень просто отвѣчала Таня, потому что то платье, въ которомъ я хожу на кух-

ню, я оставила дома, а это у меня другое.— «Такъ вы ходите на кухню?» закричали всѣ съ хохотомъ.—Да, отвѣчала Таня, а вы развѣ не ходите? Мой папенька говоритъ, что всякой дѣвочкѣ необходимо нужно пріучаться къ хозяйству.—«Да вѣдь мы и вы—совсѣмъ другое» сказала одна изъ барышень.—Какая же между нами разница? спросила Таня.—«О! пребольшая, отвѣчала гордая барышня: у васъ отецъ—учитель, а у меня—генералъ; вотъ, посмотрите: въ большихъ эполетахъ, со звѣздою; вашъ отецъ нанимается, а мой нанимаетъ; понимаете ли вы это?»— И съ сими словами она оборотилась къ Танѣ спиною. Таня чуть не заплакала; но, не смотря на то, всѣ ее оставили одну и—я вмѣстѣ со всѣми. Я невольно за себя краснѣла. Я видѣла, что всѣ презирали Таню за то, чего именно отъ меня требовала маменька и что̀ я сама любила, но не имѣла силы подвергнуть себя общимъ насмѣшкамъ. И Таня стояла одна, оставленная всѣми; никто не подходилъ къ ней, никто не говорилъ съ нею. Ахъ, я очень была виновата! Она одна приласкала меня, когда никто не обращалъ на меня вниманія, когда мнѣ было скучно!... Но кажется, что маменька графини Мими замѣтила ея несправедливое презрѣніе къ Танѣ; я это думаю вотъ по-

чему. Графиня, поговоря съ другими маменьками, позвала нѣсколькихъ изъ насъ въ другую комнату. «Какъ это хорошо, сказала она, что вы теперь всѣ вмѣстѣ; всѣ вы такія милыя, прекрасныя, —я бы хотѣла имѣть ваши портреты; это очень легко и скоро можно сдѣлать: каждая изъ васъ сдѣлаетъ по тѣни силуэтъ другой и, такимъ образомъ, мы въ одну минуту составимъ цѣлую коллекцію портретовъ и, въ воспоминаніе нынѣшняго вечера, я повѣшу ихъ въ этой комнатѣ.» При этомъ предложеніи всѣ призадумались; принялись было за карандаши, за бумагу, но къ несчастію у всѣхъ выходили какія-то каракульки, и всѣ съ досадою бросили и карандаши, и бумагу. Одна Таня тотчасъ обвела по тѣни силуэтъ графини Мими, взяла ножницы, обрѣзала его кругомъ по карандашу, потомъ еще разъ—и силуэтъ сдѣлался гораздо меньше, потомъ еще—и силуэтъ Мими сдѣлался такой маленькій, какой носится въ медальонахъ, и такъ похожъ, что всѣ вскрикнули отъ удивленія. Очень мнѣ хотѣлось, чтобы Таня сдѣлала и мой силуэтъ; но, послѣ моего холоднаго съ нею обращенія, я не смѣла и подумать просить ее о томъ; каково же было мое удивленіе, когда Таня сама вызвалась сдѣлать мой силуэтъ. Я согласилась; она сдѣлала его чрезвычайно похо-

же и отдала графинѣ. Потомъ, взглянувъ на меня, эта добрая дѣвочка видно прочла въ моихъ глазахъ, что мнѣ очень бы хотѣлось оставить этотъ силуэтъ у себя; она тотчасъ по первому силуэту сдѣлала другой еще похожѣе перваго, провела его нѣсколько разъ надъ свѣчею, чтобъ онъ закоптился, и подарила его мнѣ. Тутъ я не могла болѣе удержаться, бросилась къ ней на шею и, почти со слезами, просила у нея прощенія. Милая Таня сама была растрогана. Графиня Мими не знала куда отъ стыда дѣваться; но этимъ не кончилось. Кажется, этотъ вечеръ нарочно былъ приготовленъ для торжества Тани. Въ той комнатѣ, въ которой для насъ приготовленъ былъ чай, стояло фортепіано. Графиня Воротынская предложила многимъ изъ насъ и, въ томъ числѣ, своей дочери сыграть что-нибудь на фортепіано. Графиня Мими сыграла, и очень плохо, начало маленькой сонаты Черни и принуждена была остановиться отъ безпрестанныхъ ошибокъ. Иныя умѣли сыграть только гамму и нѣсколько аккордовъ. Когда дошла очередь до Тани, то она сыграла Фильдово рондо, но съ такою легкостію, съ такимъ искусствомъ, что всѣ были приведены въ удивленіе. Стали просить меня: я знала другое Фильдово рондо и могла бы

сыграть его не хуже Тани; но я не хотѣла отнимать у нея торжества и, какъ ни больно было моему самолюбію, я удовольствовалась тѣмъ, что сыграла маленькую старую сонату Плейеля, которую я учила, когда меня еще только начали учить на фортепіано. Разумѣется, меня хвалили, но не такъ, какъ Таню. Одна маменька поняла мое намѣреніе и, поцѣловавъ меня, сказала, что она всегда была увѣрена въ моемъ добромъ сердцѣ. Я просила маменьку, чтобъ она позволила Танѣ пріѣхать къ намъ; маменька согласилась, и Таня увидитъ, буду ли я умѣть любить ее и быть ей благодарной...

29 января.

Сегодня послѣ обѣда папенька подозвалъ меня и братцевъ къ столу. «Давайте играть, дѣти,» сказалъ онъ. Мы подошли къ столу, и я очень удивилась, что на столѣ была географическая карта, которую я у папеньки видала, съ тою только разницею, что она была наклеена на доску; но на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились названія городовъ, были маленькія дырочки. «Какъ же мы будемъ играть?» спросила я. —А вотъ какъ. —Тутъ папенька роздалъ намъ по нѣскoль-

ку пуговокъ, на которыхъ были написаны имена разныхъ городовъ Россіи; у этихъ пуговокъ придѣланы были заостренныя иголочки. «Вы прошлаго года, сказалъ намъ папенька, ѣздили въ Москву и вѣрно помните всѣ города, которые мы проѣзжали?»—Какъ же, помнимъ, помнимъ! вскричали мы всѣ.—«Такъ слушайте же: вообразите вы себѣ, что мы опять отправляемся въ Москву, но что кучера у насъ не знаютъ дороги и безпрестанно спрашиваютъ, чрезъ какой городъ намъ надобно ѣхать? Вмѣсто того, чтобъ намъ показывать кучерамъ дорогу, мы будемъ вставлять въ эти дырочки наши пуговки, и тотъ, у кого останется хоть одна пуговка и онъ не будетъ знать куда помѣстить ее, тотъ долженъ будетъ заплатить каждому изъ насъ по серебряному пятачку,—и это будетъ справедливо, потому что, еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, въ дорогѣ нашъ проводникъ не умѣлъ показать ее, то мы бы принуждены были остановиться на мѣстѣ или воротиться назадъ и слѣдственно издерживать напрасно деньги.»—О! сказала я, это очень легко; здѣсь на картѣ всѣ города написаны. Вотъ видите ли, сказала я братцамъ: вотъ Петербургъ, а отъ него идетъ линеечка, а на этой линеечкѣ вотъ Новгородъ, вотъ Торжокъ, вотъ Тверь. И почти въ

одну минуту мы поставили на мѣста наши пуговки: Петербургъ-на Петербургъ, Новгородъ-на Новгородъ, Крестцы-на Крестцы и такъ далѣе; одному Васѣ было немножко трудно, но я ему помогла. «Прекрасно! сказалъ папенька; я вами очень доволенъ, и надобно вамъ заплатить за труды; вотъ вамъ каждому по пятачку. Теперь посмотримъ, въ самомъ ли дѣлѣ вы такъ хорошо помните эту дорогу?» Съ сими словами папенька положилъ на столъ другую карту.—Что это такое? спросила я.— «Это таже карта Россіи, отвѣчалъ папенька, только съ тою разницею, что здѣсь нѣтъ надписей, и вамъ придется угадывать города по ихъ мѣстоположенію. Такія карты называются нѣмыми картами. На первый разъ я вамъ помогу и покажу мѣсто Петербурга; вотъ онъ! Теперь прошу покорно отыскать мнѣ дорогу въ Москву. Кто ошибется, тотъ заплатитъ мнѣ пятачокъ за ложное извѣстіе.»—О, папенька, это очень легко, сказала я, и увидѣвши, что и на этой картѣ отъ Петербурга идетъ линеечка, мы, вмѣстѣ съ братцами, скоро стали ставить одну пуговку за другой, и скоро всѣ пуговки наши были поставлены на мѣста. «Хорошо, сказалъ папенька; посмотримъ, куда то вы меня завезли!» Съ этими словами онъ вынулъ прежнюю карту и, по-

казывая на нее, сказалъ: «Хорошо! Новгородъ поставленъ на мѣсто; а теперь... ге ге! Вмѣсто Крестцовъ вы меня завезли въ Порховъ, потомъ въ Великіе Луки, Торжокъ залетѣлъ въ Велижъ, Тверь въ Порѣчье, и Смоленскъ вы приняли за Москву. Покорно благодарю; прошу расплатиться за мой напрасный проѣздъ.» И наши пятачки перешли снова къ папенькѣ.—Но согласитесь, сказала я, отдавая ему деньги, что тутъ очень легко было ошибиться; посмотрите: обѣ дороги идутъ внизъ, и Смоленскъ почти на одномъ разстояніи съ Москвою.—«Разумѣется, ваша ошибка была простительна, отвѣчалъ папенька, хотя все-таки по чертамъ, которыми обведена каждая губернія, можно было догадаться, что вы не туда заѣхали. Впрочемъ, есть вѣрнѣйшее средство узнавать на картѣ то мѣсто, которое ищешь, а именно: по линіямъ, которыя, какъ рѣшеткой, покрываютъ карту и называются меридіанами; но объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь я вамъ дамъ одинъ только совѣтъ, какъ впередъ не ошибаться. Возьмите карту; посмотрите на ней хорошенько фигуру тѣхъ мѣстъ, которыя вамъ надобно замѣтить; зажмурьте глаза и старайтесь представить въ умѣ своемъ то, что̀ вы видѣли на картѣ; потомъ попробуйте на-

чертить замѣченное вами мѣсто на бумагѣ и повѣрьте вами нарисованное съ картою...

---

2 мая 1834 года.

Вчера, входя въ маменькину комнату, я увидѣла у нея на столѣ большой кожаный мѣшокъ; я хотѣла было приподнять его, но онъ едва не выпалъ у меня изъ рукъ — такой онъ былъ тяжелый.

«Что это такое?» спросила я у маменьки.

— Деньги, — отвѣчала она.

«Какъ! Это все деньги? Сколько же тутъ денегъ»?

— Пять сотъ рублей, — отвѣчала маменька.

«И онѣ всѣ ваши? Отчего же, маменька, вы часто говорите, что вы не богаты?»

Маменька улыбнулась.

— Скажи мнѣ, пожалуй, какъ ты думаешь, что̀ это значитъ: быть богатой?

«Быть богатой?... Это значитъ имѣть много денегъ, имѣть сто, двѣсти, пять сотъ рублей.»

— А какъ ты думаешь, что̀ такое деньги?

«Деньги?... То-есть рубли, полтинники, четвертаки, двугривенные, гривенники, пятачки...»

— Ну а еще что?

«Имперіалы, полуимперіалы.»

— Хочешь ли, Маша, продолжала маменька, я тебѣ къ обѣду насыплю на тарелку цѣлковыхъ?

«Вы смѣетесь надо мною, маменька; развѣ можно ѣсть цѣлковые?»

— А что же ты ѣшь каждый день?

«Вы это знаете, маменька: супъ, хлѣбъ, жаркое...»

— А откуда берется и супъ, и хлѣбъ, и жаркое?

«Хлѣбъ приноситъ каждый день булочникъ, за другою провизіею Иванъ ходитъ на рынокъ.»

— Какъ ты думаешь, Иванъ даромъ беретъ провизію?

«О нѣтъ, маменька, я знаю, что вы ему даете денегъ на провизію.»

— Стало-быть ты неправду сказала, будто не ѣшь денегъ; ты ихъ ѣшь каждый день за обѣдомъ.

«Да, это правда».

— Теперь ты поймешь, если я скажу тебѣ, что ты одѣта деньгами, что ты спишь, сидишь на деньгахъ, потому что твое платье, стулъ, постель, часы, все, что̀ ты видишь въ комнатѣ, все куплено на деньги.

«Это правда, маменька, но это такъ смѣшно кажется подумать, что я сижу и сплю на деньгахъ.»

— Скажи же мнѣ теперь, что̀ такое деньги?

«О! Теперь я знаю: деньги—это платье, хлѣбъ, мебель, словомъ, все, что̀ мы употребляемъ.»

— Ты можешь къ этому прибавить и квартиру, потому что я каждый годъ плачу за нее хозяину деньги.

«Это правда, маменька, но мнѣ все кажется, что пять сотъ рублей много, очень много денегъ.»

— Ты это говоришь потому, что не знаешь цѣны вещамъ.

«Что̀ это значитъ, маменька, цѣна вещамъ?»

— Напримѣръ, какъ ты думаешь, сколько разъ ты можешь пообѣдать за пять сотъ рублей?

«Не знаю, маменька.»

— Поди, принеси мою расходную книгу, и мы посмотримъ.

Я принесла расходную книгу, и маменька сказала мнѣ:

— Посмотри, что̀ намъ сто̀итъ нынѣшній обѣдъ?

«Пять рублей сорокъ копѣекъ.»

— А вчерашній?

«Четыре рубля шестьдесятъ копѣекъ.»

— А третьяго дня?

«Два рубля девяносто копѣекъ.»

— А четвертаго дня?

«Семь рублей двадцать копѣекъ. Я не знаю какъ и счесть, маменька; каждый день все разный расходъ.»

— Я тебѣ помогу. Сосчитай, сколько мы издержали въ продолженіи недѣли; сколько будетъ?

«Я насчитала тридцать пять рублей семьдесять копѣекъ.»

— Это дѣлаетъ съ небольшимъ пять рублей въ день; ты видишь, что пяти сотъ рублей намъ не достанетъ и на сто обѣдовъ, то-есть, съ небольшимъ на три мѣсяца, не считая ни платья, ни квартиры, ни другихъ издержекъ.

Признаюсь, этотъ неожиданный счетъ очень удивилъ и даже испугалъ меня.

— Вообрази себѣ, продолжала маменька, что есть люди, которые не имѣютъ пяти сотъ рублей и въ продолженіи цѣлаго года.

«Да какъ же живутъ они?» спросила я.

— Они ѣдятъ только хлѣбъ и щи, иногда кашу, и это еще люди трудолюбивые, достаточные; есть другіе, которые и того не имѣютъ.

«Скажите же мнѣ, маменька, что̀ же бы вы

дѣлали, еслибъ мы были бѣдны; какъ же бы мы жили?»

— Какъ другіе: мы бы стали работать за деньги и особенно не издерживать больше нашего дохода. Впрочемъ, такъ надобно поступать и богатымъ людямъ; безъ того и богатый будетъ въ нуждѣ, какъ бѣдный.

«Развѣ богатый можетъ быть въ нуждѣ?»

— Очень легко: если онъ будетъ издерживать всѣ свои деньги на вещи ненужныя, на прихоти, тогда у него не достанетъ ихъ и на необходимыя, или онъ принужденъ будетъ войти въ долги. Это-то состояніе я называю—быть въ нуждѣ, быть бѣднымъ.

«Скажите мнѣ, маменька, какимъ образомъ входятъ въ долги?»

— Двумя способами: или не платятъ мастеровымъ, которые для насъ работаютъ разныя вещи, или занимаютъ у тѣхъ, у которыхъ денегъ больше нашего. Первый способъ—величайшая несправедливость; нѣтъ ничего безнравственнѣе, какъ удерживать деньги людей, которые для насъ трудились. А второй способъ равняетъ насъ съ нищими, заставляя насъ какъ будто просить милостыню. Того и другаго можно избѣгнуть только хорошимъ хозяйствомъ.

«Вы и папенька обѣщали меня учить хозяйству; скажите мнѣ, сдѣлайте милость, что́ же такое хорошее хозяйство?»

— Хорошее хозяйство состоитъ въ томъ, чтобъ издерживать ни больше, ни меньше, какъ *сколько* нужно и *когда* нужно. Я очень бы хотѣла научить тебя этому секрету, потому что онъ даетъ возможность быть богатымъ съ небольшими деньгами.

«Кто же васъ научилъ ему, маменька?»

— Никто. Я должна была учиться сама и отъ того часто впадала въ ошибки, отъ которыхъ мнѣ бы хотѣлось тебя предостеречь. Меня не такъ воспитывали: меня учили музыкѣ, языкамъ, шить по канвѣ и особенно танцамъ; но о порядкѣ въ домѣ, о доходахъ, о расходахъ, вообще о хозяйствѣ, мнѣ не давали никакого понятія; въ мое время считалось даже неприличнымъ дѣвушкѣ вмѣшиваться въ хозяйство. Я видѣла, что бѣлье для меня всегда было готово, обѣдъ также, и мнѣ никогда не приходило въ голову подумать: какъ все это дѣлается? Помню только, что меня называли хорошею хозяйкою, потому что я разливала чай, и я добродушно этому вѣрила. Когда я вышла за мужъ, тогда увидѣла какъ несправедливо дано мнѣ было это на-

званіе: я не знала за что приняться, все въ домѣ у меня не ладилось, и твой папенька на меня сердился за то, что я никакъ не умѣла свести доходовъ съ расходами. Я издерживала на одно, у меня не доставало на другое такъ, что я тогда была гораздо бѣднѣе, нежели теперь, хотя доходы наши все одни и тѣже.

«Отъ чего же такъ?»

— Я не знала цѣны многимъ вещамъ и часто платила за нихъ больше, нежели сколько онѣ стоютъ; а еще больше отъ того, что не знала, какія вещи мнѣ необходимо нужны и безъ какихъ можно было обойтись; однакожъ мнѣ не хотѣлось, чтобы твой папенька на меня сердился, и я до тѣхъ поръ не была спокойна, пока не привела въ порядокъ нашего хозяйства.

«Какъ же вы привели его въ порядокъ?»

— Я начала съ того, что стала отдавать себѣ отчетъ въ моихъ издержкахъ; пересматривая расходную книгу, я замѣчала въ распредѣленіи нашихъ издержекъ тѣ вещи, безъ которыхъ намъ можно было обойтись, или которыя могли быть дешевле. Я замѣтила, напримѣръ, что мы платили слишкомъ дорого за квартиру, и разсудила, что лучше имѣть ее этажемъ выше, нежели от-

казывать себѣ въ другомъ отношеніи. Такъ поступила я и съ прочими вещами.

«Скажите мнѣ, маменька, что̀ значитъ распредѣленіе издержекъ?»

— Распредѣленіе издержекъ или, все равно, распредѣленіе доходовъ, есть главнѣйшее дѣло въ томъ хорошемъ хозяйствѣ, о которомъ мы говоримъ. Это понять довольно трудно; но я предполагаю въ тебѣ столько разсудка, что думаю, при нѣкоторомъ размышленіи, ты поймешь меня. Ты помнишь, мы говорили, что деньги это тѣ же вещи, которыя намъ нужны: платье, столъ, квартира; по этому надобно, на каждую изъ этихъ вещей, опредѣлить или назначить часть своего дохода. Отъ этого назначенія или распредѣленія зависитъ хорошее хозяйство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и благосостояніе семейства; но при этомъ распредѣленіи, мы должны подумать о томъ, чѣмъ мы обязаны самимъ себѣ и мѣсту, занимаемому нами въ свѣтѣ.

Это я не совершенно поняла.

«Скажите, спросила я у маменьки: что̀ значитъ мѣсто, занимаемое въ свѣтѣ?»

— Количество денегъ, которое мы имѣемъ, отвѣчала маменька, или, лучше сказать, количество вещей, которое можно получить за деньги,

бываетъ извѣстно всѣмъ нашимъ знакомымъ, и потому, когда мы говоримъ, что такой-то человѣкъ получаетъ столько-то доходу, то съ тѣмъ вмѣстѣ рождается мысль о томъ образѣ жизни, какой онъ долженъ вести, или о тѣхъ вещахъ, которыя онъ долженъ имѣть.

«Почему же долженъ, маменька? Кто заставляетъ человѣка вести тотъ или другой образъ жизни, имѣть у себя тѣ или другія вещи?»

— Если хочешь, никто, кого бы можно было назвать по имени, но въ обществѣ существуетъ нѣкоторое чувство справедливости, которое обыкновенно называютъ общимъ мнѣніемъ, и съ которымъ невозможно не сообразоваться. Я бы могла, напримѣръ, не занимать такой квартиры какъ теперь, жить въ маленькой комнатѣ, спать на войлокѣ, носить миткалевый чепчикъ, выбойчатое платье, какое у нянюшки, однако же я этого не могу сдѣлать.

«Разумѣется, маменька: всѣ, кто пріѣзжаетъ къ намъ, стали бы надъ вами смѣяться.»

— Ты видишь поэтому, что мѣсто, которое я занимаю въ свѣтѣ, заставляетъ меня дѣлать нѣкоторыя издержки или, другими словами, имѣть нѣкоторыя вещи, сообразныя съ моимъ состояніемъ. Замѣть это слово: *сообразныя съ моимъ*

состоянiемъ; такъ напримѣръ, никто не станетъ укорять меня за то, что я не ношу платьевъ въ триста и четыреста рублей, какiя ты иногда видишь на нашей знакомой княгинѣ. Свѣтъ имѣетъ право требовать отъ насъ издержекъ, сообразныхъ съ нашимъ состоянiемъ, потому что большая часть денегъ, получаемыхъ богатыми, возвращается къ бѣднымъ, которые для насъ трудятся. Еслибы богатые не издерживали денегъ, тогда бы деньги не приносили никому никакой пользы, и бѣдные умирали бы съ голоду. Такъ напримѣръ, еслибы всѣ тѣ, которые въ состоянiи содержать трехъ или четырехъ слугъ, оставили бы у себя только по одному, то остальные бы не нашли себѣ мѣста. Теперь ты понимаешь, что̀ значитъ жить прилично мѣсту, занимаемому въ свѣтѣ? Но при распредѣленiи издержекъ мы должны думать и о томъ, чѣмъ мы обязаны передъ самими собою, т. е. мы должны знать, сколько наши доходы позволяютъ намъ издерживать. Есть люди, которые, изъ тщеславiя, хотятъ казаться богаче, нежели сколько они суть въ самомъ дѣлѣ. Это люди очень неразумные: для того, чтобы поблистать предъ другими, они отказываютъ себѣ въ необходимомъ; они всегда безпокойны и несчастливы; они часто проводятъ нѣсколько годовъ роскошно, а остальную жизнь въ

совершенной нищетѣ; и все это потому только, что не хотятъ жить по состоянію. Ты помнишь, папенька разсказывалъ о своемъ секретарѣ, который, въ день своей свадьбы, издержалъ весь свой годовой доходъ, потомъ продалъ мебель, чтобы не умереть съ голода въ продолженіи года, и наконецъ пришелъ просить у насъ денегъ на дрова.

— Научите же, маменька, какимъ образомъ надобно жить по состоянію?

— Я тебѣ повторяю, что у меня на каждый родъ издержекъ назначена особенная часть моихъ доходовъ, и я назначеннаго никогда не переступаю. Правда и то, что мнѣ легче другихъ завести такой порядокъ, потому что я каждый мѣсяцъ получаю непремѣнно опредѣленную сумму. Тѣмъ, которые получаютъ деньги въ разные сроки, по различнымъ суммамъ, труднѣе распорядиться. Впрочемъ, всякое состояніе требуетъ особеннаго, ему свойственнаго хозяйства; всякій долженъ стараться приспособить порядокъ своего дома къ своимъ обстоятельствамъ. Такъ напримѣръ, еслибъ у меня было васъ не трое, а больше или меньше, тогда бы я иначе должна была распредѣлить свои доходы.

— Это правда, маменька; надобно все дѣлить поровну.

— Поровну? Я этого не скажу. Дѣло не въ томъ, чтобы дѣлить все поровну, но чтобы всякому доставалось сообразно его потребностямъ. Такъ напримѣръ, я иногда употребляю для себя денегъ больше, нежели для тебя, то-есть беру для себя больше матеріи, нежели для тебя, а между тѣмъ мы получаемъ поровну: обѣимъ выходитъ по два платья.

— Все это очень хорошо, маменька, но только трудно запомнить.

— Совсѣмъ не такъ трудно, какъ ты думаешь, и я тебѣ дамъ прекрасное средство припомнить все, что̀ я тебѣ до сихъ поръ говорила.

Съ этими словами маменька вынула изъ бюро небольшую книжку, переплетенную въ красный сафьянъ, и сказала мнѣ:

—Вотъ тебѣ подарокъ: съ сегоднишняго дня ты будешь сама располагать тѣми деньгами, которыя я назначаю для твоего содержанія, словомъ, ты будешь дѣлать для себя то, что̀ я дѣлаю для цѣлаго дома. Каждый мѣсяцъ ты будешь получать отъ меня сумму денегъ, для тебя назначенную, сама будешь располагать ею и записывать издержки въ этой книжкѣ. На лѣвой сторонѣ ты напишешь въ ней слово: *приходъ*, выставишь годъ и мѣсяцъ; на другой страничкѣ — слово:

расходъ, и также выставишь годъ и мѣсяцъ; на этой страницѣ по числамъ ты будешь записывать свои издержки, Понимаешь ли?

— Кажется, маменька.

— Замѣть еще вотъ что̀: каждый мѣсяцъ ты мнѣ стоишь около двадцати рублей; однако эта сумма, двадцать рублей, не издерживается въ каждомъ мѣсяцѣ. Въ началѣ зимы или лѣта я приготовляю все, что̀ для тебя нужно; въ слѣдующіе за тѣмъ мѣсяцы я откладываю ту сумму, которая остается отъ мелочныхъ ежемѣсячныхъ издержекъ. Теперь у меня къ первому мая осталось для тебя шестьдесятъ пять рублей. да сверхъ того тебѣ слѣдуетъ получить на нынѣшній май мѣсяцъ двадцать рублей, итого восемьдесять пять рублей. Подумай же хорошенько, на что̀ ты должна ихъ употребить; завтра я спрошу тебя объ этомъ.

8 мая 1834 года.

Все, что̀ говорила до сихъ поръ маменька, было довольно трудно для моего понятія, такъ трудно, что я не рѣшалась записывать въ журналъ моихъ ежедневныхъ съ нею объ этомъ разговоровъ, и уже по прошествіи недѣли, выразумѣвъ хорошенько все, что̀ маменька мнѣ говорила, я рѣ-

шилась записать ихъ. Я прочитала маменькѣ все записанное мною и она похвалила меня, сказавъ, что я совершенно поняла ее.

Итакъ у меня теперь восемьдесятъ пять рублей! Что̀ ни говори маменька, думала я, а это много денегъ. Я помню, когда папенька давалъ мнѣ, въ день моихъ именинъ, синенькую бумажку, я не знала что̀ съ нею дѣлать; а теперь у меня семнадцать новыхъ синенькихъ бумажекъ!...

По совѣту маменьки я написала на первомъ листѣ съ лѣвой стороны:

Приходъ 1 мая, 85 рублей.

и, пришедши къ маменькѣ, сказала ей:

— Маменька! Теперь время приходитъ думать о томъ, что̀ мнѣ надобно къ лѣту: поѣдемте въ лавки.

— Погоди, отвѣчала она, надобно прежде подумать, что̀ тебѣ именно нужно.

— Но какъ же я могу узнать, не побывавъ прежде въ магазинахъ?

— Ничего нѣтъ легче, сказала она; ты знаешь, что мы должны издерживать деньги только на тѣ вещи, которыя намъ дѣйствительно нужны. Подумай хорошенько, чего тебѣ недостаетъ въ твоемъ гардеробѣ, сообразись съ своими деньгами и рѣши напередъ, что̀ тебѣ именно нужно.

Подумавши немного, я нашла, что мнѣ необходимо нужно два платья, потому что, хотя и есть у меня два бѣлыхъ платья, но одно уже старо и стало мнѣ узко и коротко; другое можно еще поправить. Розовое платье еще можно носить, но голубое никуда не годится. Порядочно разсудивъ объ этомъ, я сказала маменькѣ:

— Мнѣ бы хотѣлось имѣть два платья: одно получше, однакожъ не очень маркое, а другое просто бѣлое. Какъ вы думаете, правду ли я говорю?

— Посмотримъ, отвѣчала маменька. Что̀ тебѣ еще нужно?

— Моя зимняя шляпка совсѣмъ уже истаскалась; я думаю, что теперь мнѣ надобно другую, соломенную.

— Тебѣ нужны еще башмаки, перчатки.

— Это правда, маменька, но это все бездѣлица, и у меня еще останется довольно денегъ.

— Тѣмъ лучше; никогда не должно издерживать всего своего дохода, надобно думать и о непредвидимыхъ случаяхъ: для нихъ надобно всегда оставлять что-нибудь въ запасъ. Тебѣ случается терять платки, ты неосторожна и часто мараешь свои платья; наши недостатки всегда намъ стоятъ дорого; кто не хочетъ избавить-

ся отъ нихъ, тотъ долженъ сберегать для нихъ, въ запасъ, деньги. Подумай еще хорошенько, не нужно ли тебѣ еще чего?

— Тутъ, кажется, все, маменька.

— Хорошо, но я все думаю, что ты что-нибудь забыла, и потому я тебѣ совѣтую опредѣлять не слишкомъ большую сумму на свои платья, напримѣръ, не больше тридцати рублей на оба платья, пятнадцать или двадцать на шляпку,—это уже составитъ пятьдесятъ рублей.

— Но у меня восемьдесятъ пять рублей, маменька.

— Это правда; вспомни однако, что у тебя остаются еще другія издержки и что мы условились оставлять хотя что-нибудь къ будущему мѣсяцу. Завтра мы поѣдемъ въ лавки.

9 мая 1834 года.

Сегодня я проснулась очень рано: я почти не могла спать отъ мысли, что сегодня я сама пойду въ магазины, сама буду выбирать себѣ платья, сама буду платить за нихъ. Какъ это весело!..

Я возвратилась домой. Какъ странно жить въ этомъ свѣтѣ и какъ еще мало у меня опытности! Войдя въ лавку, я стала разсматривать разныя матеріи; прекрасное тибе́ бѣлое съ разводами бросилось мнѣ въ глаза.

— Можно мнѣ купить это? спросила я у маменьки.

— Рѣши сама, отвѣчала она. Почемъ аршинъ? продолжала маменька, обращаясь къ купцу.

— Десять рублей аршинъ; это очень дешево; это настоящая французская матерія; ея ни у кого еще нѣтъ.

— Тебѣ надобно четыре аршина, замѣтила маменька; это составитъ сорокъ рублей, то-есть больше того, что̀ ты назначала на два платья.

— Да почему же, маменька, я обязана издержать на мое платье только тридцать рублей?

— Обязана потому, что надобно держать слово, которое мы даемъ себѣ. Скажи мнѣ, что́ будетъ въ томъ пользы, если мы, послѣ долгаго размышленія, рѣшимся на что-нибудь и потомъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ перемѣнимъ свои мысли?

Я чувствовала справедливость маменькиныхъ словъ, однакожъ прекрасное тибѐ очень прельщало меня.

— Развѣ мнѣ нельзя, сказала я, вмѣсто двухъ платьевъ, сдѣлать только одно?

— Это очень можно, отвѣчала маменька; но подумай хорошенько: ты сама находила, что тебѣ нужно два платья, и дѣйствительно тебѣ безъ

двухъ новыхъ платьевъ нельзя обойтись; ты сама такъ думала, пока тебя не прельстило это тибе́. Вотъ почему я совѣтовала тебѣ привыкнуть заранѣе назначать свои издержки и держаться своего слова.

Еще разъ я чувствовала, что маменька говорила правду, но невольно вздохнула и подумала, какъ трудно самой управляться съ деньгами. Кажется, купецъ замѣтилъ мое горе, потому что тотчасъ сказалъ мнѣ:

— У насъ есть очень похожій на это кембрикъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ показалъ мнѣ кисею, которая издали очень походила на тибѐ; я спросила о цѣнѣ: три рубля аршинъ. Эта цѣна также была больше той суммы, которая назначена была мною на платье.

— Нѣтъ, это дорого, сказала я маменькѣ.

Маменька улыбнулась.

— Погоди, сказала она; можетъ быть, другое платье будетъ дешевле, и мы сведемъ концы.

И точно, я нашла прехорошенькую холстинку по рублю пятидесяти копѣекъ аршинъ. Такимъ образомъ эти оба платья вмѣстѣ только тремя рублями превышали сумму, мною для нихъ назначенную.

—Не забудь, сказала маменька, что мы должны навести эти три рубля на другихъ издержкахъ.

Мы просили купца отложить нашу покупку, сказавъ, что пришлемъ за нею, и пошли въ другой магазинъ. Тамъ, по совѣту маменьки, мы купили соломенную шляпку, подложенную розовымъ гроденаплемъ, съ такою же лентою и бантомъ. За нее просили двадцать рублей; но когда маменька поторговалась, то ее отдали за семнадцать рублей. Потомъ мы пошли къ башмашницѣ; я тамъ заказала себѣ ботинки изъ дикенькаго сафьяна за четыре рубля. Оттуда мы пошли къ перчаточницѣ и купили двѣ пары перчатокъ.

— Я предвидѣла, сказала маменька, что мы что-нибудь забудемъ; вѣдь намъ надобно взять подкладочной кисеи къ твоимъ платьямъ.

И мы возвратились въ первый магазинъ. Вошедши въ него, я увидѣла даму, которая, сидя возлѣ прилавка, разбирала множество разныхъ матерій, которыя купецъ ей показывалъ: «Вотъ шерстяная кисея, фуляры, говорилъ купецъ, вотъ тибе́, шали́, шелковая кисея, французскіе кашемиры». Дама на все смотрѣла съ равнодушнымъ презрѣніемъ, однако все покупала. Это ей годилось для утренняго туалета, то-для вечера, то таскать дома; и она все покупала.

Я смотрѣла на эту даму съ удивленіемъ и даже, боюсь сказать, съ какою-то завистію. Какъ она должна быть богата, думала я. Между тѣмъ маменька взяла подкладочной кисеи и сказала мнѣ: «Пойдемъ же, Маша». Маменькинъ голосъ заставилъ даму оборотиться; она тотчасъ встала и подошла къ маменькѣ.

—Ахъ! Это ты, Катя, вскричала она; тебя нигдѣ не видно, ты совсѣмъ забыла меня, а помнишь, какъ мы вмѣстѣ учились танцовать?

Маменька отвѣчала ей, что у нея домашнія хлопоты отнимаютъ все время, и къ тому же, прибавила она, тебя никогда не застанешь дома.

— О, это просто *эпиграмма* на меня! отвѣчала дама; напротивъ, я сейчасъ ѣду домой. Поѣдемъ вмѣстѣ со мною: я тебѣ покажу новую картину, которую купилъ мой мужъ. Онъ увѣряетъ, что она чудесна; ты большая мастерица рисовать и скажешь мнѣ о ней свое мнѣніе. Какъ бы я рада была, еслибъ мой мужъ ошибся! Можетъ быть, это бы его отучило отъ страсти къ картинамъ: онъ на нихъ совершенно разоряется.

Послѣ нѣкотораго сопротивленія, маменька согласилась; мы сѣли въ карету богатой дамы и поѣхали къ ней.

Я не могла удержаться и сказала: «Ахъ! какъ весело ѣздить въ каретѣ».

— Да, замѣтила дама; я не знаю, какъ можно обходиться безъ кареты.

— Однакожъ, промолвила маменька, есть люди, которые безъ нея обходятся.

— Вообрази себѣ, Катя, отвѣчала дама, что мужъ мой хотѣлъ обойтись безъ кареты и ѣздить всегда въ кабріолеткѣ; но я доказала ему, что безъ кареты обойтись невозможно.

— Но когда содержаніе кареты превосходитъ наше состояніе, тогда что̀ дѣлать?

— Ужъ что̀ бы тамъ ни было, отвѣчала дама, но карета вещь необходимая; надобно же иногда приносить жертву тому мѣсту, которое мы занимаемъ въ свѣтѣ.

Маменька взглянула на меня,—я поняла ее. Мы пріѣхали.

Маменька прошла съ дамой въ ту комнату, гдѣ была картина, а я осталась въ гостиной. Здѣсь на коврѣ играла маленькая дочь хозяйки; никто ею не занимался; на ней было бархатное платьице, но уже довольно старое; поясокъ заколотъ булавкою, потому что пряжка была изломана; пелеринка была смята и изорвана, башмаки стоптаны.

Когда мы вышли отъ этой дамы, я спросила у маменьки: замѣтила ли она странный туалетъ дитяти.

— Какъ не замѣтить, отвѣчала она; эта дама гораздо богаче меня, но дочь ея носитъ стоптанные башмаки, тогда какъ у тебя новые; это отъ того, что моя пріятельница цѣлый вѣкъ думаетъ только о своихъ прихотяхъ, никогда не соображаетъ своего прихода съ расходомъ; что̀ она ни увидитъ, ей всего хочется; покупаетъ все, что̀ ей ни понравится, и мысль о томъ, что она можетъ въ конецъ разориться, оставить дочь безъ куска хлѣба, ей никогда не приходитъ въ голову. Она ничего не видитъ дальше настоящей минуты. Я того и жду, что она скоро совсѣмъ разорится и горькою бѣдностію заплатитъ за свою теперешнюю роскошь.

Это меня поразило.

— Ахъ, маменька, сказала я; клянусь вамъ, что я никогда не дамъ надъ собою воли прихотямъ.

— Обѣщай мнѣ, по крайней мѣрѣ, стараться объ этомъ, замѣтила маменька. Съ перваго раза трудно научиться побѣждать себя.

Тутъ мы вошли въ магазинъ, гдѣ я выбрала пояски, потому что маменька хотѣла за одинъ

разъ купить все нужное, говоря, что не надобно понапрасну терять времени. Пока мы разбирали пояски, я увидѣла прекрасный шейный платочикъ, и мнѣ очень его захотѣлось; онъ стоилъ только пять рублей.

— Маша, сказала мнѣ маменька, вѣдь это прихоть.

— Но, маменька, возразила я, мнѣ очень нуженъ шелковый платочикъ, у меня вѣдь нѣтъ ни одного; у меня еще довольно осталось денегъ, почему же мнѣ не купить этотъ платочикъ?

— А сколько у тебя осталось денегъ?

— Двадцать рублей. . . . доходъ мой за цѣлый мѣсяцъ.

— Вспомни, что тебѣ надобно заплатить еще, по крайней мѣрѣ, десять рублей за шитье платьевъ и также оставить что-нибудь въ запасѣ, потому что, до окончанія мѣсяца, ты можешь имѣть еще нужду въ деньгахъ.

— Но, маменька, если я куплю этотъ платочикъ, у меня все еще останется пять рублей.

— Тебѣ очень захотѣлось этого платочка; онъ стóитъ довольно дорого, а ты можешь безъ него обойтись. Знаешь ли ты, Маша, что на эти пять рублей можно купить десять аршинъ выбойки, а изъ десяти аршинъ выйдетъ два платья дочерямъ

той бѣдной женщины, которая къ намъ ходитъ и которая такъ долго была больна и не могла работать.

Эти слова привели меня почти въ слезы.

— Нѣтъ, маменька, сказала я; я не хочу платочка, купите на пять рублей выбойки для бѣдныхъ малютокъ.

Маменька поцѣловала меня.

— Я очень рада, сказала она, что ты хочешь употребить деньги на дѣйствительную нужду, а не на прихоть. Ты сегодня сдѣлала большой шагъ къ важной наукѣ—наукѣ жить. Когда тебѣ будетъ двѣнадцать лѣтъ, тогда ты мнѣ будешь помогать въ хозяйствѣ всего дома.

— Ахъ, какъ это будетъ весело, любезная маменька! Только я не буду знать, какъ за это приняться, сказала я, подумавъ немного.

— Не будешь умѣть приняться? Ты примешься за все хозяйство точно такъ же, какъ принялась за свое собственное. Теперь запиши въ своей книжкѣ все, что̀ ты издержала; это всегда надобно дѣлать тотчасъ. Чтобы не забыть всего того, что̀ мы говорили въ продолженіи всей этой недѣли, напиши на первомъ листкѣ слова Апостола Павла: «*Тотъ богатъ, кто довольствуется тѣмъ, что имѣетъ.*»

Запиши также, прибавила маменька, слова Франклина, великаго человѣка, котораго исторію я когда нибудь тебѣ разскажу: «Если ты покупаешь то, что̀ тебѣ не нужно, то скоро будешь продавать то̀, что тебѣ необходимо».

2015148087